

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 0201–7385
ISSN 2074–6636

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

Основан
в 1946 году

Вестник Московского университета

ISSN 0201–7385. ISSN 2074–6636
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. 2015. № 3. С. 1–120.

Серия 22
теория перевода

3/2015

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, Факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Балью Кристиан**, доктор филологии, профессор, Институт устного и письменного перевода, Высшая школа Брюсселя (Бельгия); **Бельский Евгений Викторович**, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьещи Маурицио**, доцент, Факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия); **Горшкова Вера Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, Евразийский лингвистический институт МГЛУ ЕАЛИ (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Исолахти Нина Борисовна**, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, Отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания); **Кольцова Юлия Николаевна**, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Марусенко Михаил Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишуров Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Матасов Роман Александрович**, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Панг Кеен**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Ханкукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Харацидис Элефтериос Константинович**, доктор исторических наук профессор, Факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Греция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Чайковский Роман Романович**, доктор филологических наук, профессор, Северо-Восточный государственный университет (Россия); **Шмидт Питер-Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD

Garbovskiy, Nikolay K., Editor-in-Chief, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Kostikova, Olga I., Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mozgovaya, Ludmila A., Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Awais, Henri, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon); **Alexeeva Irina S.**, Cand. Sc. (Philology), St Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Balliu, Christian**, Professor, Dr. Sc., ISTI, Department of Translation and Interpreting, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Belsky, Yevgueny V.**, Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Viezz, i Maurizio**, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Gorshkova, Vera Ye.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Eurasian Linguistic Institute (Russia); **Yesakova, Maria N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Isolahti, Nina B.**, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Quero-Gervilla, Enrique F.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Slavic Philology, University of Granada (Spain); **Koltsova, Yulia N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Lee-Jahnke, Hannelore**, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Manerko, Larisa A.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Marusenko, Mikhail N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Mironova, Nadezhda N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Mishkurov, Edward N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Matasov, Roman A.**, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia); **Bang, Gyoyoung**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpreting and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea); **Torsukov, Yevgueny G.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Forstner, Martin**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Charatsidis, Elefterios K.**, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Holzer, Peter**, Associate Professor, Dr. Sc., Institut of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Khukhuni, Georgiy T.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Tchaikovskiy, Roman R.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), North-Eastern State University (Russia); **Schmitt, Peter A.**, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany).

Корректор *Е. А. Босина*

Компьютерная верстка *Ю. В. Одицовой*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус, к. 1150.
Тел.: 8(495) 932-80-72

Подписано в печать 17.12.2015. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 7, 11. Тираж экз. Изд. № 10385. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д.1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495)939-32-91; e-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 3 • 2015 • ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Общая теория перевода

- Гарбовский Н.К., Костикова О.И.* Сетевое взаимодействие в переводческой деятельности 3
- Горшкова В.Е.* Эстетика аудиовизуального перевода Жана-Франсуа Корню в парадигме системной трансдисциплинарности. 22
- Ю Джонг Ха.* Новые сферы деятельности коммунального переводчика и его множественная роль. 38

Методология перевода

- Васина Е.А.* Синхронный перевод с китайского языка на русский: особенности логических преобразований синтаксической структуры текста сообщения 50
- Лаврентьева Е.С.* Способы перевода метафорических моделей в поливекторном дискурсе. 60
- Тарасова М.А.* Потенциальность как типологическая черта языка переводной поэзии (на материале русских переводов современных англоязычных поэтических текстов) 73

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

- Бойко Б.Л.* Фронтальные реалии в языковой картине мира принимающей культуры (на материале немецкого перевода романа Д. Гранина «Мой лейтенант») 85
- Чжоу Цзиньхуэй.* Перевод терминов с суффиксом *-изм* с русского языка на китайский. 101

Рецензии

- «Москва переводческая» / A Translator's Moscow (*Н. Гарбовский, О. Костикова*) 117

Contents

General Translation Theory

- Garbovsky, N.K., Kostikova, O.I.* Network Interaction in Translation Activity . . . 3
Gorshkova, V.E. Aesthetics of Audiovisual Translation by Jean-François
Cornu within the Paradigm of Systemic Transdisciplinarity 22
Yu Jung-Hwa. New Fields and Multiple Roles for Community Interpreters . . 38

Translation Methodology

- Vasina, Ye.A.* Chinese-to-Russian Simultaneous Interpreting: Logic Trans-
formations in Syntactic Structure 50
Lavrentyeva, Ye.S. Translating Metaphorical Models in Hybrid Discourse. . . 60
Tarasova, M.A. Potentiality as a Typological Feature of Translated Poetry:
A Case Study of Russian Translations of Contemporary English-lan-
guage Poetic Texts 73

Linguistic and Cultural Aspects of Translation

- Boiko, B.L.* Front Realia in the Language World Picture of the Receiving
Culture: A Case Study of a German Translation of Daniil Granin’s
Novel “My Lieutenant” 85
Zhou Jin-hui. Russian-to-Chinese Translation of Terms with the *-ism*
Suffix 101

Reviews

- “Moskva perevodcheskaya”/ A Translator’s Moscow (*N. Garbovsky,*
O. Kostikova) 117

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Н.К. Гарбовский,

доктор филологических наук, профессор, директор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: garok1946@mail.ru

О.И. Костикова,

доцент, кандидат филологических наук, заместитель директора Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: garok@list.ru

СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Статья посвящена сетевому взаимодействию переводчиков. Понятие сети представляется как одно из важнейших в условиях глобализации. Анализ социальных сетей представляет собой сегодня самостоятельную, междисциплинарную по своему характеру, область исследований. Переводчики не являются исключением: они также развивают свои сети, чтобы установить контакты друг с другом, ищут способы создавать, поддерживать и развивать отношения профессионального партнёрства, сделаться известными в профессиональном мире, а иногда и найти ответ на непростой вопрос переводческой практики, получить мнение эксперта.

Философия сетей лежит в основе создания и развития объединений различной величины на региональном, национальном или наднациональном уровне. Сеть представлена как система, способная приобрести функции и качества, которыми не обладают составляющие её элементы в отдельности. Это свойство эмергентности — главное достоинство сети, в том числе и сети профессионального общения. Эмергентность обуславливает её основные преимущества: открытость и способность установления связей, позволяющие строить более крупную сеть и создавать общие инструменты для обмена информацией и управления сетью.

В публикуемой статье свойства профессиональных сетей переводчиков рассматриваются на примере сетевой деятельности рабочей группы «Повышение квалификации преподавателей перевода» в рамках международного объединения университетских институтов подготовки переводчиков CIUTI.

Ключевые слова: социальные сети, сетевое взаимодействие, переводческая деятельность, обучение переводчиков, повышение квалификации преподавателей.

Nikolai K. Garbovsky,

Dr. Sc. (Philology), Professor, Director of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: garok1946@mail.ru

---

* Статья подготовлена по материалам выступления Н.К. Гарбовского и О.И. Костиковой на форуме «CIUTI Forum 2012» в Женеве на французском языке.

Olga I. Kostikova,

Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Associate Director of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: garok@list.ru

NETWORK INTERACTION IN TRANSLATION ACTIVITY

The article is devoted to network interaction of translators and interpreters. The notion of network is shown as one of the most important in the context of globalisation. The analysis of social networks today is a self-contained, and interdisciplinary by nature, area of study. Translators and interpreters are no exception. They also promote their networks in order to establish contacts with each other, seek ways to create, support and develop professional partnership, make themselves known in the professional world, and sometimes to find an answer to a complicated translation question and get expert opinion.

Network philosophy forms the basis for creation and development of various-size associations on regional, national or supranational levels. Network is shown as a system able to acquire functions and qualities that are not intrinsic to its constituent parts taken separately. Such a quality of being emergent is the principal advantage of a network, including a professional communication network. This quality determines its principal benefits: openness and the ability to create links that would make it possible to build a larger network and create common tools to exchange information as well as manage and control it.

In the present article, the qualities of professional translation networks are considered through the example of network activity in the workgroup dealing with advanced training of teachers of translation and interpreting within CIUTI.

Key words: social networks, network interaction, translation activity, training of translators and interpreters, advanced training of teachers.

A young boy was walking with his father along a country road. When they came across a very large tree branch, the boy asked, "Do you think I could move that branch?" His father answered, "If you use all your strength, I'm sure you can." The boy tried mightily to lift, pull, and push the branch, but he couldn't move it. Discouraged, he said, "Dad, you were wrong. I can't do it." His dad said, "Try again." This time, as the boy struggled with the branch his father joined him and together they pushed the branch aside. "Son," the father said, "the first time you didn't use all your strength. You didn't ask me to help."

David Wolpe in Teaching Your Children About God

Translation involves far more than finding target-language equivalents for source-language words and phrases; it also involves dealing with clients, agencies, employers; networking, research, use of technology; and generally an awareness of the roles translation plays in society and society plays in translation.

Douglas Robinson

Что такое сеть?

Понятие сети стало одним из важнейших в наш век глобализации. Медицина и естественные науки, география и урбанизм, логистика и транспорт, экономика и управление, информационные

технологии и телекоммуникации — вот неполный перечень областей, где концепт сети получил широкое распространение.

Мы говорим о городской телефонной сети и о дорожной сети региона или страны, о сети электроснабжения, о нервной, компьютерной и прочих сетях, а также о сетевом эффекте и сетевом бизнесе и, наконец, о философии и даже идеологии сетей. Пьер Мюссо относит появление этого философского учения к работам Сен-Симона, который построил (не называя его) понятие социальной сети на пересечении медицины, военной и гражданской инженерии. Его учение было воспринято и развито его учениками Анфантенном, Шевалье и другими [Musso, 1997].

В начале XX в. некоторые идеи, связанные с социальными сетями, появляются в работах социологов, философов и антропологов [Durkheim, 1893; Tönnies, 1887; Simmel, 1908; Malinowski, 1913]. Начиная с 1930-х гг. понятие сети становится мультидисциплинарным. Его содержание и объём уточняются и дополняются исследованиями в области неврологии [Lettvin et al., 1959; Hopfield, 1982], психологии [Moreno, 1951], этнографии и культурной антропологии [Radcliffe-Brown, 1931, 1940; Lévi-Strauss, 1947; Barnes, 1954; Mitchell, 1969; Bott Spillius, 1957], социологии [Nadel, 1957; Parsons, 1937, 1951; Blau, 1956, 1960; White, 1970; Granovetter, 2005, 2007; Wellman, 1988, 1995; Tilly, 1974].

Сегодня, по словам Мюссо, существует «реальная идеология сети», которая была сформирована в результате глобального развёртывания информационных и коммуникационных, транспортных и энергетических сетей по всему миру [Musso, 2007].

Последствия глобализации проявляются во всех аспектах современной жизни, в том числе и в её социальной составляющей. В самом деле, идея социальных сетей Сен-Симона получила небывалый размах. Анализ социальных сетей представляет собой сегодня самостоятельную, междисциплинарную по своему характеру, область исследований, обладающую необходимой инфраструктурой научных обществ (например, INSNA), учебных курсов и научных журналов¹.

Конечно, явление сети не ново: создание социальных сетей известно уже с тех пор, как люди организовались в общество. Социальные группы — касты, классы, кланы, когорты, братства, ордена — организовывались вокруг объединяющей темы или вида деятельности (религия, политика, профессия, образование и т.п.).

---

¹ Social Networks: An International Journal of Structural Analysis (Elsevier), Network Science (Cambridge University Press), Journal of Social Structure (Pittsburgh), Connections (Huntington).

Они представляли собой типы неформальных сетей, цель которых состояла во взаимной поддержке и помощи, рекомендации третьим лицам, организации встреч и т.д.

Но в эпоху глобализации, и особенно с появлением Интернета, число и значимость социальных сетей выросли, а их возможности умножились. Социальные сети могут принимать различные формы: более организованные и институциональные, профессиональные или «для развлечения», платные или бесплатные.

Если этот сетевой бум и воспринимается в первую очередь как появление и рост количества онлайн-социальных сетей, следует признать, что Интернет, несмотря на то что он представляет собой сеть *sui generis*, — только лишь одно из средств обеспечения взаимодействия, способное передавать данные между членами социума. Это наблюдение приводит нас к необходимости различать две вещи: с одной стороны, сеть как некую структуру, а с другой — её функционирование.

Уже Сен-Симон сопровождает двойной принцип множественности отношений и перемещений оригинальным размышлением о противоречии твёрдого и текучего. Если первое является неотъемлемой характеристикой любой организации, то второе — необходимым атрибутом её жизнеспособности. В самом деле, любая сеть предполагает определённую жёсткость своей структуры, т.е. она материализуется в своих действующих лицах и средствах связи и коммуникации между ними. С другой стороны, подвижность необходима для успешного функционирования сети в условиях её непрекращающегося эволюционирования.

Противоречие разрешается благодаря тому, что перемещение (энергии, сообщений, знаний, опыта и т.д.) осуществляется по каналам, сосудам, путям сообщения и пр., которые представляют собой соединительные элементы прочной конструкции конкретной сети. Таким образом, подвижность является исключительной в характеристике функционирования сети, а не её структуры.

Интернет, в частности *networking* сайты, безусловно, представляет собой совершенный инструмент связи. Он даёт возможность (или иллюзию возможности?) сообщить то, что хочешь, когда хочешь, кому хочешь. Быстрый, легкодоступный, простой в использовании, относительно недорогой или даже бесплатный, Интернет снимает ряд барьеров, экономит время и деньги и оказывается, таким образом, средством взаимодействия высокой мощности, открывающим широкие перспективы. В то же время увлечение Интернетом, вытесняющее реальное личное общение, порождает массу философских вопросов о межлических отношениях и показывает опасность виртуальной коммуникации. Разве нет риска того,

что может прекратиться общение с другими, что человеческие отношения заменятся отношениями человек—машина? Не появилась ли тенденция к предпочтению количества перед качеством, когда во главу угла ставится пропускная способность канала связи, измеряемая количеством переданных элементов? Наконец, не существует ли опасность смешения передачи данных и общения?

Являясь надёжным и эффективным каналом, обеспечивающим установление и поддержание связи между элементами социальной сети, сетевые онлайн-сайты представляют собой лишь один из способов создать сеть и обеспечить её функционирование. Как любое средство, Интернет имеет свои пределы. Поэтому свести социальные сети только к взаимодействию через Интернет было бы упрощением.

Социальная сеть, таким образом, определяется как совокупность связанных между собой социальных субъектов, таких как отдельные лица или организации. Это социальная структура, определяемая характером взаимодействия составляющих её элементов. Оно проявляется в числе и разнообразии связей, множественности направлений и взаимных подключений, которые делают возможной циркуляцию разных «потоков» — идей, информации, знаний и т.п. Общественные потребности включают потребность в общении с себе подобными, потребность действовать согласно своим верованиям и ценностным установкам, потребность в получении знаний [Henderson, 1947], потребность принадлежать к чему-либо [Maslow, 1943; Alderfer, 1969] или следовать чему-либо [McClelland, 1961], потребность в признании [Maslow, 1943] или во властвовании [McClelland, 1961], потребность в самореализации [Henderson, 1947; Maslow, 1943; McClelland, 1961] или, иначе говоря, в собственном росте [Alderfer, 1969] и многое другое.

Преимущества создания профессиональных сетей

Сегодня профессионал, как независимый, так и на предприятии, не может развиваться без сети. Даже лучший профессионал должен быть на виду и понятным. Профессиональные сети, внутренние или внешние, образуются по всему миру, соединяя между собой и с внешним миром специалистов разных профессий.

Переводчики, ещё в недавнем прошлом мало заботившиеся об организации в сети, теперь уже не являются исключением. Они также развивают свои сети, устанавливая контакты друг с другом, ищут способы создавать, поддерживать и развивать отношения профессионального партнёрства, сделаться известными в профессиональном мире, а иногда сетевое взаимодействие используется

для того, чтобы найти ответ на непростой вопрос переводческой практики, получить мнение эксперта.

Философия сетей лежит в основе создания учреждений, предприятий, географических регионов или стран, осознающих преимущества сетевой организации. Об этом свидетельствует возникновение и развитие объединений различной величины на региональном, национальном или наднациональном уровне.

Социолог Пьер Меркле [Mercklé, 2011] высказывает предположение о том, что формируется «новая социологическая парадигма, некий теоретический “третий путь” между холизмом и социологическим индивидуализмом», который создаётся социальными сетями благодаря двум тенденциям. Первая — это возрастание индивидуализма, а вторая — потребность во взаимодействии и общении, которую испытывают люди, принадлежащие к одной или нескольким общинам. Здесь важно, что целое может иметь большую значимость по сравнению с простой суммой его частей. Иначе говоря, сеть способна приобрести функцию, которой не обладают составляющие её элементы.

В системологии эта способность называется эмергентностью (*эмерджентностью*). Ярким примером эмергентности является *сознание* как особое свойство нервной *системы*, которого нет у составляющих её элементов.

Эмергентность — главное достоинство сети (в том числе и сети профессионального общения), обуславливающее её многочисленные преимущества: открытость, позволяющую создавать и развивать более крупную сеть, общие инструменты для обмена информацией, управления своей сетью, способность установления связей. Большинство из преимуществ сети можно разделить на две основные категории: установление контактов и участие. Сети помогают установить связи и общаться, продвигать свои ценности, выражать свои идеи и своё критическое отношение, стать известным в качестве эксперта в своей области и воспользоваться «экспертизой» авторитетных специалистов (например, для проверки правильности своего выбора), приобрести новые профессиональные знания и породить новые идеи. Таким образом, создание сети способствует установлению и организации профессионального общения и удовлетворению социальных нужд.

Профессиональные сети переводчиков

Переводчик, как письменный, так и устный, по определению *homo socius*. Не только потому, что, как и любой человек, он живёт в обществе и стремится удовлетворить свои социальные потребности, но также и главным образом из-за особой значимости своей

профессиональной деятельности. Письменный и устный перевод возможны лишь в обществе, представляющем собой некую глобальную социальную сеть. Эта сеть состоит из людей — базовых элементов сети, — испытывающих необходимость в передаче и получении сообщений с помощью знаковых систем для сетевого взаимодействия. Люди способны мыслить абстрактно, передавать как своё индивидуальное, так и общественно осознанное представление о мире с помощью знаков, договариваться о значениях и корреляции этих знаков, об их автономности и взаимозависимости. Глобальная социальная сеть многоязычна, и перевод, в широком понимании смысла этого явления, оказывается единственным средством поддержания эффективного сетевого взаимодействия.

Переводческая деятельность востребована обществом, она осуществляется в обществе и оценивается человеческим обществом [Garbovskij, Kostikova, 2011]. Эффективность переводческой деятельности зависит от ряда социальных факторов. Этим нельзя пренебрегать в теоретических исследованиях перевода, что, однако, нередко допускалось в прошлом.

Среди этих факторов важную, если не решающую роль, по мнению Д. Робинсона [Robinson, 1997], играет взаимодействие в рамках профессиональных сетей.

Исследования по истории профессии [Van Hoof, 1991; Delisle, Woodsworth, 1995 и др.] свидетельствуют о существовании в разное время «профессиональных» сообществ переводчиков в форме цехов или школ (Багдад, Толедо), монашеских братств или кружков при королевских дворах (Карл V, Альфонсо X, Альфред Великий, Екатерина II), иногда даже каст (каста драгоманов в Карфагене). Но только в XX в., когда идея сетевой организации приобретает популярность, появляются реальные профессиональные сети переводчиков в современном смысле этого слова.

С момента появления первых профессиональных переводческих объединений: FIT (Международная федерация переводчиков) и АПС (Международная ассоциация переводчиков международных конференций) в 1953 г. и CIUTI (Постоянный международный совет университетских институтов письменного и устного перевода) в 1960 г. — профессиональная переводческая сеть не перестаёт расширяться. Профессиональные ассоциации переводчиков объединяют своих членов по региональному признаку, как, например, СПР (Союз переводчиков России), АТА (Американская ассоциация переводчиков), ВДУ (немецкий Федеральный союз переводчиков) и др., либо по их принадлежности к определённой области переводческой деятельности (пример — Гильдия мастеров художественного перевода в России).

В последнее время отмечается также формирование многих профессиональных сетей в виде сайтов и интернет-форумов (Lantra-1, Worldwide network for translators, North-West Translator's Forum, International Translation Network, «Город переводчиков» и пр.).

Американский социолог Уолтер Пауэлл полагает, что появлению сети способствуют три фактора: необходимость в знаниях, быстрота их передачи и доверие [Powell, 1990]. Сети наиболее распространены там, где именно этим факторам придаётся серьёзное значение. Если к этому добавить социальную значимость профессии, о чём упоминалось выше, появление и развитие профессиональных сетей переводчиков оказывается само собой разумеющимся. Глобальная профессиональная сеть переводчиков взаимодействует с глобальной сетью подготовки переводчиков. Создание глобальных сетей в области подготовки профессиональных переводчиков подчинено *идеологии объединения* представителей изначально индивидуальной деятельности во всех уголках мира с использованием всех доступных и соответствующих конкретным условиям средств связи, в том числе и Интернета.

Среди профессиональных организаций, действующих в области подготовки письменных и устных переводчиков, особое место занимает Постоянный международный совет университетских институтов подготовки переводчиков — CIUTI.

Эта международная сеть была создана в 1960 г. для распространения передового опыта в области переводческой практики, научных исследований в сфере перевода и подготовки переводчиков. В отличие от двух других международных организаций, созданных в тот же период (50–60-е гг. XX в.), а именно АПС и FIT, CIUTI объединяет представителей университетских школ перевода. Школы и факультеты перевода занимаются подготовкой профессионалов, которые впоследствии становятся членами международных, национальных или региональных профессиональных ассоциаций переводчиков. Сегодня это единственная престижная международная организация, объединяющая представителей университетских структур подготовки переводчиков по всему миру.

Сознавая необходимость и жизнеспособность разносторонних контактов, CIUTI взаимодействует с представителями различных сфер общественной жизни путём установления партнёрских связей и сотрудничества в ряде областей, связанных с подготовкой переводчиков и научными исследованиями в области перевода. В этой связи уместно привести высказывание Д. Робинсона: «Чтобы стать переводчиком, нужно больше, чем просто выучить множество слов и выражений на двух или нескольких языках, а также модели межъязыковых переходов; больше, чем просто знать, ка-

кой техникой и программным обеспечением нужно обзавестись и какие назначить цены. Кроме того, и это, наверное, самое важное, нужно быть членом нескольких базовых сообществ или социальных групп. Чем больше таких групп и чем активнее вы в них участвуете — тем лучше»².

CIUTI — многомерная сеть с высоким потенциалом

Являясь профессиональной сетью, CIUTI обеспечивает регулярные контакты между учебными заведениями, осуществляющими подготовку переводчиков. Его деятельность может быть метафорически представлена как деятельность в трёх измерениях.

Первое измерение — горизонтальное, свидетельствующее о расширении сети CIUTI. CIUTI, создававшийся как европейская ассоциация, последовательно расстаётся с идеей евроцентричности и выходит за пределы Европы, вовлекая в свою деятельность страны других континентов. CIUTI стремится «увеличить число своих неевропейских членов с целью успешного выполнения задачи обеспечения глобального сотрудничества»³. Эта сеть приглашает присоединиться к её инициативам всё возрастающее число заинтересованных сторон, связывая Восток и Запад. Такая идеология в известной степени воспроизводит идею союза, которую ещё в 1832 г. высказывал Мишель Шевалье в статье-манифесте «Система Средиземного моря». Сегодня сеть, созданная CIUTI, позволяет осуществлять обмен опытом и проблематикой между школами подготовки переводчиков в разных странах мира. Развивая сетевые технологии глобального взаимодействия, CIUTI способствует межвузовскому обмену студентами, а также сотрудничеству между студентами, преподавателями и университетами.

Второе измерение — вертикальное. С одной стороны — это глубина и основательность изучения многонационального опыта подготовки переводчиков. Разумеется, анализ опытных данных и их последующий синтез осуществляются с учётом «культурных различий и их воздействия на структуру образовательного процесса в области подготовки письменных и устных переводчиков во всех частях мира»⁴.

---

² “Learning to be a translator entails more than just learning lots of words and phrases in two or more languages and transfer patterns between them; more than just what hardware and software to own and what to charge. It entails also, and perhaps most importantly, grounding yourself in several key communities or social networks, in fact in as many as you can manage — and as thoroughly as you can manage in each” [Robinson, 1997, p. 168]. Пер. с англ. — О. Костикова.

³ URL: <http://www.ciuti.org/fr/qui-sommes-nous/histoire>

⁴ Ibid.

С другой стороны, это движение «вверх» к совершенству в сфере обучения переводчиков и научных исследований в области переводческой деятельности.

Наконец, *третье измерение* — это ось перспективы, движения вперёд за пределы собственной сети для её наилучшей адаптации к условиям внешнего мира путём установления связей со всей сетью общественных институтов, являющихся непосредственными потребителями переводческих услуг, т.е. потенциальными работодателями студентов — будущих переводчиков. Эта ось связывает работодателей и студентов, избравших перевод своей профессией. Это путь мобильности студентов, необходимой для углубления их знаний и навыков. Благодаря сетевому взаимодействию студенты получают дополнительные возможности интеллектуального и профессионального роста, знакомятся с потенциальными работодателями.

Многомерная сетевая деятельность CIUTI активизируется, в частности, благодаря ежегодному форуму, который стал заметной площадкой обмена опытом, где со всей очевидностью раскрывается многомерная модель CIUTI. Разумеется, организация таких мероприятий требует значительных затрат времени, людских и финансовых ресурсов. Но эти затраты окупаются тем, что решается основная задача сетевого взаимодействия. В самом деле, о какой бы сети ни шла речь, социальной либо профессиональной, её основной задачей является установление и поддержание эффективных контактов между участниками сетевого взаимодействия. Именно форумы CIUTI предоставляют возможность непосредственного контакта между участниками, что особенно важно в условиях глобализации образовательной системы и рынка переводческих услуг.

Сети для кого и для чего?

Многомерность сетевого взаимодействия делает CIUTI уникальной площадкой для реализации множества международных проектов, которые направлены на оптимизацию подготовки письменных и устных переводчиков, а также на повышение эффективности научных исследований в области теории, методологии и методики перевода в соответствии с требованиями и критериями оценки результатов деятельности, принятыми в профессиональном сообществе. Особенно важными представляются возможности сетевого взаимодействия для подготовки и повышения квалификации преподавателей перевода.

В современном геополитическом, экономическом и культурном контексте становятся всё более востребованными не только про-

фессиональные письменные и устные переводчики самых разных языковых комбинаций, но и высококвалифицированные преподаватели перевода.

В качестве иллюстрации можно привести пример современной России, где сотни институтов по всей стране предлагают молодым людям учебные программы для обучения письменному и устному переводу. Большинство программ построено на основании государственных образовательных стандартов, которые регламентируют многие важные аспекты образовательного процесса, а также компетенции выпускников. Но ими не регламентируются специальные компетенции преподавателей перевода. Не существует и специальных образовательных программ для подготовки педагогических кадров в сфере обучения переводу. Преподавание специализированных дисциплин, направленных на формирование профессиональных компетенций в области перевода у студентов, в большинстве случаев доверено преподавателям иностранных языков, имеющим некоторый переводческий опыт. Неопределённость понятия «переводческий опыт» иногда приводит к тому, что за обучение переводу берутся люди, которые после перевода одного-двух текстов наивно полагают, что способны не только переводить, но и обучать этому других.

Но и многоопытные профессиональные переводчики, не имеющие представления о дидактических и методологических основах обучения, приходя в сферу образования и стремясь передать обучаемым личный переводческий опыт, далеко не всегда оказываются успешными наставниками. Ситуация аналогична той, о которой нередко упоминают американские когнитологи: прекрасные профессора экономики, начав практическую деятельность на рынке, моментально разоряются — и, наоборот, преуспевающие бизнесмены, пытаясь передать свой опыт молодёжи, не могут внятно прочесть ни одной лекции.

Всё это свидетельствует о том, что формирование и совершенствование педагогических кадров в области обучения переводу чрезвычайно важно. Преподаватели перевода в России, даже наиболее успешные и авторитетные, — «дидактические самоучки», которые сумели развить в себе необходимые компетенции путём **осмысления** собственного переводческого опыта, постановки собственных педагогических экспериментов, проведения исследований, восприятия опыта старших коллег, изучения теории предмета.

Формирование и совершенствование преподавательских кадров в сфере обучения переводу — это именно та область, где деятельность СИУТИ становится жизненно необходимой.

Именно в русле этой идеологии по инициативе стратегической группы CIUTI Генеральная ассамблея CIUTI в 2011 г. в Пекине приняла решение об образовании в структуре CIUTI международных рабочих групп. Целью этих групп является создание подсетей, охватывающих различные сферы переводческой деятельности и обучения переводчиков.

В последующие месяцы была образована и начала свою деятельность рабочая группа по переподготовке преподавателей устного и письменного перевода, руководство которой осуществляет Высшая школа перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Несколько лет работы группы, заключающейся в проведении международных семинаров и подготовке публикаций по вопросам дидактики переводческой деятельности, показали жизнеспособность и важность этой инициативы. В самом деле, уже в первый год деятельности рабочей группы в сети CIUTI образовалась новая подсеть, состоявшая первоначально из 19 членов, только 7 из которых являлись членами CIUTI (рис. 1).

В ходе семинаров члены рабочей группы предлагали участникам разработку специальных проектов по обучению переводу с использованием знаний и методов, полученных в результате изучения специально подобранной коллекции научных и методических публикаций на разных языках, а также лекций специалистов. В последующем успешные проекты публиковались в научном журнале «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода». Между членами рабочей группы и участниками семинара установились регулярные деловые контакты.

Таким образом, именно вопросы обучения переводчиков и повышения квалификации преподавателей перевода оказываются в центре внимания университетских институтов — членов CIUTI. В целях совершенствования процесса обучения переводчиков в сеть университетов — членов CIUTI вовлекаются также исследователи разных областей знаний и работодатели с тем, чтобы вместе найти оптимальные пути и способы системного решения этой важной задачи.

Средства сетевого взаимодействия разнообразны: онлайн-контакты, коллективные публикации, а также встречи на конференциях и форумах. Они позволяют обновить установленные ранее деловые контакты, осуществить реальный обмен идеями, а иногда и развеять имеющиеся сомнения. Не следует забывать и о важнейшем свойстве сети — эмергентности. Иначе говоря, сетевое взаимодействие способно придать участникам новые свойства, которых не было у них до вхождения в сеть.

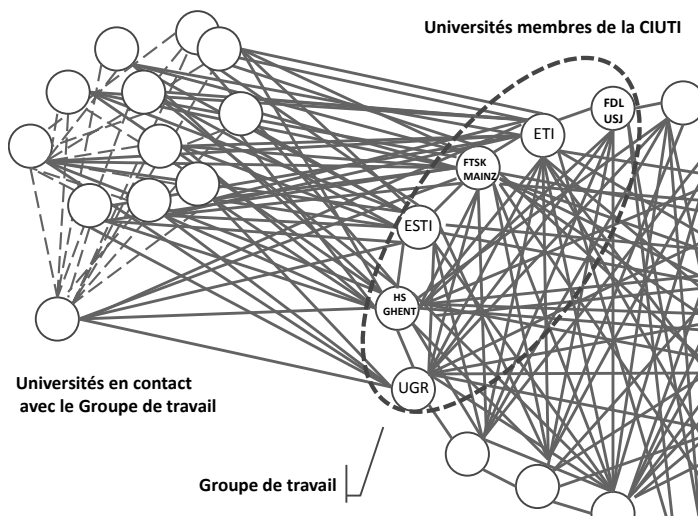

Рис. 1. Подсеть «Дидактика перевода» в сети CIUTI⁵

Сеть, созданная рабочей группой CIUTI для повышения квалификации преподавателей перевода, позволила построить уникальную дидактическую модель, в которой синтезируется критически осознанный опыт подготовки переводчиков в вузах Европы, в Советском Союзе, в постсоветской России и других странах.

Созданная сеть специализированных институтов даёт заинтересованным широкие возможности общения со своими коллегами в современном мире. Эта функция CIUTI имеет особенно важное значение для новых членов, которые долгое время опирались в основном лишь на собственный опыт. Открытость и регулярные контакты, предусмотренные сетью CIUTI, позволяют им обмениваться знаниями, не «изобретать велосипед» и сравнить свои представления и опыт с тем, что они находят у своих коллег. Это даёт им возможность выбирать методические системы, наиболее соответствующие их среде и целям обучения, которые, следовательно, оказываются для них наиболее эффективными.

⁵ Universités membres de la CIUTI — университетские институты — члены CIUTI; Universités en contact avec le Groupe de travail — университеты (не члены CIUTI), сотрудничавшие с рабочей группой; Groupe de travail — рабочая группа; FDL USJ — факультет перевода Университета Сен-Жозеф (Бейрут, Ливан); ETI — Высшая школа перевода Женевского университета (Швейцария); FTSK MAINZ — факультет перевода, лингвистики и культурологии Университета г. Майнц (Германия); ESTI — Высшая школа перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Россия); HS GHENT — Высшая школа г. Гент (Бельгия); UGR — Гранадский университет (Испания).

М. Форстнер и Х. Ли-Янке справедливо отмечают недостаточность обмена научной информацией и в области науки о переводе [Forstner et Lee-Jahnke, 2005]. Ибо если целью обучения переводчиков является развитие переводческой компетенции, которая представляет собой сплав языковых, собственно переводческих и культурологических компетенций, и если научная составляющая играет в этом первостепенную роль, то можно было бы сожалеть о том, что множественность и вариативность научных течений (свидетельство эволюции науки) объяснялась бы недостаточной осведомлённостью о существующих теориях.

Форстнер в своём выступлении⁶ использует прекрасную красноречивую метафору, сравнивая CIUTI с огромным резервуаром знаний, который мог бы иметь очень высокий авторитет в научном сообществе. Следовательно, нужно уметь передавать свои знания, поддерживать и укреплять свой авторитет. Это — благородная задача, но одновременно и вызов, потому что знания накапливаются на «островах» в огромном океане, а отсюда вытекает потребность в умении организовывать и управлять обменом знаниями между университетами — членами организации и за её пределами.

При этом мы должны иметь в виду, что обучение переводу или, точнее, дидактика переводческой деятельности является профессиональной сферой, которая требует междисциплинарного подхода в исследованиях [Lee-Jahnke, 2011]. Это ещё один весьма серьёзный аргумент в пользу взаимодействия, на сей раз междисциплинарного.

Все эти размышления заставляют нас сомневаться в значимости «замкнутого» CIUTI. Чтобы добиться успеха, нам нужно настоящее глобальное партнёрство — как продукт глобальной сети, где могут быть услышаны все заинтересованные стороны.

Однако, размышляя об интегративном потенциале CIUTI, приходится задать себе некоторые вопросы. Как далеко мы можем расширять рамки этого клуба, не нанося ущерб его основному принципу «отличного качества», сохраняя высокий уровень контроля за качеством подготовки переводчиков в институтах-членах? Не рискуем ли мы в погоне за количеством нанести вред качеству? Чтобы ответить на эти вопросы, придётся признать, что

---

⁶ «Knowledge transfer within CIUTI — mission impossible?», presentation à la réunion du Groupe de travail «Formation des formateurs. Traduction» le 3 octobre 2011 à l'Université Lomonossov de Moscou (ESTI) («Передача знаний в рамках CIUTI — посильная ли задача?»): выступление на заседании рабочей группы «Повышение квалификации преподавателей перевода» 3 октября 2011 г. в Высшей школе перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова).

сеть, созданная усилиями CIUTI, может быть предметом двух противоположных философий.

Первая, так называемая элитарная, предполагает, что CIUTI должен сохранить характер элитного клуба, куда допущено ограниченное число посвящённых в секреты профессии членов, которые отвечают в полной мере требованиям высокого качества, совершенства в подготовке профессиональных письменных и устных переводчиков. В этом случае смысл сетевого взаимодействия заключается главным образом не в том, чтобы обеспечить обмен технологиями обучения переводчиков, но в выработке и постоянном уточнении критериев оценки качества результатов обучения, приемлемых для всех членов клуба.

Речь идёт не о профессиональном «снобизме» или стремлении обделить кого бы то ни было, но об опасности утратить значимость качества, растворившись в массе преподавателей всех мастей. Однако элитарность, которая способствует вхождению в профессию тех, кто имеет дипломы переводческих школ, считающихся лучшими, т.е. членов CIUTI, довольно опасна, потому что она основана на идее социального детерминизма. Риск этого подхода заключается в недооценке целого ряда национальных учебных заведений, до сих пор либо вовсе неизвестных, либо недостаточно известных.

Философии элитарности противостоит иная, которая больше отвечает духу открытости и которая претендует сегодня на господство в глобальном мире. Согласно этой философии CIUTI всё дальше расширяет свои границы, принимая в члены новые учебные заведения, занимающиеся подготовкой переводчиков, чтобы достичь поставленной перед собой цели — быть истинным строителем глобальной сети для мирового сотрудничества.

Синтез двух подходов может породить промежуточное решение, построенное по принципу гравитационной модели⁷, предложенной Л.-Ж. Кальве (1999) для языков и отражающей «мировую организацию отношений между языками». Эта модель основана «на том, что языки связаны между собой билингвами и что системы билингвизма, их иерархия позволяет нам представить отношения между ними в терминах гравитации. Вокруг одного гиперцентрального языка (английского) вращается десяток суперцентральных языков (французский, испанский, арабский, китайский, хинди, малайский и т.д.), вокруг которых вращаются от сотни до двухсот

---

⁷ Гравитационная модель используется также в экономической науке для объяснения влияния уровня и мощи экономики государств на объем международных торговых обменов. Эту модель можно использовать для описания географии переводческой деятельности [Forstner, 2011, p. 369–376].

центральных языков, которые, в свою очередь, оказываются стержнем гравитации для четырёх-пяти тысяч периферийных языков»⁸.

Сеть, образованная CIUTI по этой модели, приняла бы форму иерархической структуры организации различий (рис. 2).

Рис. 2. Гравитационная модель

CIUTI в этой структуре занимает место центрального звена, состоящего из нескольких узлов, а именно связанных друг с другом институтов-членов, представляющих ту или иную географическую область. Внутри этой области работают университеты и институты подготовки переводчиков, которые, не являясь членами CIUTI, получают возможность общаться с профессионалами по всему миру.

Институты — члены CIUTI оказываются, таким образом, организованными в сеть. Они создают вокруг себя подсети и способствуют контактам между местными учебными заведениями подготовки письменных и устных переводчиков, предоставляют им необходимую дидактическую информацию, накопленную в CIUTI, предлагают экспертизу качества подготовки и способствуют обмену опытом и инновациями в области науки и методологии. Одним из примеров такой философии методологического взаимодействия оказывается деятельность рабочей группы CIUTI «Повышение квалификации преподавателей перевода».

Таким образом, CIUTI, исходя из принципа равенства в многообразии, сохранит свой исключительный характер глобальной организации, объединяющей университетские институты, которые удовлетворяют требованиям высокого качества в подготовке письменных и устных переводчиков и готовы поделиться собственным дидактическим опытом, накопленным в ходе десятилетий, с не-

---

⁸ Calvet L.-J. Mondialisation, langues et politiques linguistiques. URL: <http://www.gerflint.fr/Base/Chili1/Calvet.pdf>

выми образовательными структурами, появляющимися во всём мире для подготовки переводчиков.

С другой стороны, такое стратегическое видение позволит CIUTI обогатить собственный интеллектуальный багаж благодаря познанию уникального опыта, имеющегося у той или иной национальной или региональной школы, и способствовать продвижению инноваций в области подготовки переводчиков.

Завершая размышления о метафоре, ещё раз напомним, что всякая сеть есть форма коллективного действия, в которой нематериальные ресурсы, такие как знания и способность к инновациям, приобретают особую ценность, а желание получить знания и поделиться информацией позволяет конкретизировать идеи. Открытость этой системы позволяет ей быть эффективной при условии, что взаимодействие осуществляется на жизнеспособной и долгосрочной основе.

Включённость всех членов сети в решение общей задачи укрепляет солидарность внутри сети, в то время как сама сеть усиливает своих членов количеством и качеством связей.

Стремление войти в сеть во многом определяется преимуществами, которые она предоставляет, но оценивать своё участие в сетевом взаимодействии только тем, какие выгоды оно даёт, губительно для развития сети. «Если ничего не даёшь, мало получаешь...»

В случае CIUTI сетевое взаимодействие — это не только рабочее понятие, это аспект философии общения.

Список литературы

- Alderfer, Clayton Paul* (1969). An Empirical Test of a New Theory of Human Needs // *Organizational Behaviour and Human Performance*. Vol. 4, Issue 2. P. 142–175.
- Barnes, John* (1954). Class and Committees in a Norwegian Island Parish // *Human Relations*. Vol. 7. P. 39–58.
- Blau, Peter* (1956). *Bureaucracy in Modern Society*. N.Y.: Random House, Inc.
- Blau, Peter* (1960). A Theory of Social Integration // *The American Journal of Sociology*. Vol. 65, No. 6. P. 545–556.
- Bott Spillius, Elizabeth* (1957). *Family and Social Network: Roles, Norms, and External Relationships in Ordinary Urban Families*. L.: Tavistock.
- Calvet, Louis-Jean* (1999). *Pour une écologie des langues du monde*. Paris: Plon.
- Delisle, Jean et Woodsworth, Judith*, dir. (1995). *Les traducteurs dans l'histoire*. Ottawa: Presses de l'Université d'Ottawa.
- Durkheim, Emile* (1893). *De la division du travail social: Étude sur l'organisation des sociétés supérieures*. Paris: F. Alcan.
- Forstner, Martin* (2011). Was ist und zu welchem Zwecke brauchen wir eine Translationsgeographie? // *CIUTI FORUM 2010: Global Governance and Intercultural Dialogue: Translation and Interpreting in a New Geopolitical*

- Setting / Martin Forstner & Hannelore Lee-Jahnke (eds.). Bern: Peter Lang. P. 347–402.
- Forstner, Martin et Lee-Jahnke, Hannelore* (2005). La traductologie en quête de traducteurs? // Pour dissiper le flou: Traduction-Traductologie / Henri Awass et Jarjoura Hardane (éds.). Beyrouth, Libanon: Université Saint-Joseph. P. 87–103.
- Freeman, Linton C., and Wellman, Barry* (1995). A note on the ancestral Toronto home of social network analysis // *Connections*. Vol. 18 (2). P. 15–19.
- Garbovs kij, Nikolaj, Kostikova, Olga* (2011). Dimension sociologique de l'activité traduisante // *La traduction: philosophie et tradition* / Christian Berner et Tatiana Milliaressi (éds.). Villeneuve d'Asq: Presses Universitaires du Septentrion. P. 128–144.
- Garbovskiy, Nikolay, Kostikova, Olga* (2013). CIUTI en tant que promoteur du réseautage global // *CIUTI FORUM 2012: Translators and Interpreters as Key Actors in Global Networking* / Martin Forstner & Hannelore Lee-Jahnke (eds.). Bern: Peter Lang. P. 325–344.
- Granovetter, Mark* (2005). The Impact of Social Structure on Economic Outcomes // *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 19 (1). P. 33–50.
- Granovetter, Mark* (2007). Introduction for the French Reader // *Sociologica*. No. 2. P. 1–8.
- Henderson, Virginia* (1947). *The Principles and Practice of Nursing*. Toronto: Macmillan Co. of Canada.
- Hopfield, John* (1982). Neural networks and physical systems with emergent collective computational abilities // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*. Vol. 79, No. 8. P. 2554–2558.
- Lee-Jahnke, Hannelore* (2011). Trendsetters & Milestones in Interdisciplinary Process-oriented Translation: Cognition, Emotion, Motivation // *CIUTI FORUM 2010: Global Governance and Intercultural Dialogue*. Bern: Peter Lang. P. 109–151.
- Lettvin, J.Y., Maturana, H.R., McCulloch, W.S., & Pitts, W.H.* (1959). What the Frog's Eye Tells the Frog's Brain // *Proceedings of the IRE*. Vol. 47, No. 11. P. 1940–1951.
- Lévi-Strauss, Claude* ([1947] 1967). *Les structures élémentaires de la parenté*. Paris; La Haye: Mouton et Co.
- Malinowski, Bronislaw* (1913). *The Family Among the Australian Aborigines: A Sociological Study*. L.: University of London Press.
- Maslow, Abraham* (1943). A Theory of Human Motivation // *Psychological Review*. Vol. 50 (4). P. 370–396.
- McClelland, David* (1961). *The Achieving Society*. Princeton, N.J.: Van Nostrand.
- Mercklé, Pierre* (2011). *Sociologie des réseaux sociaux*. Paris: La Découverte, coll. "Repères".
- Mitchell, James Clyde* (1969). *Social Network in Urban Situations: Analysis of Personal Relationships in Central African Towns*. Manchester: Manchester University Press.
- Moreno, Jacob Levy* (1951). *Sociometry, Experimental Method and the Science of Society: An Approach to a New Political Orientation*. Beacon, N.Y.: Beacon House.

- Musso, Pierre* (1997). Télécommunications et philosophie des réseaux, la postérité paradoxale de Saint-Simon. Paris: Presses Universitaires de France.
- Musso, Pierre* (2007). Utopies et idéologies des réseaux // *Ecorev. Revue critique d'écologie politique*. 8 octobre 2007. URL: <http://ecorev.org/spip.php?article610>
- Nadel, Siegfried Frederick* (1957). *The Theory of Social Structure*. L.: Cohen and West.
- Parsons, Talcott* ([1937] 1949). *The Structure of Social Action: A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of European Writers*. N.Y.: The Free Press.
- Parsons, Talcott* (1951). *The Social System*. N.Y.: The Free Press.
- Powell, Walter W.* (1990). Neither market nor hierarchy: Network forms of organization // *Research in Organizational Behavior*. Vol. 12. P. 295–336.
- Radcliffe-Brown, Alfred Reginald* (1940). On social structure // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. Vol. 70. P. 1–12.
- Radcliffe-Brown, Alfred Reginald* (1931). *The social organization of Australian tribes*. Melbourne: Macmillan & Co.
- Robinson, Douglas* ([1997] 2003). *Becoming a Translator: An Introduction to the Theory and Practice of Translation*. L.; N.Y.: Routledge.
- Saint-Simon, Claude-Henri de* ([1803–1825] 1966). *Oeuvres*. Paris: Editions Anthropos.
- Simmel, Georg* (1908). *Soziologie*. Leipzig: Duncker & Humblot.
- Tilly, Charles*, ed. (1974). *An Urban World*. Boston: Little, Brown.
- Tönnies, Ferdinand* (1887). *Gemeinschaft und Gesellschaft*. Leipzig: Fues's Verlag.
- Van Hoof, Henri* (1991). *Histoire de la traduction en Occident*. Paris; Louvain-la-Neuve: Duclot.
- Wellman, Barry* (1988). Structural analysis: From method and metaphor to theory and substance // B. Wellman and S.D. Berkowitz (eds.). *Social Structures: A Network Approach*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. P. 19–61.
- White, Harrison Colyar* (1970). *Chains of Opportunity: System Models of Mobility in Organizations*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

В.Е. Горшкова,

доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Евразийского лингвистического института в г. Иркутске — филиала Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ ЕАЛИ); e-mail: gorchkova_v@mail.ru; prof.gorchkova@yahoo.fr

ЭСТЕТИКА АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА ЖАНА-ФРАНСУА КОРНЮ В ПАРАДИГМЕ СИСТЕМНОЙ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ*

В рамках парадигмы системной трансдисциплинарности рассматривается эстетическая концепция аудиовизуального перевода французского исследователя Ж.-Ф. Корню, выводящая на первый план ключевые понятия «голос», «зритель», «восприятие». Анализируются отдельные аспекты означенных понятий в приложении к дублированию и переводу субтитрами.

Ключевые слова: эстетика, аудиовизуальный перевод, дублирование, перевод субтитрами, системность, трансдисциплинарность, голос, зритель, восприятие.

Vera E. Gorshkova,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Translation Studies and Cross-cultural Communication, Irkutsk Euro-Asian Linguistic Institute, Russia; e-mail: gorchkova_v@mail.ru; prof.gorchkova@yahoo.fr

AESTHETICS OF AUDIOVISUAL TRANSLATION BY JEAN-FRANÇOIS CORNU WITHIN THE PARADIGM OF SYSTEMIC TRANSDISCIPLINARITY

The aesthetics concept of audiovisual translation by J.-F. Cornu highlighting such key notions as “voice”, “audience” and “perception” is viewed within the paradigm of systemic transdisciplinarity. Several aspects of the above-mentioned notions are analyzed as applied to dubbing and subtitling.

Key words: aesthetics, audiovisual translation, dubbing, subtitling, systemology, transdisciplinarity, voice, spectator, perception.

Новое столетие только начинается, цифровая революция ещё не смела старые технологии, и впереди ещё много лет до появления Мефистофеля с его усеянным электродами «чёрным ящиком».

Уолтер Мёрч [Мёрч]

Как ни парадоксально, в противоположность обширной англофонной литературе, во Франции (колыбели кинематографа!) теоретические изыскания, касающиеся аудиовизуального перевода

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 14-04-00302).

(далее АВП), до недавнего времени отличались некоторой фрагментарностью и, по свидетельству ряда исследователей, оставались на периферии интересов представителей французской академической науки. В этой связи полтора десятка лет, ознаменовавших начало XXI в., позволяют с удовлетворением констатировать своеобразный «бум» публикаций, заполняющих эту нишу и трактующих те или иные аспекты АВП, который имеет полное право на существование в качестве отдельного направления переводоведения, требующего особого подхода и, соответственно, вписывающегося в некую общую научную парадигму¹.

Своеобразный рекорд по количеству целевых конференций по АВП в Европе побит в 2013 г., когда аудиовизуальная тематика предметно обсуждалась в Барселоне, Париже, Страсбурге, Ренне, Лозанне, Гермерсхайме [Cognu, 2013]. Повышение исследовательского интереса к АВП как к актуальному научному направлению во Франции находит отражение в организации ставших уже традиционными международных научных конференций, проводимых, в частности, в Университете Поля Валери (Монпелье-3). Среди них — «La traduction audiovisuelle: approches pluridisciplinaires» (2008) (см. материалы конференции в [Traduction et médias audiovisuels, 2011]), само название которой коррелирует с заявленной в заголовке статьи парадигмой системной трансдисциплинарности, и совсем недавняя конференция «PoeTransFi» (Poetry/Translation/Film), посвящённая переводу поэтического кино, участником которой автору статьи довелось быть в июне 2015 г.

Свидетельством общественного признания АВП во Франции служит также создание в 2006 г. на базе национального творческого профсоюза SNAC (Syndicat National des Auteurs et des Compositeurs) весьма репрезентативной ассоциации аудиовизуальных переводчиков АТАА (Association des Traducteurs/Adaptateurs de l'Audiovisuel), насчитывающей в настоящее время около 200 членов, цель деятельности которой состоит в распространении знаний о профессии во французском обществе и в привлечении внимания государства и академического сообщества к трудностям экономического характера, в частности условиям труда переводчиков, в секторе аудиовизуального перевода. Решение членов ассоциации стать «витриной профессии» (*vitrine de la profession*) нашло своё выражение как в учреждении премий за лучший перевод субтитрами и лучший дубляж, которые впервые в истории были вручены в 2012

---

¹ Парадигма — признанные всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений, рассматриваемую как общепризнанный образец [Кун, 2002, с. 17, 241; Котенко, 2006, с. 22].

и 2013 г. соответственно [Boillat, 2013, p. 20], так и в создании отдельного сайта, освещающего последние новости не только в указанных выше номинациях, но и в области перевода «голосом за кадром» и перевода анимационного кино (www.prix-ataa.fr).

В рамках своей просветительской деятельности ассоциация выпустила специализированную брошюру [Faire adapter..., 2010] в помощь аудиовизуальным переводчикам в плане организации их труда, отношений с работодателями, контроля качества и т.д. Данное издание может рассматриваться как существенное практическое дополнение к трудам президента французской университетской ассоциации подготовки переводчиков AFFUMT (Association Française des Formations Universitaires aux Métiers de la Traduction) Даниэля Гуадека, в которых, хотя и в весьма лаконичной форме, в ряду других категорий представителей переводческой профессии рассматривается и деятельность аудиовизуальных переводчиков [Gouadec, 2004, 2009]².

Наряду с этим, в 2013 г. начат выпуск электронной версии журнала «L'Écran traduit» (ataa.fr/revue/), находящейся в открытом бесплатном доступе в сети Интернет. На страницах журнала осуществляется анализ состояния дел в области АВП и обмен мнениями специалистов, имеющих отношение к профессии. В частности, весьма полезным для аудиовизуальных переводчиков может стать опубликованный в «L'Écran traduit» тематический глоссарий, цель составления которого заключается в уточнении, дополнении, переформулировании, унификации и распространении разбросанной по отдельным изданиям информации, касающейся терминологии аудиовизуального перевода, используемой собственно во Франции («compiler, digérer, reformuler et souvent compléter ou préciser ce corps éclaté, dans un souci constant de clarté et d'harmonisation, voire de vulgarisation») [Glossaire..., 2014, p. 2].

Примечательно, что в состав редакционной коллегии журнала «L'Écran traduit» входит Жан-Франсуа Корню, крупнейший специалист в области аудиовизуального перевода [Cornu, 2008, 2011, 2013, 2014], научному творчеству которого и посвящена настоящая статья.

В русле заявленной тематики хотелось бы выразить глубокое убеждение, что общие дефиниции перевода, определяемого как «разновидность когнитивной деятельности, требующая особых компетенций», «особый вид интеллектуальной деятельности»,

---

² Сравните с подготовленными Николаем Дупленским под эгидой Союза переводчиков и Национальной лиги переводчиков России «Рекомендациями по письменному переводу для переводчика, заказчика и редактора» (3-я редакция) [Дупленский, 2015].

«общественно значимая деятельность», в полной мере приложимы к АВП как к наиболее сложному виду системы, поведение которой подчинено достижению определённых целей, а изучение собственно АВП в полной мере согласуется с выдвинутой Н.К. Гарбовским идеей формирования системологической модели науки о переводе в рамках новой парадигмы «системной трансдисциплинарности» [Гарбовский, 2015, с. 4–16]. Представляется, что ни один из существующих видов перевода не отвечает требованиям, предъявляемым к означенной выше модели, в такой степени, как аудиовизуальный перевод, осуществление которого, как правило, опирается на огромное количество факторов, порой весьма далёких от собственно лингвистической его составляющей. Именно в этом виде перевода особую значимость приобретают общие положения системологической модели науки о переводе, постулирующей, что «форма текста перевода и его содержание рождаются в ходе когнитивной деятельности переводчика как реакция не только на текст оригинала, но и на все иные факторы информационного, социального, психологического, исторического, экономического, этического, *эстетического* и другого характера, связанные между собой системными отношениями», поскольку «перевод как системная переводческая деятельность не может не реагировать на “внешние раздражители”, в частности такие, как смена носителей, фиксирующих информацию, — от глиняных табличек до компьютера, — в корне меняющих технологию переводческой деятельности и знаменующих реальные переходы к очередной новой стадии в истории перевода» [там же, с. 17] (курсив мой. — *В.Г.*).

Как гласит латинская пословица, «*si duo faciunt idem, non est idem*» — «если двое делают одно и то же, это не одно и то же». Применительно к АВП об ограниченном числе участников этой сложной когнитивной деятельности говорить не приходится, учитывая насущную необходимость подготовки для одного и того же фильма не только нескольких переводных версий, число которых не ограничивается лишь дублированием или переводом субтитрами, но и неограниченного числа таковых, принимая во внимание поликультурность современного мира. Насколько более сложной и многополярной предстаёт означенная деятельность и в какой степени возрастает вероятность этого пресловутого «*non est idem*»?!

В названии статьи фигурирует ключевое слово «эстетика», что воспринимается как данность в таких словосочетаниях, как «эстетика кино», «эстетика киноэкрана» и т.д. О последних в прямом смысле написаны тома, и объёма нашей статьи не хватило бы, чтобы перечислить наиболее известные из них. (Вспомните, например, слова известного чешского исследователя, сказанные через

три десятка лет после появления кино: «Сейчас уже не нужно, как это было всего несколько лет назад, начинать исследование об эстетике кино с доказательства, что кино — искусство» [Мукаржовский, 1994].)

Что касается сочетания «эстетика аудиовизуального перевода», даже у внимательного читателя в приложении к таковому вряд ли возникнет ощущение *déjà vu*. И если, смею полагать, у специалистов в области перевода не возникает сомнений в отношении к переводу как к искусству, что особенно очевидно в случае с переводом художественным, перевод как эстетический феномен, тем более перевод аудиовизуальный, до сих пор не был предметом отдельного научного исследования. Именно эту новаторскую задачу поставил перед собой Ж.-Ф. Корню в своём фундаментальном труде «Дублирование и перевод субтитрами. История и эстетика» [Cornu, 2014], представляющем широкую панораму аудиовизуального перевода, охватывающую восьмидесятилетний период становления такового как специфического вида перевода в тесной связи с техническими, экономическими и художественно-эстетическими тенденциями указанного периода.

В общем плане понимание эстетики как философской дисциплины, обращённой к прекрасному и искусству как проявлению прекрасного (<http://webotvet.ru/articles/opredelenie-estetika.html>), как философского учения о сущности и формах прекрасного в искусстве и художественном творчестве (<http://tolsklovar.ru/ie2254.html>) с необходимостью определяется конкретными правилами и нормами, сложившимися в том или ином направлении в искусстве в ту или иную эпоху. Что касается кино, как утверждал упомянутый выше Ян Мукаржовский, «развитие этого молодого искусства всё ещё постоянно будоражат изменения технической (“машинной”) базы и оно значительно сильнее, чем традиционные виды искусства, испытывает потребность в норме, на которую можно было бы опереться как в положительном смысле (придерживаясь её), так и в отрицательном (нарушая её)» [Мукаржовский, 1994]. К тому же современное кино характеризуется множественностью художественных направлений. Как следствие, эстетические воззрения на природу кино также отличаются множественностью и противоречивостью.

В свете этих рассуждений аудиовизуальный перевод как деятельность, в результате которой имеет место непосредственное вторжение переводчика в «святая святых» «мнимой реальности» происходящего на экране, не только не может рассматриваться в отрыве от своего оригинала, но и способен оказать непосредственное (в том числе манипулятивное!) воздействие на восприятие

фильма зрителем в зависимости от используемой техники перевода. В какой мере АВП «завязан» на своеобразных кинематографических апориях, отражающих противоречия между данными наблюдения и опыта и их мысленным анализом? Что позволяет говорить о собственно эстетическом аспекте АВП в переводоведении?

Оставим в стороне интереснейший анализ развития дублирования и перевода субтитрами как видов/техник перевода в исторической перспективе в освещении Ж.-Ф. Корню. Этот вопрос заслуживает отдельного обстоятельного разговора и уже сам по себе, несомненно, может быть прекрасной иллюстрацией оперативной реакции на смену постулируемых выше «внешних раздражителей», что, помимо усовершенствования собственно кинематографических приёмов (монтаж, крупный план и т.д.), находит своё выражение во внедрении новейших технологий АВП (например, 3-, 5-, 7D-субтитров, использования DVD, пакетов цифровых фильмокопий — Digital Cinema Package, или DCP), в значительной степени диверсифицирующей деятельность аудиовизуальных переводчиков и поднимающих практическую реализацию их продукта на всё более высокий технический уровень — в общем контексте того, что «цифровая революция, такая опьяняюще безрассудная в данный момент, превращает кино в нечто неизведанное для нас сегодня» [Мёрч]. В какой мере означенный технический аспект связан с аспектом художественно-эстетическим?

Сосредоточимся на анализе автором эстетической составляющей использования дублирования и перевода субтитрами, их роли и степени эксплицитного или имплицитного участия в воссоздании/адаптации оригинала с ориентиром на Другого, то есть зрителя как представителя иной культуры, иного мировидения, воспитанного на иных эстетических традициях. Столь мощное воздействие АВП на зрителя, по мнению Ж.-Ф. Корню, объясняется неразрывной связью изображения, звука и вербального текста (ср. разрабатываемое нами понятие образа-смысла [Горшкова, 2010, 2014]). Означенная связь в дублированном фильме нарушается в силу того, что зритель слышит голоса персонажей, зачастую не имеющие ничего общего с голосами, звучащими в оригинальной версии фильма, что далеко не всегда отражает отношение звука и изображения в соответствии с замыслом создателей фильма и опять же не всегда способствует их адекватному восприятию принимающей аудиторией. В свою очередь, использование субтитров с необходимостью требует их материального включения в визуальный ряд, что имеет следствием значительную модификацию последнего, загромождение «картинки» текстовыми элементами, которые могут восприниматься

зрителем, хотя бы приблизительно знакомым с языком оригинала, как ненужный элемент, усложняющий рецепцию фильма.

Другими словами, в терминах Ж.-Ф. Корню, оригинальный диалог, представленный в переводной версии посредством дублирования или перевода субтитрами, становится своего рода фильтром, способным как ориентировать, так и дезориентировать потенциального зрителя [Cornu, 2014, p. 287]. На наш взгляд, особого внимания в предлагаемой концепции заслуживает не только анализ деятельности собственно переводчика, отягощённой многими факторами технического и лингвистического характера, но и учёт перцепции зрителя, как зрительной, так и аудитивной. Рассмотрим указанные аспекты более подробно.

Как указывалось выше, само понимание эстетики определяется конкретными (часто преходящими!) правилами и нормами, складывающимися в искусстве в отдельные исторические периоды. Оригинальность анализируемой эстетической концепции АВП усматривается в том, что, будучи практикующим аудиовизуальным переводчиком, Ж.-Ф. Корню естественно отталкивается от *слова*, но не слова в собственно лингвистическом его понимании, а от его, если так можно выразиться, «реального» воплощения в условиях «мнимой реальности», где последнее способно принимать как звучащую, так и графическую форму³. Такой подход позволяет автору подойти к ставшим уже классическими видам перевода в кино с новых позиций, рассматривать их в несколько ином ракурсе с опорой на такие ключевые понятия, как «голос» и «зрительское восприятие». Позиция исследователя представляется вполне оправданной. Дело в том, что даже в эпоху «великого немого», а тем более после прихода в кино звука, кинозритель, непосредственно вовлекаемый в происходящее на экране, с необходимостью ориентируется на голос, а именно на звучащий голос персонажей фильма как составляющей эстетической системы фильма. Приведём в этой связи высказывание Уолтера Мёрча, выступавшего в роли звукооператора во многих фильмах Фрэнсиса Форда Coppoly и Джорджа Лукаса: «Le dialogue est la colonne vertébrale du son, tout le reste est organisé autour du dialogue» — «Диалог суть позвоночный столб

---

³ В этой связи очень любопытными представляются эксперименты канадского исследователя Тома Конивза, посвящённые съёмкам так называемых видеопоем, в которых роль действующих лиц играют... буквы алфавита, либо разбрасываемые по экрану и закручивающиеся в некие фигуры, либо пересекающие экран в виде одного слова, постепенно исчезающего в том или ином направлении, меняющего при этом местами слоги на фоне невероятно красочного пульсирующего фона, который оказывает непосредственное влияние на восприятие зрителя, вызывая целую гамму эмоций — от неподдельного восхищения до неосознанной, практически безудержной агрессии [Konuyes, 2015].

звука, всё остальное организуется вокруг диалога» (цит. по [Cornu, 2014, p. 292]) (здесь и далее перевод мой. — В.Г.).

По-видимому, именно этими соображениями обусловлен тот факт, что глава, посвящённая дублированию, носит символическое название «*Doublage ou la voix réincarnée*» («Дубляж, или Перевоплощённый голос»). Содержанию главы предпослан следующий эпиграф: «*La voix révèle souvent la nature de l'être, mais elle ne s'accorde que rarement avec son aspect extérieur*» («Голос часто отражает сущность человека, но крайне редко согласуется с его внешностью») [ibid., p. 289]. Эти слова американского режиссёра, сценариста и композитора Джозефа фон Штернберга отражают парадоксальность дублирования как техники/вида перевода. На первый взгляд, голос, звучащий в дублированной версии и перекрывающий оригинальный, должен служить полной заменой последнему, что вполне приемлемо, например, в радиопостановке, когда радиослушатель может воспринимать звучащий текст с закрытыми глазами, включив всё своё воображение. Но, с одной стороны, голос в оригинальной версии представляет собой неотъемлемую часть Целого фильма и, как следствие, не может рассматриваться в отрыве от этого Целого, что обусловлено, помимо прочего, устоявшейся традицией признания доминирующей роли видеоряда в кино. (Ср. в этой связи другое высказывание упомянутого выше У. Мёрча: «Парадокс кино заключается в том, что оно наиболее эффективно тогда, когда объединяет два кажущихся несовместимыми элемента — общее и частное — в некую разновидность массовой интимности. Произведение искусства само по себе неизменно, предназначено для миллионной аудитории, и ещё: когда оно срабатывает, то кажется, что оно воздействует персонально на каждого из зрителей» [Мёрч].) С другой стороны, как констатирует Ж.-Ф. Корню, дублированная версия иностранного фильма однозначно распознаётся зрителем на слух в отрыве от самого фильма. Парадоксально, но факт.

Как полагает исследователь, такое положение вещей объясняется, прежде всего, следующими техническими причинами.

Во-первых, как правило, процедура дублирования осуществляется в студийных условиях, что, казалось бы, напоминает озвучивание или постсинхронизацию оригинального фильма. Соответственно, при этом страдает собственно звуковая ткань фильма, создаваемая, помимо голоса, другими звуками и шумами, обеспечивающими эффект реального присутствия и своего рода соучастия зрителя в происходящем действе. Студийная запись практически устраняет «звуковую перспективу» (*perspective sonore*, в терминах Ж.-Ф. Корню), т.е. ослабление-удаление/усиление-приближение звучащего голоса в зависимости от ракурса положения актёра по

отношению к микрофону. К счастью, в настоящее время с этими проблемами специалисты по озвучиванию фильмов справляются, и справляются вполне успешно.

Во-вторых, актёрам, снимавшимся в оригинальной версии фильма, довольно трудно создать в студии атмосферу, аналогичную царившей на съёмочной площадке, но они могут опереться на опыт, полученный ими в момент съёмок. Что касается актёров дубляжа, они такого «пережитого» опыта не имеют. Помимо этого, в современных условиях борьбы с кинопиратством им случается заниматься дубляжем, не имея перед глазами полноценной визуальной опоры, а лишь ориентируясь на зашифрованную копию фильма, которая представляет «вырезанные» фрагменты, отражающие артикуляцию исполнителей оригинальной версии, к тому же нередко в отсутствие партнёра по диалогу. Это создаёт труднопреодолимый элемент искусственности, отсутствия необходимой эмоциональности, механического, монотонного воспроизведения текста, что приводит к нарушению художественно-эстетического Целого. Добавим к этому достаточно ограниченный круг актёров, специализирующихся исключительно на дубляже и практически безошибочно идентифицируемых зрителем в качестве таковых⁴.

Означенные технические причины иллюстрируют важность Голоса (его текстуры, тональности, игровых характеристик, манеры говорения актёра) для адекватного восприятия фильма зрителем. В подтверждение сказанному Ж.-Ф. Корню приводит сцену из фильма Орсона Уэллса «Леди из Шанхая» (*The Lady from Shanghai*, 1948), где два героя, Майкл О'Хара и Артур Баннистер, обсуждают в баре проблему власти на примере голоса певца, звучащего из музыкального автомата. Один из них, указывая себе на горло, говорит о том, что сила воздействия певца полностью заключена в его голосе, но последний ничего не значит без усиливающего его микрофона. По мнению Ж.-Ф. Корню, именно поэтому как сила, так и слабость дубляжа находятся в прямой зависимости от возможностей микрофона, но не того микрофона, который находился на съёмочной площадке, а микрофона студийного, постоянно вынуждающего голос соперничать с изображением и звуковым оформлением фильма [Cornu, 2014, p. 297]. В этой связи в приложении к контексту АВП ещё более радикальным становится утверждение Мишеля Шиона: «L'avènement du parlant a mis le cinema

---

⁴ Пересмотрите русскоязычную дублированную версию французского фильма «Игра в четыре руки» (*Guignolo*, 1980) с Ж.-П. Бельмондо в главной роли. Вы вряд ли сможете абстрагироваться, остаться безучастными к дубляжу, несомненно блестящему (!), но выполненному такими узнаваемыми голосами Сергея Юрского, Армена Джигарханяна и Зиновия Гердта.

à la merci de la voix) («Приход звучащего слова отдал кино *на откуп голосу*») [Chion, 1993, p. 32] (выделено автором. — В.Г.).

И вновь Ж.-Ф. Корню отсылает нас к зрительскому восприятию: «Il y a autant de voix imaginées qu'il y a de spectateurs» («Сколько зрителей, столько и воображаемых голосов») [Cornu, 2014, p. 299]. Что он имеет в виду? Разумеется, главным для переводчика является содержание диалога. Огромное внимание уделяется при этом синхронизму звучащего текста и изображения, адекватной передаче огубленных звуков, соответствию артикуляции актёров звучащему тексту. Именно этот аспект всегда признавался и до сих пор признаётся специалистами по АВП одним из доминирующих. Но если персонаж «прожил» некоторое время на экране, не сказав ни слова, зритель подсознательно формирует звуковой образ этого персонажа, независимо от того, какую версию фильма он смотрит, оригинальную или дублированную. Исследователь приводит свидетельство переводчицы Жаклин Коэн, цитирующей одного из блестящих актёров дубляжа: «Nous, on a l'oeil sur les lèvres de l'acteur. Pour le spectateur, quand un doublage est bien fait, le synchronisme, il est dans le regard» («Вот мы всё время ориентируемся на губы актёра. А для зрителя при хорошем дубляже синхронизм заключается в глазах») [ibid., p. 303]. При этом небольшие расхождения в синхронизме звучания и изображения гораздо менее шокируют потенциального зрителя, чем невнятный диалог, смысл которого остаётся непонятым аудиторией, или несоответствие звучащего голоса манере игры актёра.

Непосредственно связанным с Голосом оказывается такой аспект эстетики дублирования, как трактовка вкраплений иностранного языка в многоязычных фильмах, количество которых в последние годы значительно возросло. Пример Ж.-Ф. Корню интересен авторской интерпретацией дубляжа на французском языке фильма российского режиссёра Никиты Михалкова «Утомлённые солнцем» (1994) [ibid., p. 299]. Напомним, что в прологе фильма Митя (исп. Олег Меньшиков) возвращается на рассвете в свою московскую квартиру, где его всю ночь ждёт воспитатель, француз Филипп (исп. Андрей Уманский), приставленный к Мите с детства в целях обучения французскому языку. Филипп встречает хозяина ворчанием, путая при этом русские и французские слова и выражения. Затем садится за стол, берёт в руки русскую газету и начинает читать с откровенными ошибками в произношении некоторых слов. По ходу чтения Митя поправляет Филиппа.

Поскольку дублированная версия рассчитана на франкофонного зрителя, в ней французский язык становится иностранным для

Филиппа, соответственно, Митя должен исправлять его ошибки на родном для него (Мити) французском языке. Чтобы сохранить эстетический потенциал фильма, авторы дубляжа заменили французский язык Филиппа из оригинальной версии на немецкий. Как следствие, воспитатель-француз превращается в немца, говорящего по-французски с ярко выраженным немецким акцентом. Во время чтения он коверкает французские слова на немецкий лад в тех же местах, что и в оригинальной версии, что делает оправданными поправки Мити. По мнению исследователя, выбор немецкого гувернёра для воспитания молодого человека в России начала XX в. вполне обоснован по причинам исторического и культурологического плана. Однако, если углубиться в культурологический аспект проблемы, позиция Ж.-Ф. Корню по этому вопросу представляется довольно спорной, поскольку французское и немецкое воспитание не могут рассматриваться как равноценно взаимозаменяемые. Мятежный дух Мити по фильму объясняется, скорее всего, именно французским воспитанием. Если бы рядом с ним с раннего детства воспитателем был немец, возможно, он усвоил бы непреложный немецкий лозунг «Ordnung ist Ordnung» («Порядок есть порядок»).

Вероятно, поэтому переводчики нередко пасуют, расписываются в собственном бессилии перед очевидной сложностью передачи вкраплений иностранного языка и оставляют без изменения соответствующие фрагменты звучащего фильма, что, по свидетельству Ж.-Ф. Корню, приводит к нарушению эстетического аспекта зрительского восприятия, требующего сохранения «остранения», и создаёт ощущение неоправданной недосказанности. К счастью, это касается главным образом реплик второго плана. К тому же, как показывает пример с дубляжем фильма «Утомлённые солнцем», передача таких вкраплений имеет далекоидущие последствия.

Понятие «голос» остаётся ключевым и в приложении к переводу субтитрами — специфической области перевода, применяемой практически только в кинематографе⁵. В этом плане наиболее сопоставимыми с кино представляются комиксы, соединяющие повествование и изображаемое действие, — с той разницей, что текст, вводимый в филактере⁶, задумывается создателем комикса как часть означенного изображаемого действия, тогда как в кино суб-

---

⁵ Мы не учитываем здесь перевод над титрами (surtitres) в опере и театральных постановках (см. [Gouadec, 2004, 2009]).

⁶ Филактер — «словесный пузырь» в виде облачка над головой говорящего персонажа.

титр вставляется в уже готовый кинематографический продукт, к тому же, нередко, через продолжительный промежуток времени.

В свете сказанного, поскольку собственно диалог воспринимается зрителем через видео- и аудиоряд, выведение субтитров на экран далеко не безобидно с эстетической точки зрения. Субтитры нарушают целостность фильма, создают новый тип отношений, с одной стороны, между такими составляющими фильма, как изображение и текст, а с другой стороны, между одной из означенных составляющих — текстом и звуковой составляющей — голосом.

В эстетической концепции Ж.-Ф. Корню перевод субтитрами, представляющий собой графическую запись звучащего голоса, будь то голос говорящего или поющего персонажа, в кадре или за кадром, трактуется как «изображение голоса» (*image de la voix*), что находит своё отражение как в использовании размера и цвета шрифта, так и в расположении субтитра на экране. Так, субтитры обычно оформляются прямым шрифтом, если звучащий голос является видимой частью диегетического мира фильма. Если же обладатель голоса находится где-то в другом месте и оказывается невидимым для зрителя, субтитры набираются курсивом. Показателен в этом плане перевод субтитрами телефонного разговора, когда зритель видит только одного из собеседников. В этом случае курсивом оформляются субтитры, относящиеся к «изображению» голоса невидимого собеседника.

Как показано выше, прерогативой кино по сравнению с другими видами искусства является создание некоего отношения между текстом и движущимся изображением, и если бы субтитр просто вносил свой вклад в это отношение, тогда его основной функцией была бы функция нарративная и он бы не играл никакой специфической роли. Однако появление субтитра даже в статичном кадре создаёт проблему эстетического плана, которая значительно усугубляется, как только камера приходит в движение: его появление замедляет и усложняет «считывание» видеоряда зрителем. Ж.-Ф. Корню называет субтитры «визуально паразитическим феноменом» (*phénomène visuellement parasite*) [Cornu, 2014, p. 339], поскольку их появление на экране не только загромождает видеоряд, в значительной степени отвлекая внимание зрителя, но, главное, затрудняет восприятие смысла кинематографического сообщения, требующего для своей расшифровки иного прочтения, обусловленного спецификой языка кино.

Однако субтитры не всегда вступают в отношения противоречия с видеорядом. Если в оригинальной версии присутствуют какие-либо графические элементы, представляющие неотъемлемую

часть последнего (названия книг, афиши, различные вывески), перевод этих элементов не приводит к нарушению целостности фильма. Считывание обоих планов осуществляется параллельно и не представляется взаимоисключающим на семантическом уровне. Другое дело формальная сторона вопроса. Субтитры практически не повторяют графику означенных выше элементов, отображаемую видеорядом: возможности шрифтов, применяемых для субтитрования, ограничены. К тому же, как полагает Ж.-Ф. Корню, попытка буквального воспроизведения в субтитрах визуальных лингвистических элементов может привести к эстетической избыточности субтитра, что не способствует адекватному пониманию смысла.

Субтитры могут также привносить дополнительный эстетический эффект. В качестве иллюстрации Ж.-Ф. Корню приводит перевод субтитрами в фильме австралийского режиссёра База Лурмана «Мулен Руж» (*Moulin Rouge!*, 2001), где этот эффект особенно показателен. Героиня фильма, Сатин, впервые появляется на экране, сидя на раскачивающейся трапеции. Её лицо, освещённое мощным светом прожектора, снято крупным планом и занимает две трети экрана справа. Зал и задний план погружены в темноту. Когда Сатин начинает петь, субтитры, что вполне оправданно, появляются слева на чёрном фоне, не наплывая на лицо героини. Формат экрана позволяет произвести такое изменение привычного расположения субтитров, обычно занимающих нижнюю часть экрана. В анализируемой сцене само появление субтитров вполне гармонично вписывается в видеоряд, усиливая его эстетический эффект.

Рамки статьи не позволяют рассмотреть все аспекты эстетики аудиовизуального перевода Ж.-Ф. Корню. Но даже краткое изложение некоторых из них свидетельствует о том, что и дубляж, и перевод субтитрами в значительной мере изменяют соотношение между изображением и звуком в кино, оказывая тем самым значительное влияние на восприятие зрителя. Крайней степенью проявления такого влияния оказывается намеренное изменение текста оригинальной версии фильма в манипулятивных или идеологических целях. Так, во времена холодной войны на французском языке был дублирован фильм американского режиссёра Сэмюэла Фуллера «Происшествие на Саут-стрит» (*Pick Up on South Street*, 1952), получивший при дубляже название «Le Port de la drogue» (букв. «Гавань наркотиков»). Сюжет оригинальной версии фильма основывался на краже в пользу русских американского микрофильма с формулой для создания атомного оружия. После дубляжа политический вопрос уступил место банальной истории о бандитах, торгующих наркотиками! К сожалению, идеологический или манипулятивный перевод не всегда так «безобиден».

Возвращаясь к заявленной теме данной статьи, напомним, что «методологическая ценность системного подхода к переводу состоит в том, что он позволяет ориентировать исследование изучаемого объекта на раскрытие его целостности и на анализ тех механизмов, которые эту целостность обеспечивают. При этом особое внимание уделяется выявлению многообразных типов связей как внутри самого сложного объекта, так и с окружающим миром, что позволяет в итоге свести разносторонние знания об объекте в единую теоретическую картину» [Гарбовский, 2015, с. 15]. По моему мнению, проведённый анализ эстетической концепции АВП Ж.-Ф. Корню доказывает, что аудиовизуальный перевод как специфический вид/техника перевода находится в системных отношениях с таким сложным объектом, как кино, и, соответственно, может рассматриваться в рамках парадигмы системной трансдисциплинарности.

Список литературы

- Гарбовский Н.К.* Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 1. С. 3–20.
- Garbovsky, N.K.* Sistemologicheskaja model' nauki o perevode. Transdisciplinarnost' i sistema nauchnyh znaniij [Systemological Model of Translatology: Transdisciplinarity and the System of Scientific Knowledge] // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda. 2015. № 1. S. 3–20 (in Russian).
- Горшкова В.Е.* Перевод кинодиалога в свете концепции Жюль Делёза // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 1. С. 16–26.
- Gorshkova, V.E.* Perevod kinodialoga v svete koncepcii Zhilja Deljoza [Film Dialogue Translation in the Light of Gilles Deleuze's Conception] // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda. 2010. № 1. S. 16–26 (in Russian).
- Горшкова В.Е.* и др. Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод: Коллективная монография / Под общ. ред. проф. В.Е. Горшковой. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 367 с. — URL: <http://rucont.ru/efd/326468>
- Gorshkova, V.E.* i dr. Kinodialog. Obraz-smysl. Perevod [Film dialogue. Image-Sense. Translation]: Kollektivnaja monografija / Pod obshch. red. prof. V.E. Gorshkovej. Irkutsk: MGLU EALI, 2014. 367 s. (in Russian). — URL: <http://rucont.ru/efd/326468>
- Дупленский Н.* Рекомендации по письменному переводу для переводчика, заказчика и редактора [Электронный ресурс] / Н. Дупленский. 3-я ред. 2015 год. — Режим доступа: <http://www.russian-translators.ru/>
- Duplensky, N.* Rekomendacii po pis'mennomu perevodu dlja perevodchika, zakazchika i redaktora [Translation Guidance for a Translator, Customer and Editor] [Elektronnij resurs] / N. Duplensky. 3-ja red. 2015. — Rezhim dostupa: <http://www.russian-translators.ru/> (in Russian).
- Котенко В.П.* Парадигма как методология научной деятельности // Библиосфера. 2006. № 3. С. 21–25.

- Kotenko, V.P.* Paradigma kak metodologija nauchnoj dejatel'nosti [Paradigm as Methodology of Scientific Work] // *Bibliosfera*. 2006. № 3. S. 21–25 (in Russian).
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2002. 608 с.
- Kuhn, T.S.* *Struktura nauchnyh revolucij* [The Structure of Scientific Revolutions]. М.: АСТ, 2002. 608 s. (in Russian).
- Мёрч У.* Цифровое кино разума? Может быть / Пер. М. Моженко [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://snimifilm.com/blog/tsifrovoe-kino-razuma-mozhet-byt>
- Murch, W.* Tsifrovoe kino razuma? Mozhet byt' [A Digital Cinema of the Mind? Could Be] / Пер. М. Mozhenko [Elektronnij resurs]. — Rezhim dostupa: <http://snimifilm.com/blog/tsifrovoe-kino-razuma-mozhet-byt> (in Russian).
- Мукаřовский Я.* К вопросу об эстетике кино // Исследования по эстетике и теории искусства / Пер. с чешск. В.А. Каменской. Сост. и коммент. Ю.М. Лотмана и О.М. Малевича. М.: Искусство, 1994. С. 396–410.
- Mukařovský, Jan.* K voprosu ob estetike kino [Revisiting the Issue of Film Aesthetics] // *Issledovanija po estetike i teorii iskusstva* / Пер. s cheshsk. V.A. Kamenskoj. Sost. i komment. Yu.M. Lotmana i O.M. Malevicha. М.: Iskusstvo, 1994. S. 396–410 (in Russian).
- Boillat, A.* La traduction audiovisuelle: contraintes (et) pratiques. Entretien avec Isabelle Audinot et Sylvestre Meininger / A. Boillat, L. Cordonnier // *Déca-drages. Cinéma à travers champs*. Lausanne: Université de Lausanne, 2013. № 23–24. P. 927.
- Chion, M.* *La Voix au cinéma*. Paris: Editions de l'Etoile / Cahiers du cinéma, 1993. 157 p.
- Cornu, J.-F.* *Le doublage et le sous-titrage: Histoire et esthétique*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2014. 440 p.
- Cornu, J.-F.* De Barcelone aux bords du Rhin: le doublage et le sous-titrage au fil des congrès [Electronic resource] // *L'écran traduit*. 2013. № 2. — URL: <http://ataa.fr/revue/wp-content/uploads/2013/10/ET-02-complet.pdf>
- Cornu, J.-F.* Le public? Quel public? De l'influence négligeable des spectateurs sur les stratégies de traduction audiovisuelle des films en France // *Traduction et médias audiovisuels* / Éd. Adriana Șerban et Jean Lavaur. Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires de Septentrion, 2011. P. 21–35.
- Cornu, J.-F.* *Pratiques du sous-titrage en France des années 1930 à nos jours* // *France // La traduction audiovisuelle: Approche interdisciplinaire du sous-titrage* / Éd. Jean Lavaur et Adriana Șerban. Bruxelles: De Boeck, 2008. P. 9–16.
- Faire adapter une oeuvre audiovisuelle: Guide du sous-titrage et du doublage [Electronic resource]. — URL: <http://ru.calameo.com/books/0004988781f-2c3560e86d>
- Glossaire de la traduction audiovisuelle et professionnelle / Mot d'introduction* S. Gourgeon [Electronic resource] // *L'Ecran traduit*. Hors série. 2014. № 2. — URL: <http://ataa.fr/revue/wp-content/uploads/2014/09/ET-HS2-complet.pdf>

Gouadec, D. Faire traduire: Guide à l'intention de ceux qui voudraient, devraient, doivent ou pensent devoir faire traduire... mais ne savent pas comment s'y prendre et de ceux qui le font déjà... mais voudraient faire mieux. Paris: La Maison du Dictionnaire, 2004. 366 p.

Gouadec, D. Profession traducteur: La référence absolue pour quiconque pratique professionnellement la traduction ou espère y parvenir. Paris: La Maison du Dictionnaire, 2009. 359 p.

Konyves, T. From Film poems to Videopoems: The Transformation of Poetry in the Age of the Image // Program and Abstracts: Poetry/Translation/Film (PoeTransFi). Montpellier: EMMA, Université Paul Valéry, 2015. P. 10–11.

Ю Джонг Хва,

доктор переводоведения, старший преподаватель Университета иностранных языков Хангук, г. Сеул, Республика Корея; e-mail: yujh@hufs.ac.kr

НОВЫЕ СФЕРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММУНАЛЬНОГО ПЕРЕВОДЧИКА И ЕГО МНОЖЕСТВЕННАЯ РОЛЬ*

Новые языковые и внеязыковые реалии потребовали расширения поля деятельности специалистов в области коммунального перевода. В статье рассматриваются новые для современного корейского общества направления коммунального перевода: перевод для беженцев, перевод проповедей, лекций и пр. — как дополнение к уже привычным видам перевода — медицинскому и юридическому. В коммунальном переводе переводчик должен играть множественную роль — роль консультанта, роль посредника, роль представителя в каждом конкретном случае. Коммунальный переводчик может оказывать влияние не только на сообщество, но и на жизнь членов сообщества в зависимости от той роли, которую он выполняет.

Ключевые слова: Республика Корея, коммунальный перевод, множественная роль переводчика, перевод для беженцев, перевод проповедей, перевод лекций.

Yu Jung-hwa,

PhD, Assistant Professor, Doctor of interpreting and translation studies at Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea; e-mail: yujh@hufs.ac.kr

NEW FIELDS AND MULTIPLE ROLES FOR COMMUNITY INTERPRETERS

With the emergence of new communities, interpreters are obliged to take on new roles. In today's Korean society, refugee interpreting, sermon interpreting, lecture interpreting and so on have appeared as new types of community interpreting in addition to the existing medical and legal ones. Any community interpreter now plays multiple roles, e.g. a counsel, a mediator and a representative in each specific interpreting situation. He or she can exert a great influence not only on the community itself but also on the lives of the community members depending on his or her roles. It is fair to say that community interpreting is in marked contrast to conference interpreting in which the role as a deliverer is emphasized.

Key words: Republic of Korea, community interpreting, interpreter's multiple roles, refugee interpreting, sermon interpreting, lecture interpreting.

Постоянно расширяющаяся международная коммуникация приводит к сближению между странами, но главной проблемой по-прежнему остаётся языковой барьер. В ходе международных кон-

---

* Работа выполнена при поддержке исследовательского фонда Университета иностранных языков Хангук.

ференций, научных семинаров и деловых переговоров языковые барьеры преодолеваются с помощью переводчиков, работающих в сфере устного перевода. Но в случае с коммунальным переводом, который тесно связан с повседневной жизнью людей, до сих пор остаётся много нерешённых проблем в вопросе налаживания коммуникации. В последнее время коммунальный перевод привлекает всеобщее внимание и становится предметом научных исследований. Сейчас он применяется не только для налаживания коммуникации между сторонами, но и для решения социальных проблем, а также проблем, связанных с государственной политикой.

С формированием новых социальных слоёв роль переводчика также претерпевает изменения. Помимо существующих достаточно давно медицинского и юридического переводов в корейском обществе появляются новые виды коммунального перевода, такие как перевод для беженцев, перевод проповедей, лекций и т.д. К этим видам перевода проявляют интерес не только переводчики, но и учёные-переводоведы, исследователи устного перевода. Целью данной работы является раскрытие понятия «коммунальный перевод», изучение новых видов коммунального перевода, определение особенностей коммунального перевода и роли коммунального переводчика в Республике Корея.

Особенности коммунального перевода и наблюдаемые в нём перемены

1. Сообщество и коммунальный перевод

Для решения поставленной задачи необходимо обозначить суть понятия «коммунальный устный перевод». За исключением сурдоперевода, коммунальный перевод возник как средство преодоления языкового барьера между представителями разных регионов. Для уточнения условий, в которых требуется коммунальный перевод, обратимся к двум значениям слова *community* («сообщество»), которые даются в словаре Macmillan: 1. A group of people living in the same locality and under the same government; 2. A group of people having common interests. Таким образом, в толковании учитываются два фактора — общая локализация и общие интересы. В связи с этим можно говорить о том, что коммунальный перевод в основном локально организован и имеет ряд отличий от широко распространённого перевода на международных научных и бизнес-конференциях. В качестве примера в табл. 1 приведём несколько различий между коммунальным переводом и устным переводом на международных конференциях.

Различия между коммунальным переводом и переводом на конференциях

	Коммунальный перевод	Перевод на конференциях
Метод перевода	Используется как последовательный, так и синхронный перевод, но в основном последовательный	Используется последовательный и синхронный перевод в равной степени
Направление перевода	Оба направления ($A \leftrightarrow B$)	В одном направлении ($A \rightarrow B$ или $B \rightarrow A$)
Характер и тема разговора	Свободные	Запланированные (в большинстве случаев есть текст)
Контроль за ходом разговора	Возможен	В большинстве случаев невозможен
Участие в разговоре с говорящими	Обязательно	По желанию
Языки перевода	Основной язык и языки, на которые делается перевод	В большинстве случаев основной язык
Взаимоотношения между собеседниками	Различие по социальному положению	Собеседники социально равны
Статус переводчика	Низкий	Высокий
Принадлежность переводчика	Член сообщества	Профессиональный переводчик
Связь переводчика с сообществом	Прочная	Непрочная
Профессиональное образование	Нет	Есть

2. Коммунальный перевод и роль переводчика

Коммунальный перевод с давних времён оказывал огромное влияние на жизнь человека, однако всё это время не получал должного признания как в научной среде в целом, так и непосредственно со стороны переводчиков. В работе М. Рудвина и Э. Томассини подчёркивается, что ни в научных кругах, ни во время переводов права коммунальных переводчиков должным образом не защищались, несмотря на то что профессия переводчика является одной из древнейших: «Although it is a profession that has been practiced since time immemorial, Community Interpreting does not,

however, have the support that academic disciplines usually enjoy, nor the industrial protection that safeguards — at least in theory — the basic rights of practitioners in most established professions» [Rudvin & Tomassini, 2008, p. 246].

Как показано в табл. 1, коммунальный перевод и перевод международных конференций имеют несколько различий. Но больше всего они различаются по степени вовлечённости переводчика в процесс перевода и выполняемой ими роли. Коммунальный перевод не только служит налаживанию общения, но и оказывает огромное влияние на жизнь человека, который является членом того или иного сообщества. С. Хейл, в частности, пишет: «This type of interpreting takes the interpreter into the most private spheres of human life [...]; it takes place in settings where the most intimate and significant issues of everyday individuals are discussed» [Hale, 2007, p. 25–26]; «...the issues discussed can determine the course of a person's life» [Hale, 2011, p. 343].

В последнее время коммунальный перевод переходит в разряд профессионального перевода. Он осуществляется в таких областях, как медицина, юриспруденция, образование и др. Сами переводчики, в свою очередь, оказывают всё большее влияние на эти сферы деятельности: «In legal, medical, work and education settings, the choices and actions that interpreters take, or not take, have the potential to influence the lives of the people involved» [Swabey & Mickelson, 2008, p. 51].

Всё более возрастают роль и значимость коммунальных переводчиков, что увеличивает интерес к этому виду перевода. Происходит это по той причине, что роль, которую играют коммунальные переводчики в реальной жизни, существенно отличается от указанной в этических нормах переводчика. В работе Дж. Кауферта и Р. Путча [Kaufert & Putsch, 1997], написанной на основе исследования этических норм медицинского переводчика, говорится, что в большей части этических правил переводчику в процессе перевода отводится объективная и нейтральная роль. В процессе медицинского и юридического перевода переводчикам отведена роль передатчика информации, которую он должен донести в точности и без искажений. Во время обучения переводчика именно на этой роли делается акцент. Переводчиков учат говорить во время перевода от первого лица, чтобы создать иллюзию общения непосредственно между врачом и пациентом, а также с целью уменьшить ощущение присутствия переводчика [Hsieh, 2005, p. 721]. Но в реальной жизни роль переводчика выходит далеко за пределы просто роли передатчика информации.

В работе Э. Гоффмана [Goffman, 1961, p. 85] даётся определение *роли* как действия, совершаемого лицом согласно его обязанностям. Также роль, которая от него требуется, отличается от той, которую он выполняет в действительности. По словам автора, общество считает, что человек может исполнять не какую-либо одну роль, а несколько ролей (*multi-role-performer*). Поэтому роль человека во время совершаемых им действий может меняться в зависимости от различных ситуаций. Например, в зависимости от значимости обязанностей, важности требований, а также личных качеств и т.д.

В процессе наиболее консервативного из видов перевода — юридического, когда переводчик должен выступать в роли передатчика информации, возникают различного рода трудности. Например, когда нет подходящего эквивалента для перевода слов говорящего; когда речь говорящего насыщена литературными выражениями и дословный её перевод может быть понят неправильно или не понят вообще; когда переводчик осознанно либо неосознанно симпатизирует одной из сторон — обвиняемому или истцу; когда обвиняемый слишком привязывается к переводчику, говорящему с ним на одном языке, и т.д. [Kim, Jeong & Lee, 2008, p. 9].

Многие исследователи указывают на данные расхождения, пересматривая реальную роль переводчиков, и утверждают, что в локальной коммуникации переводчики выполняют самые разные обязанности. В ряде работ [Roy, 1993; Wadensjö, 1993] приведены следующие типы коммунальных переводчиков, различающиеся по исполняемой ими роли. Первый тип — это *helper*. Переводчик не только налаживает диалог между государственным учреждением и иностранцем, он оказывает всемерную помощь в работе этого учреждения. В этом случае, по сути, переводчика можно отнести к волонтерам, работающим бесплатно. Второй тип — это *cook*. Используя одни и те же ингредиенты (речь), переводчик готовит «блюдо», подходящее по вкусу тому, кто «ест» (т.е. слушателю). Переводчик объясняет то, что услышал, в доступной форме и своими словами с тем, чтобы слушающий его понял. Третий тип — это *conduit*. Переводчик переводит речь говорящего без каких-либо изменений. Четвёртый тип — это *communication facilitator*. Помимо собственно перевода беседы переводчик прилагает всяческие усилия для налаживания непринуждённого и свободного общения. Пятый тип — это *bilingual-bicultural specialist*, переводчик, прекрасно знающий не только языки, но и культуру обеих стран, направляющий усилия на избежание недопонимания и конфликтов на фоне языковых и культурных различий.

Суть и разновидности коммунального перевода становятся всё более разнообразными, что можно сказать и об обязанностях и ро-

лях коммунальных переводчиков. В последнее время в корейском обществе из-за увеличения международных гуманитарных обменов и под влиянием национальной политики коммунальный перевод становится всё более востребованным. Коммунальный перевод получает в Республике Корея своё второе рождение, а роль переводчиков в ряде областей коммунального перевода меняется.

Особенности преобразования коммунального перевода в корейском обществе

1. Перевод для беженцев

В последнее время в Корее идёт процесс становления перевода для беженцев. В 2010 г. количество беженцев превысило отметку в 200 человек, превратив Республику Корея в одну из важнейших стран Азии, принимающих беженцев. В результате правительство стало отбирать и нанимать на работу переводчиков для оказания беженцам помощи при подаче заявлений о предоставлении убежища, а также во время прохождения административных или судебных процедур. Среди подающих заявления о предоставлении убежища очень мало тех, кто может доказать при помощи документов или свидетелей факт своего притеснения. Поэтому решение о присвоении лицу статуса беженца принимается обычно не только исходя из материалов, подтверждающих обстановку в стране, откуда это лицо прибыло, но и на основе письменного описания ситуации. В Республике Корея не проводятся полные судебные слушания, поэтому во время судебного рассмотрения качество перевода имеет первостепенное значение. В присяге переводчика для беженцев говорится, что переводчик должен соблюдать нейтралитет и добросовестно выполнять свои обязанности, то есть делается акцент на нейтралитет и честность. Вместе с тем от переводчика требуют выполнения роли передатчика информации. В работе Н. Дорнбоса говорится, что переводчик для беженцев реализует роль «neutral intermediary, adviser, substitute for the officer, ally of the asylum, informant or expert» [Doornbos, 2005, p. 117], а также выполняет ряд других обязанностей. Аналогичный вывод можно сделать и из результатов опроса, который провело одно из корейских агентств. Главные судьи суда по делам беженцев (3 чел.) на вопрос «Кем вы считаете переводчика для беженцев?» ответили: «ассистентом судебного/государственного учреждения», «аппаратом для устного перевода / специалистом по иностранному языку». Сотрудники организаций по правам беженцев и адвокаты ответили, что это «специалист по иностранному языку» (8 чел.), «специалист по налаживанию межкультурного общения» (8 чел.), «представитель

лица, подающего заявление о присвоении статуса беженца» (4 чел.). Были и те, кто выбрал несколько вариантов ответа [Kim, 2013, p. 213].

В корейских судах распространены печатные руководства под названием «О суде по делам беженцев», где затрагивается проблема слишком активной роли переводчика. Но вместе с тем приводятся примеры, когда работа переводчиков получает должное признание. Например, в случае возникновения следующих ситуаций: когда в материалах письменного допроса указана неверная информация из-за различий в диалектах истца и переводчика от Министерства юстиции; когда возникает межкультурное недопонимание из-за того, что одно и то же слово может использоваться по-разному в корейском языке и на родном языке истца; когда эмпирические правила, действующие в Республике Корея, не находят отклика в стране истца или в иных странах третьего мира. В таких случаях переводчик может помочь разъяснить ситуацию, перевести необходимые документы и бумаги для рапорта, что, конечно, имеет немаловажное значение. В одной из работ упоминается, что во время бесед с беженцами переводчики налаживают «межкультурное общение и понимание» — и, несмотря на то что в данном процессе переводчикам отведена ключевая роль, их заслуги не оцениваются по достоинству [Barsky, 2000].

2. Устный перевод проповедей

Прибывающим в Республику Корея иностранным рабочим и иммигрантам, чей приезд связан с заключением брачных отношений, медицинская и материальная поддержка оказывается не только государством, но в большинстве случаев и различными религиозными организациями. Самую активную помощь и поддержку оказывают христианские церкви. В церквях проводятся необходимые юридические и медицинские консультации, предоставляется материальная помощь, для того чтобы иностранцы быстрее приспособились к жизни в корейском обществе; кроме того, им предоставляются и различные другие услуги. Церковь становится местом обмена информацией и местом, где люди общаются друг с другом. В некоторых церквях есть переводчики, чья задача — переводить проповеди и оказывать помощь в общении местных прихожан с иностранцами. Из 245 церквей, участвовавших в недавнем опросе, в 42 (17,1%) предоставляются услуги переводчика [Sin, 2013]. В церквях службы сопровождаются синхронным и последовательным переводом. Причём синхронный перевод в основном осуществляют профессиональные переводчики, а последователь-

ный — церковные служащие (пасторы, миссионеры и т.д.). В зависимости от способа перевода им предъявляются разные квалификационные требования.

Таблица 2

Характер перевода и требования к квалификации при переводе проповедей

Последовательный перевод		Синхронный перевод	
Убеждённая вера	29,1%	Точность и правильность перевода	4,61%
Перевод высокого уровня	28,5%	Логическая правильность	4,44%
Языковые способности	28,3%	Правильное употребление терминов	4,38%
Прочие (прекрасное знание Библии, правильный образ жизни...)	14,1%	Прочие (скорость, грамматика, голос, произношение...)	86,57%

Таблица 2 наглядно показывает, что при последовательном переводе наиболее важные требования — это убеждённая вера, перевод высокого уровня и языковые способности. В случае с синхронным переводом основные квалификационные требования — это точность и правильность перевода, а также логическая правильность. В процессе последовательного перевода, как правило, переводчик стоит рядом с выступающим иностранцем. Поэтому выступающий и переводчик воспринимаются одинаково. В церкви рядом с говорящим обычно стоит пастор, и все воспринимают пасторов как самых подходящих переводчиков, поскольку у них примерно равное положение с выступающим. Поэтому во время последовательного перевода в большинстве случаев пасторы переводят речь выступающего. Во время синхронного перевода, когда никто не видит переводчика, не обязательно, чтобы переводчик и выступающий имели равное положение. В этом случае наиболее значимы точная передача содержания и правильное употребление терминов.

3. Устный перевод лекций

В случае, когда профессор и студенты говорят на разных языках и нет возможности провести полноценное занятие путём непосредственного общения, лекция проводится через переводчика. Типичным примером является сурдоперевод лекций для слабослышащих студентов.

Устный перевод лекций имеет общие черты с другими видами перевода, но здесь мы остановимся на его специфике. Во-первых, в процессе перевода лекций в зависимости от того, делается ли ак-

цент на саму суть лекции либо на перевод, меняется отношение к переводчику [Sin, 2013]. Во-вторых, перевод лекций осуществляется последовательно между профессором и студентами либо между несколькими собеседниками, поэтому переводчик должен уметь контролировать ход беседы [Ko, 2003]. В-третьих, в ситуации, когда в силу большой разницы образовательного уровня профессора и студентов может возникнуть непонимание со стороны студентов, переводчик должен сопровождать перевод объяснениями и/или объяснять смысл лекции своими словами. То есть цель переводчика — добиться, чтобы студенты понимали, о чём говорится в лекции. В-четвёртых, помимо того, что переводчику следует заранее узнать тему лекции и подготовиться к ней, он должен быть собран и обладать быстрой реакцией, чтобы переводить спонтанные вопросы, которые студенты нередко задают профессорам во время лекций. В-пятых, в случае, если переводчик переводит один предмет несколько раз, необходимо, чтобы между переводчиком и преподавателем, а также между переводчиком и студентами установились доверительные и гармоничные взаимоотношения. Нередка ситуация, когда переводчик переводит лишь одну лекцию. Но также бывает, что переводчик может переводить один предмет в течение семестра или даже года. В таком случае, если между преподавателем, студентами и переводчиком не будет взаимопонимания и доверия, качество перевода (да и лекции в целом) может существенно пострадать.

В наши дни в Республике Корея преподаёт немало приглашённых иностранных преподавателей, и их лекции сопровождаются переводом для студентов. В табл. 3 приведено количество приглашённых преподавателей в одном из университетов Республики Корея [Yoon, 2015, p. 9].

В прошлом, когда приглашались преподаватели из-за границы, это были в основном специалисты в области иностранных языков. Как видно из табл. 3, в последнее время приглашается немало специалистов в сфере музыки, хореографии, кинематографа и других областей искусства. В частности, в сфере искусства приглашается значительное число преподавателей из России. В связи с этим для перевода лекций Корейский национальный университет искусств привлекал русскоговорящего переводчика.

Во время перевода лекций переводчик принимает самое активное участие в налаживании коммуникации. С целью облегчения понимания студентами содержания лекции переводчик прибегает к замене сложных терминов более простыми. Кроме того, он может сопровождать некоторые термины дополнительными разъяснениями. Переводчиков можно разделить на несколько типов в зависи-

Таблица 3

Количество приглашённых иностранных преподавателей в Корейском национальном университете искусств

Год, семестр	2005		2006		2007		2008		2009		2010		2011		2012		2013		2014		Итого
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	
Сфера преподавания	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	
Театральная школа	1	1	—	1	1	1	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2	8
Музыкальная школа	1	2	1	1	1	1	1	1	2	2	2	4	2	3	4	2	2	—	5	5	41
Танцевальная школа	2	3	3	2	2	3	4	2	2	3	2	2	2	1	—	3	4	2	2	3	45
Мультимедиа	—	—	—	—	—	—	—	2	1	1	1	1	1	1	—	1	2	—	—	1	11
Школа изобразительного искусства	1	—	2	—	1	1	—	—	1	—	1	1	—	—	4	—	1	—	—	1	13
Традиционные искусства	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0
<i>Сумма</i>	5	6	6	3	5	6	5	6	6	6	6	8	7	5	8	6	9	2	7	12	118
<i>Русские профессора</i>	1	2	1	2	3	3	2	2	1	1	3	1	3	1	2	1	1	1	1	3	32

мости от роли, которую они выполняют во время перевода лекций. В работе С. Ваденшо [Wadensjö, 1998] говорится, что лекции переводятся в атмосфере налаживания взаимопонимания между профессором и студентами, каждый из которых во время лекции руководствуется своими обязанностями, целями и ожиданиями. Тут переводчику отведена роль координатора (*coordinator*). В работе Х.С. Юн [Yoon, 2015] говорится, что для успешного проведения лекции необходимо, чтобы кто-то исполнял роль помощника (*helper*) для налаживания общения, а также роль защитника (*advocate*) студентов, который будет доносить их точку зрения. Как видно из сказанного, во время перевода лекций переводчик может выполнять несколько функций. Стоит отметить, что он не выполняет какую-то одну определённую функцию, он выполняет их все одновременно. Это характерно для всех видов коммунального перевода, однако, в отличие от медицинского и юридического перевода, во время перевода лекций активное участие переводчика в беседе не только приветствуется, но и требуется. Студенты, которые прослушали лекции с переводом, высоко оценивают переводчиков за их активное участие в ходе лекций и ставят их в один ранг с профессорами. Несомненно, в будущем практику международных академических обменов ждёт дальнейшее расширение, и спрос на перевод лекций будет расти. Следовательно, необходимо расширять исследования в сфере устного перевода лекций.

В заключение можно сделать следующие выводы: в зависимости от характера определённого общества коммунальные переводчики выполняют различные функции. Современное общество, стремительно меняясь, становится всё сложнее: зарождаются новые виды социальных сообществ, меняется характер уже существующих. В связи с происходящими переменами коммунальный переводчик может выполнять некие новые функции, возможно несколько различных функций одновременно. В сфере медицинского и юридического перевода, где главное — точность передаваемой информации, работа переводчика может вызвать сомнение из-за дословного характера перевода. Переводчики, работающие в новых сферах, таких как перевод для беженцев, перевод проповедей и лекций, в ходе работы выполняют самые различные функции — от защитника и посредника вплоть до представителя лица, которому осуществляют перевод. Коммунальные переводчики своей работой оказывают огромное влияние не только на определённое социальное сообщество в целом, но и на жизнь каждого из его членов. Поэтому можно сделать вывод, что коммунальный перевод существенно отличается от устного перевода конференций, где самое важное — точная передача информации. Коммунальный перевод имеет самую тесную связь с повседневной жизнью человека.

Таким образом, коммунальный перевод как один из типов устного перевода в новых экстралингвистических условиях требует особенно внимательного к себе отношения, которого он был лишён до последнего времени, и более тщательного изучения.

Список литературы

- Barsky, F.R.* Arguing and Justifying: Assessing the Convention refugees' choice of moment, motive and host country. Aldershot: Ashgate, 2000. 400 p.
- Doornbos, N.* On Being Heard in Asylum Cases: Evidentiary Assessment through Asylum Interviews // Gregor Noll (ed.). Proof, Evidentiary Assessment and Credibility in Asylum Procedures. Leiden; Boston: M. Nijhoff Publishers, 2005. 233 p.
- Goffman, E.* Role Distance // Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction / E. Goffman. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1961. 390 p.
- Hale, S.* Community Interpreting. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. 320 p.
- Hale, S.* Public Service Interpreting // K. Malmkjær and K. Windle (eds.). The Oxford Handbook of Translation Studies. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2011. 768 p.
- Hsieh, E.* Conflict in how interpreters manage their roles in provider-patient interactions // Social Science & Medicine. 2005. Vol. 62. P. 721–730.
- Kaufert, J.M., & Putsch, R.W.* Communication through interpreters in healthcare: Ethical dilemmas arising from differences in class, culture, language, and power // The Journal of Clinical Ethics. 1997. Vol. 8. P. 71–87.
- Kim, S.* The Communicative Construction of Refugeehood: An Ethnographic Study of Interviews with Asylum-seekers in South Korea // Korean Journal of Law & Society. 2013. Vol. 45. P. 193–231.
- Kim, J.A., Jeong, H.Y., & Lee, S.B.* Suggestions for improvement through research on court interpreters of Korea and international experiences. Korea National Administration, 2008. 137 p.
- Ko, Y.M.* Theoretical Characteristics of Dialogue Interpreting and Education of Dialogue Interpreters: Ph.D. dissertation. Sejong University, 2003. 125 p.
- Roy, C.B.* The problem with definitions, descriptions and role metaphors of interpreters // Journal of Interpretation. 1993. Vol. 6 (1). P. 127–154.
- Rudvin, M., Tomassini, E.* Migration, ideology and the interpreter-mediator // C. Valero-Garcés and A. Martin (eds.). Crossing Borders in Community Interpreting. Amsterdam: Benjamins, 2008. P. 245–266.
- Sin H.* A research study on sermon interpreting in Korean churches: Ph.D. dissertation. Ehwa Women's University, 2013. 324 p.
- Swabey, L., Mickelson, P.G.* Role definition: A perspective on forty years of professionalism in sign language interpreting // Crossing Borders in Community Interpreting. Amsterdam: Benjamins, 2008. P. 51–80.
- Wadensjö, C.* The double role of a dialogue interpreter // Perspectives: Studies in Translatology. 1993. Vol. 1 (1). P. 105–121.
- Yoon, H.S.* Triadic Role of Lecture Interpreter // Interpreting and Translation Studies. 2015. Vol. 19 (3). P. 1–20.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Е.А. Васина,

преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: katya.vasily@gmail.com

СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ: ОСОБЕННОСТИ ЛОГИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА СООБЩЕНИЯ

В данной статье автор ставит перед собой задачу обозначить основные особенности синтаксического и логического членения текстов устных выступлений на китайском языке, вызывающие ряд определённых трудностей при устном, и особенно синхронном, переводе. Строгое распределение актантных позиций в китайском языке нередко приводит к появлению громоздких инкорпорированных структур, что крайне затрудняет процесс синхронного перевода. Также при переводе на русский язык неизбежно эксплицируются имплицитные логико-семантические связи между частями высказывания на китайском языке, сопровождаясь при этом лексическими, грамматическими и синтаксическими трансформациями структуры устного сообщения. Требуется разработка вспомогательных упражнений.

Ключевые слова: китайский язык, синхронный перевод, инкорпорированные структуры, имплицитные логико-семантические связи.

Yekaterina A. Vasina,

Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: katya.vasily@gmail.com

CHINESE-TO-RUSSIAN SIMULTANEOUS INTERPRETING: LOGIC TRANSFORMATIONS IN SYNTACTIC STRUCTURE

The present article focuses on main difficulties of syntactic and logic transformations of the text any interpreter needs to deal with in the process of Chinese-to-Russian simultaneous interpreting. Unique actantial models lead to complex incorporated structures. Covert semantic relations in the logic structure of the text are to be revealed and expressed. The key question is to find appropriate ways of transforming simultaneously various syntactic and logic structures of two different languages.

Key words: Chinese language, simultaneous interpreting, incorporated structures, covert semantic relations.

Устный перевод в комбинации с китайским языком, а тем более синхронный перевод, ставит перед переводчиком довольно трудные задачи, которые связаны в первую очередь с особенностями китайского языка. Данный язык принадлежит к группе языков

изолирующего строя, а это означает, что русский переводчик, как носитель системы языка флективного строя, при принятии переводческих решений должен будет быстро и адекватно сопоставить две совершенно разные языковые структуры, не оставаясь при этом под влиянием своего языка.

По словам известной исследовательницы китайского языка Тань Аошуан, данный язык отличает «иная степень открытости для наблюдения» [Тань, 2002, с. 21]. Её мысль особенным образом подтверждается, когда мы говорим о синхронном переводе.

Так, важная для синхрониста звуковая сторона сообщения намного менее очевидна, чем если бы он переводил в комбинации, например, с каким-либо европейским языком. Очень сильная фонетическая омонимия, тоновое ударение, несущее словообразовательную функцию, отсутствие морфологического оформления слов — эти и многие другие особенности китайского языка существенно затрудняют выбор семантического соответствия, «правильную передачу смысла, коммуникативного намерения выступающего» [Виссон, 2012, с. 11].

Важно также отметить, что значительную сложность для перевода с китайского языка представляет не только фонетическая сторона сообщаемого. Для переводчика одним из главных препятствий будут иные закономерности логического развёртывания текста сообщения, его синтаксического оформления, иная линейно-акцентная структура предложений. В китайском языке, как в языке изолирующего строя, при отсутствии грамматикализации актантов вся организация семантических валентностей ложится на синтаксические позиции, на порядок слов (знаменитая искусственная фраза Л.В. Щербы про глокую куздру, свидетельствующая о прозрачности актантных позиций на основании формы слова, в китайском языке не может иметь места). В результате в китайском языке мы видим несвойственное русскому языку распределение актантов, другое количество семантических валентностей и другое актуальное членение предложения. Подобные лексические и синтаксические особенности вызывают многочисленные переводческие трудности и требуют тщательного предпереводческого анализа для успешного решения переводческих задач.

В ходе исследования был проанализирован ряд текстов выступлений политических лидеров КНР на китайском языке и их официальный перевод на русский язык, в результате чего были выделены некоторые характерные особенности поверхностной структуры китайского языка, представляющие для переводчика наибольшие трудности. В данной статье предлагается рассмотреть такие особенности монологичной политической речи на китайском языке,

как использование инкорпорированных структур (препозиционные предложно-объектные структуры, рамочные сирконстантные структуры), а также имплицитные логико-семантические связи в высказывании.

Инкорпорированные структуры

В китайском языке синтаксические актаны и сирконстанты могут быть представлены более развёрнутыми единицами, нежели просто слова и словосочетания. Строгое распределение семантических валентностей в китайском языке влияет на то, что в препозиции к объекту очень часто встречаются длинные синтаксические комплексы, нередко представляющие целый ряд развёрнутых предикативных словосочетаний или даже предложений с полной субъектно-предикативной основой. Такое особенное синтагматическое развёртывание предложения по образу русской матрёшки связано с явлением инкорпорации, которая, согласно Е.Д. Поливанову и А.И. Иванову, требует от единиц поверхностной структуры любой длины точного воспроизведения общей модели синтаксической связи между членами предложения или общей схемы упорядочивания валентностей слова [Иванов, Поливанов, 2003].

При устном переводе одной из основных сложностей будет рамочный характер подобных конструкций. Инкорпорированные пропозиционные комплексы выстраивают логико-синтаксическую структуру всего предложения следующим образом: либо разделяют предикат базового предложения и его актаны, выступая в роли развёрнутого определения к актанту; либо выносятся вместе с актантом в препозицию к предикату — и тогда отделяют актаны от необходимого в таком случае предложного слова; либо в роли развёрнутого сирконстанта занимают обязательную позицию перед предикативной основой, используя при этом устойчивые рамочные структуры. Все вышеперечисленные особенности совсем не свойственны тексту сообщения на русском языке, что приводит к определённым переводческим сложностям.

Приведём ряд примеров.

近年来, 俄罗斯致力于发展经济、促进社会公平, 大力推进以创新为核心的经济现代化战略 / *В последние годы Россия занимается реализацией стратегии экономической модернизации, приоритетными задачами которой являются развитие национальной экономики, усиление общественной справедливости и всемерное развитие инноваций* [Ли Кэцян, 2012].

Запись текста сообщения с соблюдением линейно-синтагматической структуры оригинала (здесь и далее по тексту квадратные

скобки в подстрочном переводе служат для обозначения отдельной предикативной ситуации, а полужирный шрифт выделяет рамочную конструкцию. — *Е.В.*): *В последние годы Россия занимается реализацией* + [1. *развивать экономику*] + [2. *усилить социальное равноправие*] + [3. *всеми силами продвигать развитие инноваций*] + ***стратегии экономической модернизации***.

При переводе на русский язык появляется сложноподчинённое предложение с придаточным определительным и однородными членами, тогда как в китайском оригинале переводчик сталкивается с особой инкорпорированной структурой. В китайском тексте между предикатом *заниматься реализацией* и его объектом, который выражен словосочетанием *стратегии экономической модернизации*, помещены в качестве определения к объекту целых три предикативных словосочетания, а именно: 1) *развивать национальную экономику*, 2) *усилить общественную справедливость*, 3) *повсеместно развивать инновации* (в русском варианте перевода они преобразованы в номинативные словосочетания). Подобные предикативные словосочетания в качестве определения к объекту усложняют текст выступления, удлиняют его, что, в свою очередь, затрудняет выполнение быстрого устного перевода на русский язык и требует от переводчика умения проводить ряд определённых трансформаций.

Приведём следующий пример:

我们组织已成为不同国家间深化睦邻友好合作、推动共同发展繁荣、维护地区和平稳定、开展多样文明对话的真正典范 / *Наша организация по праву является ярким примером углубления добрососедства, дружбы и сотрудничества различных стран, содействия общему развитию и процветанию, обеспечения регионального мира и стабильности и развития межцивилизационного диалога* [Чэн Гопин, 2012].

Запись текста сообщения с соблюдением линейно-синтагматической структуры оригинала: *Наша организация уже стала* + [1. *различные страны углубляют добрососедство, дружбу и сотрудничество*] + + [2. *содействовать общему развитию и процветанию*] + [3. *обеспечивать региональный мир и стабильность*] + [4. *развивать межцивилизационный диалог*] + ***ярким примером***.

В данном примере в качестве инкорпорированной структуры наряду с предикативными словосочетаниями используется и целое предложение с полной субъектно-предикативной основой и несколькими объектами (оно выделено квадратными скобками и стоит под первым номером). При переводе на русский язык для подобных развёрнутых предикативных структур часто используется приём номинализации, в результате чего в русском варианте текста появляются номинативные словосочетания. Основная переводче-

ская трудность заключается в рамочном характере базового предложения: ожидание главного объекта (*яркий пример*), находящегося в конце всего предложения, «помогает» забыть все перечисленные перед ним пропозиции. Можно предположить, что в таких случаях помогает приём прогнозирования по контексту (как, например, здесь по глаголу *стать, являться*). Но даже в подобных выступлениях, где много говорится *о процветании и светлом будущем*, не всегда *становятся* именно *ярким примером*.

Особую трудность для устного переводчика также представляют развёрнутые предложно-объектные структуры, которые выносятся в препозицию к основной предикативной группе. Подобные комплексы оформляются с помощью одного из предложных слов типа 对, 为, 就, 向 и развёрнутого актанта, который может быть представлен как рядом инкорпорированных предикативных словосочетаний, так и несколькими отдельными предложениями. Ниже в качестве иллюстрации приводится интересный пример, где подобные препозиционные структуры в китайском оригинале являются не чем иным, как вопросительными предложениями:

科学发展观对新形势下实现什么样的发展、怎样发展等重大问题作出了新的科学回答 / *Научная концепция развития дала новый научный ответ на такие важнейшие вопросы, как: какое именно развитие нужно в условиях новой ситуации и каким образом его осуществлять* [Ху Цзиньтао, 2012].

Запись текста сообщения с соблюдением линейно-синтагматической структуры оригинала: *Научная концепция развития* 对 (предложное слово со значением *для, по отношению*) + [1. *В новых условиях какое нужно развитие?*] + [2. *Каким образом осуществлять развитие?*] + **другие важные вопросы** + *дала новый научный ответ*.

В вышеприведённом примере словосочетание *важные вопросы* имеет в качестве определяющей его пропозиции ряд вопросительных предложений, и весь этот сложный актантный комплекс ставится в препозицию к предикату базового предложения с его прямым объектом (*давать научный ответ*). Для китайского языка подобное логико-синтаксическое развёртывание является нормой, но при переводе на русский язык такой порядок следования частей оставить невозможно; русский язык требует другого актуального членения предложения, в результате которого субъектно-предикативная основа базового предложения будет стоять в начале, а за ней последуют все актанты. Соответственно, должны быть найдены наиболее подходящие переводческие решения.

Особого внимания в связи с явлением инкорпорации заслуживают и сложные сирконстантные комплексы, которые, занимая в предложении позиции обстоятельств времени, места, образа

действия, в текстах политических выступлений нередко представлены как очень развёрнутые структуры. Приведём пример:

中国共产党在国内外形势十分复杂、世界社会主义出现严重曲折的严峻考验面前捍卫了中国特色社会主义 / *Руководящий коллектив партии выдержал суровые испытания перед лицом чрезвычайно сложной внутренней и международной обстановки, серьёзных зигзагов мирового социализма и отстоял социализм с китайской спецификой* [Ху Цзиньтао, 2012].

Запись текста сообщения с соблюдением линейно-синтагматической структуры оригинала: *Руководящий коллектив партии 在 / в, перед + [1. внутренняя и международная обстановка чрезвычайно сложная] + [2. мировой социализм показывает серьёзные зигзаги и суровые испытания] + 面前 / лицом + отстоял социализм с китайской спецификой.*

В вышеприведённом примере внутри рамочной обстоятельной конструкции *перед... лицом* (在... 面前) помещаются сразу два предложения, причём разноплановых. Первое предложение оформлено с помощью качественного предиката, а во втором предикат является деятельным. В каждом есть своя полностью выраженная субъектно-предикативная основа, а во втором предложении она расширена ещё за счёт однородных дополнений. При переводе приходится делать преобразование всего отрывка выступления, чтобы соответствовать нормам логико-синтаксического развёртывания текста на русском языке.

Имплицитные логико-семантические связи

В текстах официальных выступлений часто логические отношения между частями высказывания никак не обозначены, примером чего является имплицитный характер сложноподчинённых и сложносочинённых связей внутри сложного предложения. Переводчику не раз предстоит «вовремя обнаружить» ничем не выраженные в поверхностной структуре текста смысловые сочинительные, определительные, причинно-следственные отношения и при переводе на русский язык дополнить недостающими средствами выражения. В таких случаях в русском переводе появляются деепричастные и причастные обороты, добавляются маркеры связи (союзы, союзные слова, вводные слова и предложения).

Здесь важно отметить, что в китайском языке маркеры связи как таковые есть и встречаются довольно часто. Их экспликация на уровне поверхностных структур обуславливается семантическими и прагматическими факторами, но «[маркеры] эксплицируются не обязательно, а только тогда, когда говорящий считает это суще-

ственным для сообщения» [Тань, 2002]. Что касается китайских ораторов, то им свойственно никак не выражать логические связи между частями высказывания, вследствие чего части достаточно длинного высказывания выглядят как ряд однородных предикативных словосочетаний или равноправных предложений, хотя на самом деле они таковыми не являются.

В связи с подобным явлением при устном, и тем более синхронном, переводе серьёзную трудность представляет расстановка правильных смысловых акцентов, установление логико-синтаксической связи между частями текста выступающего. Переводчику требуется быть особенно внимательным и попытаться по контексту уловить главные и зависимые пропозиционные структуры. Ниже приводится один из наиболее иллюстративных примеров:

九十多年来，我们党紧紧依靠人民，把马克思主义基本原理同中国实际和时代特征结合起来，独立自主走自己的路，历经千辛万苦，付出各种代价，取得革命建设改革伟大胜利，开创和发展了中国特色社会主义，从根本上改变了中国人民和中华民族的前途命运 / *90 с лишним лет наша партия, прочно опираясь на народ и соединяя основные положения марксизма с реалиями Китая и особенностями эпохи, самостоятельно и независимо идёт собственным путём. Она перенесла бесчисленные трудности и понесла различные потери, но добилась великих побед в революции, строительстве и реформах, заложила начала социализма с китайской спецификой и дала ему развитие, а тем самым в корне изменила перспективы и судьбы китайского народа и китайской нации* [Ху Цзиньтао, 2012].

Запись текста сообщения с соблюдением линейно-синтагматической структуры оригинала: 1) *90 с лишним лет наша партия прочно опирается на народ*, 2) *основные положения марксизма с реалиями Китая и особенностями эпохи соединяет*, 3) *самостоятельно и независимо идёт собственным путём*, 4) *перенесла/переносит бесчисленные трудности, понесла различные потери*, 5) *добилась в революции, строительстве и реформах великих побед*, 6) *заложила начала и дала развитие социализму с китайской спецификой*, 7) *в корне изменила китайского народа и китайской нации судьбы и перспективы*.

Предложение на китайском языке выглядит как очень длинное предложение с полной субъектно-предикативной основой, распостранённое за счёт многочисленных однородных предикатов с относящимися к ним объектами. Также в предложении во всех предикативных словосочетаниях, кроме последних двух, отсутствуют видовременные маркеры, и только первое вводное словосочетание *90 с лишним лет* указывает на подразумеваемый временной промежуток. По линейной записи предложения видно, что все предикаты относятся к субъекту *наша партия*, при этом логи-

ческие отношения между ситуациями, называемыми предикатами, никак в языковом плане не обозначены.

В переводном тексте делается попытка обозначить эти логические отношения, требуемые нормами предложения-высказывания на русском языке. Для этого предложение разбивается на два самостоятельных предложения, в каждом из которых выделяется субъектно-предикативная основа: 1) *наша партия идёт*, 2) *она перенесла*. Согласно логическому членению высказывания объектно-предикативные словосочетания *опираться на народ* и *соединять положения с реальями* обозначают образ действия и тем самым в предложении выглядят как деепричастные обороты. В следующем предложении требуется расставить и правильные смысловые акценты, введя подразумеваемые противительные отношения между частями (*понесла потери, но при этом добилась*) и причинно-следственные отношения (*а тем самым сделала то-то*). Также требуется правильно обозначить настоящее и прошедшее время в тех случаях, где в предложении на китайском языке оно подразумевается только контекстно (*идёт, перенесла, понесла, добилась*).

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что китайский язык как язык изолирующего строя налагает на устного, тем более синхронного, переводчика очень высокую, «изолирующую» по сравнению с европейскими языками ответственность.

Важно всегда учитывать, что китайский язык не имеет морфологического оформления актантов и поэтому вся организация семантических валентностей ложится на синтаксические позиции. Линейно-акцентную структуру сообщения, таким образом, никак нельзя нарушить, наблюдается достаточно жёсткое отношение к тому, сколько актантов должно стоять до предиката, а сколько после.

Данный принцип синтаксического оформления высказывания на самом деле вполне усвоим *неносителем* языка и не так уж сложен для устного перевода, если переводчик имеет дело с короткими законченными высказываниями, состоящими из одной-двух предикативных основ. Но, как показывает практический материал, китайские ораторы, особенно если выступление рассчитано на *свою* аудиторию (как, например, съезды компартии КНР), предпочитают развёрнутые сообщения, состоящие далеко не из одной короткой и удобной для перевода пропозиции.

Таким образом, одним из первых камней преткновения для переводчика станет именно то, *как* синтагматически распределяются длинные предикативные комплексы, буквально начинённые всевозможными валентными связями. При синхронном переводе подобное свойство китайского языка приводит к значительным трудностям, так как переводчику требуется достаточное время для

анализа и развёртывания высказывания в совсем иной логической последовательности. Переводчик, понимающий данную специфику звучащего текста на ИЯ, быстрее и правильнее декодирует исходное сообщение на ПЯ.

По меткому замечанию переводчика-профессионала П.Р. Палажченко, нередко письменный текст является «спасательным кругом» для переводчика [Палажченко, 1981, с. 89]. Для синхрониста, работающего в комбинации с китайским и русским языками, такой текст, учитывая особенности именно китайского языка как языка изолирующего строя, стал бы действительно большим подспорьем. Но при его отсутствии успешному осуществлению процесса перевода может помочь и знание особенностей логико-синтаксической структуры текста высказывания. Поэтому одной из насущных задач представляется разработка комплекса предпереводческих и переводческих упражнений с учётом особенностей логико-синтаксической структуры китайского языка, таких как упражнения на развёртывание логической цепочки, на интуицию и прогнозирование, на экспликацию и свёртывание и ряд других.

Список литературы

- Виссон Л.* Практикум по синхронному переводу с русского языка на английский / Линн Виссон. М.: Р. Валент, 2002.
- Visson, L.* Practicum on simultaneous interpretation from Russian into English / Lynn Visson. M.: R. Valent, 2002 (in Russian).
- Иванов А.И., Поливанов Е.Д.* Грамматика современного китайского языка / А.И. Иванов, Е.Д. Поливанов. М.: Едиториал УРСС, 2003.
- Ivanov, A.I., Polivanov, E.D.* Modern Chinese Grammar / A.I. Ivanov, E.D. Polivanov. M.: Editorial URSS, 2003 (in Russian).
- Ли Кэцян.* Выступление в МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс] / Кэцян Ли, 2012. — Режим доступа: http://www.gov.cn/ldhd/2012-04/30/content_2126712.htm
- Li Kejiang.* Speech at Lomonosov Moscow State University [Electronic version] / Kejiang Li, 2012. — URL: http://www.gov.cn/ldhd/2012-04/30/content_2126712.htm
- Палажченко П.Р.* О предварительной обработке текста синхронным переводчиком // Тетради переводчика. Вып. 18. М.: Высшая школа, 1981.
- Palazhchenko, P.R.* About preliminary text processing by a simultaneous interpreter // Interpreter's Notes. Issue 18. M.: High School, 1981 (in Russian).
- Тань Аошун.* Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка) / Аошун Тань. М.: Языки славянских культур, 2002.
- Tan Aoshuang.* Problems of Concealed Grammar: Syntax, Semantics and Pragmatics of an Isolating Language Type (Using Chinese as an Example) / Aoshuang Tan. M.: Languages of Slavic Cultures, 2002 (in Russian).

- Ху Цзиньтао*. Доклад на 18-м съезде КПК [Электронный ресурс] / Цзиньтао Ху, 2012. — Режим доступа: <http://politics.people.com.cn/n/2012/1118/c1001-19612670.html>; <http://russian.people.com.cn/31521/8023881.html>
- Ну Цзинтао*. Report at 18th meeting of CPC [Electronic version] / Jintao Hu, 2012. — URL: <http://politics.people.com.cn/n/2012/1118/c1001-19612670.html>; <http://russian.people.com.cn/31521/8023881.html>
- Чэн Гопин*. Выступление на Ланьгинском форуме [Электронный ресурс] / Гопин Чэн, 2012. — Режим доступа: <http://www.fmprc.gov.cn/ce/ceat/chn/zgyw/t936154.htm>
- Cheng Guoping*. Speech at Lanting forum [Electronic version] / Guoping Cheng, 2012. — URL: <http://www.fmprc.gov.cn/ce/ceat/chn/zgyw/t936154.html>

Е.С. Лаврентьева,

аспирантка Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени
М.В. Ломоносова; e-mail: katerinken@mail.ru

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В ПОЛИВЕКТОРНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются возможности стратегий форенизации и доместикации для сохранения в переводе воздействующего потенциала метафорических моделей. На основе материалов британского издания *The Economist* методом сплошной выборки выявлены наиболее характерные виды метафор (физиологическая, зооморфная, криминальная, военная, игровая, театральная и др.), формирующие концептуальную систему адресата речевого воздействия. Особо акцентируются функции метафор и их роль в создании сообщений с установкой на легитимацию действий адресанта послания путём использования базовой оппозиции политического дискурса «свой—чужие». В статье получают освещение переводческие трудности, связанные с поиском способов передачи значения языковых средств, ориентированных на речевое воздействие.

Ключевые слова: дискурс, доместикация, метафора, политический дискурс, речевое воздействие, форенизация.

Yekaterina S. Lavrentyeva,

Postgraduate student at the Higher School of Translation and Interpretation,
Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: katerinken@mail.ru

TRANSLATING METAPHORICAL MODELS IN HYBRID DISCOURSE

The article examines capabilities of foreignization and domestication as translation strategies to preserve the persuasive potential of metaphorical models in the target text. The data for study comprise articles from *The Economist* where the author, using the methods of continuous sampling, detected the most frequently used types of metaphors (physiological, zoomorphic, criminal, military, ludic, theatrical, etc.) that form the addressee's conceptual system. The author places a special emphasis on the functions of metaphors and their role in the creation of messages aimed at bringing legitimacy to the addresser's actions through the use of the basic opposition of self/other in political discourse. The article highlights a number of issues related to translation of language means designed to convey language persuasion.

Key words: discourse, domestication, foreignization, language persuasion, metaphor, political discourse.

Перевод метафор представляет собой одну из важнейших переводческих задач в силу того, что метафоры активно используются для построения политических и экономических идеологий, так

как в качестве концептов представляют собой способ постижения одной вещи в терминах другой. Метафоры также играют значимую роль в структурировании наших ощущений, поведения и взаимоотношений с другими людьми. Роль концептуальной системы сложно переоценить, ведь она становится основой не только для мышления и деятельности, но и для коммуникации. С помощью метафор творится новая реальность при их включении в ту понятийную систему, на которой основывается наша деятельность. Это приводит как к изменению самой системы, так и к видоизменению порождаемых ею представлений и действий¹. Под метафорой мы понимаем сравнение, основывающееся на скрытом сходстве двух предметов/явлений, «способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [Будаев, 2007, с. 30].

Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают способность метафор частично структурировать объект реальности, в результате чего одни черты описываемого феномена высвечиваются, а другие — затемняются: «Столкнувшись с энергетическим кризисом, президент Картер выдвинул понятие “морального эквивалента войны”. Метафора ВОЙНЫ породила сеть следствий. На свет появились “враг”, “угроза национальной безопасности”, что потребовало “определения целей”, “пересмотра приоритетов”, “установления нового порядка подчинённости”, “выдвижения новой стратегии”, “сбора разведанных”, “сосредоточения войск”, “наложения санкций”, “призывов идти на жертвы” и т.д. Метафора ВОЙНЫ высвечивала одни реалии и скрывала другие. Метафора была не просто способом видения действительности; она узаконивала решение на изменение политического курса, а также на соответствующие политические и экономические действия» [Лакофф, Джонсон, 2008, с. 184].

Для достижения целей нашего исследования важно понимать дискурс и в качестве целостного речевого произведения, направленного на реализацию определённого коммуникативного задания, и как процесс взаимодействия людей, отражающий особенности речевого поведения коммуникантов (социальные, этнокультурные, языковые). В русле данного подхода понятие «дискурс» трактует В.И. Карасик: «интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и

---

¹ Например, западное влияние на мировые культуры частично объясняется внесением в них метафоры «время — это деньги» [Лакофф, Джонсон, 2008, с. 175].

их вербальных и невербальных воплощений в практике общения» [Карасик, 2011, с. 5]. Под *поливекторностью* дискурса мы понимаем смешение в одном дискурсе черт различных функционально-стилистических жанров, разную направленность векторов воздействия. Данному определению соответствуют политический, рекламный и религиозный типы дискурса, которые вышли за рамки своего жанра, что позволяет некоторым исследователям объединять связи с общественностью, политическую и коммерческую рекламу в единый функциональный стиль [Медведева, 2008], говорить о «политической проповеди» [Хазагеров, 2002] и т.д. Политический, рекламный и религиозный дискурс также объединяет установка на внушение. Рассматриваемые в нашем исследовании тексты входят в категорию «поливекторных» и, как следствие, при переводе требуют учёта реализуемых функций речевого воздействия. При рассмотрении политического языка мы придерживаемся идеи Д. Грейбер о том, что именно общение политических агентов на политические темы с преследованием политических целей формирует политический дискурс [Graber, 1981, p. 196]. Метафорические модели являются важным языковым элементом, призванным выполнять целый ряд функций.

Помимо когнитивной функции метафор следует учитывать прагматическую (оказание воздействия на адресата путём формирования необходимого адресанту мировосприятия и эмоционального состояния), изобразительную (создание экспрессии) и эвфемистическую (имплицитная передача информации) функции. Инструментальная и моделирующая функции метафор осуществляют познавательные процессы и формируют целостное представление о мире, о связи отдельных событий и явлений, что приводит к активному использованию метафор политическими игроками для создания и трансляции собственного видения происходящего. Экспрессивно-оценочная функция метафор позволяет давать яркую характеристику лица, «приговор, но не судебный» [Арутюнова, 1990, с. 8].

Обеспечить сохранение перлокутивного эффекта оригинального текста при переводе позволяют стратегии форенизации и доместикации. В лекции «О разных методах перевода» Ф. Шлейермахер обозначил ориентиры для переводческой деятельности, указав на антиномию доместикации—форенизации, которая сохраняет актуальность и на сегодняшний день. Так, в зависимости от своей целевой установки переводчик может стремиться к сохранению лингвостилистического своеобразия подлинника (путь остранения, или форенизации) или, напротив, стараться сгладить те этноспе-

цифические особенности, которые, по его мнению, не будут приняты читателями перевода (путь освоения, или доместикации).

Невзирая на универсальность многих метафор, переводчику неизменно приходится сталкиваться с разницей концептуальных систем и объёмов отдельных концептов. В ситуации переводческого выбора приходится либо идти по пути форенизации, привнося иностранную реалию в язык перевода посредством её калькирования, транслитерации или транскрибирования, либо искать в языке перевода наиболее близкий аналог иностранной реалии, следуя стратегии доместикации.

По итогам анализа обширного материала А.П. Чудинов приходит к выводу, что для политического дискурса наиболее распространёнными оказываются метафорические модели с концептуальными векторами агрессии и соперничества при резком разграничении «своих» и «чужих» (концептосферы войны, преступного мира и взаимосвязанных тематик игры и спорта), отсылки к разного рода отклонениям от нормы (болезни, извращения). При этом игровая, спортивная и театральная метафоры призваны акцентировать карнавалы характер происходящих событий, указывать на «общество спектакля» [Чудинов, 2001, с. 130–131]. Данное обстоятельство позволяет заключить, что метафорические модели реализуют базовую оппозицию «свой—чужие» в целях легитимации действий адресанта послания, используя свой экспрессивный потенциал для воздействия на сознание аудитории. Тематическое единообразие в рамках поливекторного политического дискурса предполагает наличие переводческих трудностей, вызванных не столько отсутствием тех или иных реалий в языке перевода, сколько разницей в способах описания ситуации и варьированием объёма понятия в разных языках.

Материалом для исследования послужили статьи британского журнала новостной направленности *The Economist* в период с ноября 2013 по октябрь 2014 г. Статьи журнала написаны с позиций классического либерализма. Из 40 номеров журнала, вышедших за указанный период, были выбраны 12 номеров, где предлагалось подробное освещение украинского вопроса. Объём выборки составил 19 статей (28 с.). Общее число зафиксированных метафор было проанализировано с точки зрения тематической направленности. По результатам проведённого исследования становится ясно, что наиболее частотными для англоязычного политического дискурса журнала *The Economist* являются театральная, игровая и криминальная метафоры.

Вид метафор	Соотношение
Криминальная	21 (14%)
Военная	10 (6%)
Игровая	18 (12%)
Театральная	32 (21%)
Метафора инструмента	9 (6%)
Зооморфная	13 (8%)
Физиологическая	11 (7%)
Метафора огня	16 (10%)
Прочее	16%
<i>Общее число метафор</i>	146

В рамках осуществления базовой оппозиции политического дискурса «свой—чужие» адресант послания, представляющий коллективного автора под наименованием «the West» («Запад»), оценочно характеризует антагониста (В. Янукович и сформированное им правительство, Р. Ахметов, В. Путин и его правительство, ополченцы) с помощью построения метафорических моделей, в которых актуализируются следующие фреймы: зооморфная метафора (акцентирование фрейма «действия животных» слота «агрессивные действия»), криминальная (акцентирование фреймов «преступник», «преступные сообщества»), театральная метафора (фрейм «представление», «люди театра», «театральное здание и театральный реквизит»). Действия антагониста описываются при помощи метафоры инструмента. Протагонисты (жители стран Европейского союза и жители Украины) характеризуются как жертвы: жертвы хищника (зооморфная метафора), жертвы «террористов», «похитителей», злоумышленников (криминальная метафора), обманутые зрители (театральная метафора). Военная метафора используется для характеристики противостояния с антагонистом. Рассмотренные метафоры представляют собой средства речевого воздействия, направленные на дискредитацию бывшего президента Украины В. Януковича, легитимацию произошедшего государственного переворота и создание образа «врага», представленного президентом РФ В. Путиным и ополченцами.

Использование метафор стихийных бедствий осуществляет отсылку к произошедшим событиям (государственный переворот и,

как следствие, напряжённость политической и экономической ситуации на Украине). Сравнительно редко употребляются другие виды метафор: морбиальная метафора призвана характеризовать нестабильное положение Украины после государственного переворота, метафора дома и фитоморфная метафора также призваны описывать реалии внутри страны, хотя в редких случаях также характеризуют действия антагониста.

Криминальная метафора представлена образами преступников, похищающих людей с целью выкупа (*kidnappers*): «Kidnapped by the Kremlin. As you read this, 46m people are being held hostage in Ukraine / Похищенные Кремлём. Пока вы это читаете, 46 миллионов людей держат в заложниках на Украине» [March 8–14, 2014, p. 11]. Описание речевой ситуации компенсирует отсутствие реалии «*kidnappers*» в языке перевода. Также не возникает трудностей с передачей явления «*gangsterism*» в силу наличия в русском языке соответствующего аналога: «It is past time for the West to stand up to this gangsterism / Западу давно пора дать отпор этому бандитизму» [February 22–28, 2014, p. 7]. Выпад в сторону В. Януковича (In 2004 he tried to steal the presidential election — досл.: «пытался украсть президентские выборы») при переводе теряет яркость инкриминированного обвинения в силу неизбежности ситуативного перевода: «В 2004 году он попытался сфальсифицировать президентские выборы» [*ibid.*, p. 19]. В. Янукович также обвиняется в следующих «преступлениях»: в попытке «украсть их (украинцев) мечту» (*stealing their dream*) и «похитить европейское будущее Украины» (*Viktor Yanukovich is hijacking Ukrainians' European future*) [November 30 — December 6, 2013, p. 24]. Примечательно, что лексема «*hijack*» трактуется как незаконный захват самолёта при помощи насилия или угроз (1) и захват контроля над организацией или взятие под контроль какой-либо деятельности в собственных интересах (2). Выбирая вариант перевода, следует остановиться на предложенном первом значении в силу соседства, доходящего до синонимии, в заключительной фразе статьи: «...Ukrainians who feel that their future has been hijacked and their dream stolen» (досл.: «...украинцы, которые чувствуют, что их будущее похитили, а мечту украли») [*ibid.*]. Акцентирование значения «похищение» по сравнению с «захватом» или «угоном» более предпочтительно, так как реалия «*hijack*» отсутствует в языке перевода. Метафорическое осмысление ситуации как преступного вмешательства наиболее ярко прослеживается при выделении лексем, относящихся к семантическому полю «наказание» (например, «*punishment*», «*impunity*» и др.).

Целью театральной метафоры становится представление ситуации в качестве политического спектакля, направленного на мани-

пулирование сознанием зрителей. Антагонист характеризуется как «режиссёр», «кукловод», а его подручные оказываются «актёрами» и «марионетками». Театральная метафора пронизывает и российский политический дискурс, поэтому для передачи референтной ситуации находятся полные и частичные соответствия: «It was billed as a history play, but turned into a Ukrainian-style farce. Viktor Yanukovich, the president, who had tried to rig elections in 2004, this time played the part of a statesman on an historic mission. The performance was to culminate on November 29th with the signing of an association agreement between Ukraine and European Union leaders. The role appeared too much for Mr Yanukovich: a week before the summit, he rewrote the script / Заявленная историческая пьеса превратилась в фарс в украинском стиле. Президент Виктор Янукович, который пытался в 2004 году подтасовать результаты выборов, на этот раз играл роль государственного деятеля, выполняющего историческую задачу. Кульминацией представления должно было стать подписание 29 ноября договора об ассоциации. Однако роль оказалась непосильной для Виктора Януковича: за неделю до саммита он переписал сценарий» [November 30 — December 6, 2013, p. 24]; «He has staged a referendum and annexation / Он инсценировал референдум и аннексию» [April 19–25, 2014, p. 7]; «The fighting in Ukraine (...) provides a sombre back-drop to the NATO summit in Wales / Столкновения на Украине служат мрачными декорациями для саммита НАТО в Уэльсе» [August 30 — September 5, 2014, p. 11]; «The pro-Russian politicians (...) would not be able to control the region even if Moscow were to move in and install them as puppets / Пророссийски настроенные политики не смогли бы контролировать регион, даже если Москва вмешалась бы и поставила их своими марионетками» [March 22–28, 2014, p. 20]; «...that would allow him to pull strings from behind the stage / ...позволили бы ему стоять за сценой и дёргать за ниточки» [ibid., p. 22].

Частичные соответствия встречаются в случае несовпадения сочетаний, призванных описывать референтную ситуацию. В частности, английскому «orchestration» (досл.: «оркестровка», «аранжировка») и «choreography» (досл.: «хореография», «постановка танца») согласно нормам узуса русского языка соответствует «режиссура»: «...it was not part of a mass movement, more a bit of street theatre, carefully choreographed for the cameras / ...это была не часть массового движения, а нечто вроде уличного театра, действие которого было тщательно срежиссировано для камер / на публику» [ibid., p. 20]; «Russia's orchestration of the civil war in East Ukraine... / Режиссура Россией гражданской войны на Восточной Украине...» [August 30 — September 5, 2014, p. 11]. В некоторых случаях целесо-

образно прибегать к расширению значения, перенося акцент с субъекта действия на окружение субъекта: «Tired of Ukraine's soap-opera politics and the squabbles within its ruling team, the West greeted the arrival of Mr Yanukovich with some relief / Устав от украинской политики в стиле мыльной оперы (досл.: «украинских политиков мыльной оперы») и склон в правящей команде, Запад встретил с облегчением приход В. Януковича к власти» [February 22–28, 2014, p. 19]. При отсутствии в языке перевода эквивалентного соответствия, передающего семантическое наполнение оригинального сочетания, приходится выбирать аналог из иной концептуальной сферы или другое сочетание со сходным семантическим значением: «To raise the temperature Mr Yanukovich provoked them with draconian laws, apparently copied from Russia's play-book... / Чтобы накалить обстановку, В. Янукович усилил протестные настроения введением драконовых мер, судя по всему скопированных в соответствии с российским сценарием / из российской книги рецептов (досл.: «книги пьес»)» [ibid., p. 20].

Игровая метафора представляет происходящее противостояние в образах игры в карты и игры в шахматы. В большинстве случаев в русском языке находятся подходящие эквивалентные соответствия в силу универсальности описываемых реалий: «...this is playing into the hands of Mr Putin / ...это играет на руку Путину» [May 17–23, 2014, p. 36]; «...he may be prepared to up the ante again / ...он может оказаться готов вновь поднять ставку» [August 9–15, 2014, p. 29]; «But the West has other cards to play / Но у Запада на руках есть и другие карты» [April 19–25, 2014, p. 7]; «...a stalemate offers him endless opportunities to sow more chaos / ...патовая ситуация предоставляет ему бесконечные возможности, чтобы сеять ещё больше хаоса» [September 6–12, 2014, p. 21]. В приведённых примерах антагонист рассматривается в качестве соперника по игре, готового идти на риск ради победы. Отрицательная характеристика В. Януковича и сформированного им правительства даётся следующим образом: «He halted the talks with the EU, and turned to Russia instead, sparking mass protests from Ukrainians who feel their future is being gambled away / Он приостановил переговоры с ЕС и повернулся лицом к России, заронив искру массовых протестов со стороны украинцев, которые почувствовали, что их будущее просаживают в карты» [November 30 — December 6, 2013, p. 24]. Предпочтение словосочетания с резко негативной коннотацией «просаживать в карты» вместо нейтрального «проигрывать в карты» объясняется контекстуальным оформлением фрагмента и учётом авторской интенции (дискредитация оппонента). В тех случаях, когда речь идёт о переводе устойчивого для английского языка

словосочетания с людической семантикой, приходится прибегать к опущению из-за отсутствия в языке перевода сочетания со сходным семантическим наполнением: «Thankfully, appeasement of Mr Putin is no longer on the cards / К счастью, умиротворение Путина больше не обсуждается (досл.: “больше не на картах”)» [August 30 — September 5, 2014, p. 11].

В концептуальное поле зооморфной метафоры входят и фразеологизмы, которые не всегда находят эквивалентный перевод. Если выражению «he twists like a weasel» [February 22–28, 2014, p. 7] нетрудно найти аналог — «изворотлив как уж», то частотное для английского политического дискурса сочетание «lame duck» [February 1–7, 2014, p. 28; May 17–23, 2014, p. 36] приходится описательно переводить как «провалившийся кандидат», «несостоявшийся политик». При переводе на русский язык передаётся без видимых затруднений метафорическое осмысление Рады как «гнезда» и «кормушки» для любителей наживы: «...but the Rada is a nest of crooks and placemen / ...но Рада — это гнездо аферистов и ставленников» [March 1–7, 2014, p. 9]; «A less visible battle has been going on between various Ukrainian oligarchs and the members of Mr Yanukovich's extended family who took their place at the trough / досл.: Менее заметная борьба происходила между украинскими олигархами и членами большой семьи Януковича, которые занимали свои места у кормушки» [ibid., p. 22]. Однако встречаются случаи, когда приходится при переводе заменять само действие указанием на объект действия: «Ukraine's current generations of leaders (...) seem to regard government jobs and policies as assets to be milked (milk — досл.: “доить”) / Нынешнее поколение украинских лидеров (...), судя по всему, смотрит на методы ведения политики и места в правительстве как на дойную корову» [November 30 — December 6, 2013, p. 11] — или приводить описательный перевод: «...and the new president should be untainted by the score-settling and nest-feathering (nest-feather — досл.: “использовать перья для строительства гнезда”) / ...и новый президент не должен быть запятнан сведением счётов и получением денег незаконным путём» [March 1–7, 2014, p. 9]. Создание образа хищника для характеристики действий и поведения антагониста является ярким способом дискредитации оппонента. В частности, журналист может предложить аудитории концентрированный образ правительства России в облики агрессивного «русского медведя»: «The cost of stopping the Russian bear now is high (...) First he mauled Georgia, then he gobbled up Crimea... / Попытки дать сейчас отпор русскому медведю обойдутся дорого (...) Сначала он растерзал Грузию, затем проглотил Крым...» [April 19–25, 2014, p. 7].

Военная метафора призвана описывать противостояние антагониста и протагониста. Соперничество за влияние осмысляется как «борьба», где случаются «поражения» и «победы»: «Why, despite the appearance of defeat, Europe might have won the battle of Ukraine; ...if the Europeans stick to their guns / Почему, невзирая на видимость поражения, Европа, возможно, одержала верх в битве за Украину; ...если европейцы будут стойко обороняться» [November 30 — December 6, 2013, p. 11]. Воинственный настрой антагониста выражается следующим образом: «This week he rattled his sabre at Kazakhstan / На этой неделе он бряцал оружием в Казахстане» [September 6—12, 2014, p. 13]. Представление соперничества как войны в большой степени характерно и для российского политического дискурса, поэтому не составляет труда найти эквивалентное соответствие «бряцать оружием» для передачи устойчивого выражения «rattle one's sabre» (досл. «гремять саблей»).

Метафора инструмента применялась для характеристики антагониста в качестве обладателя инструментов и рычагов воздействия на сложившуюся ситуацию: «...he may use it as a lever to ratchet up pressure on whoever holds power in Kiev / ...он может использовать это как рычаг для усиления давления на любого, кто придёт к власти в Киеве» [March 1—7, 2014, p. 23]; «...breakaway territories that can serve as instruments against Kiev (...) It (Moscow) has a mechanism to influence Ukrainian politics / ...отколовшиеся территории, которые могут стать инструментом, нацеленным против Киева (...) У Москвы есть механизмы для влияния на украинскую политику» [September 13—19, 2014, p. 32]. При переводе лексем «instruments» и «mechanism» необходимо помнить о нормах узуса в языке перевода, требующих распространения высказывания и/или изменения числа имени существительного. Дискредитация оппонента достигается посредством употребления словесного ярлыка, негативно характеризующего антагониста: «But its (of the civil war) ultimate architect sits in the Kremlin / досл.: Но настоящий архитектор (гражданской войны) сидит в Кремле» [February 22—28, 2014, p. 7].

Высокий объяснительный потенциал метафоры огня использовался для описания обстановки на Украине при помощи лексем «explode», «implode», «ignite», «spark», «flare». Сущность антагониста воплотилась в образе поджигателя: «Mr Putin may not have lit the match this week but he assembled the pyre / Путин, возможно, и не поднёс к огню спичку на этой неделе, но именно он соорудил костёр» [February 22—28, 2014, p. 7]. При переводе стоит учитывать случаи перекрёстных метафорических значений: «...a bigger upsurge in violence could easily reignite the entire conflict / ...ещё больший рост насилия может легко воспламенить весь конфликт» [September 13—19,

2014, p. 32]. Значение лексемы «upsurge» выражает и «повышение уровня воды», однако этим нюансом значения приходится пренебречь, чтобы избежать абсурдного сочетания «всплеск насилия может легко воспламенить весь конфликт».

Физиологическая метафора приводилась в проанализированных статьях для описания самой Украины: «It was the birth of a Ukraine (...) a nation-state with its own identity — a nation that has outgrown its old politicians, but has yet to find a responsible elite to replace them / Это было рождение Украины (...) самобытного национального государства, которое переросло своих прежних политиков, но ещё не нашло ответственную элиту им на замену» [March 22–28, 2014, p. 19]. Характеристика антагониста давалась косвенным путём — через поведение протагонистов: «Holding their noses, European Union leaders negotiated with Mr Yanukovich over an association and free-trade agreement / Зажимая носы, главы ЕС вели переговоры с Януковичем об ассоциации и соглашении о свободной торговле» [February 22–28, 2014, p. 19].

Достаточно частотны апелляции к фитоморфной метафоре, представляющей антагонистов в качестве «сеятелей раздора»: «The seeds of the current crisis were planted by Mr Yanukovich / Семена текущего кризиса посеял Янукович» [ibid., p. 19]; «...he has sown fear / ...он посеял страх» [September 6–12, 2014, p. 13]; «...offers him endless opportunities to sow more chaos / ...предоставляет ему бесконечные возможности, чтобы сеять ещё больше хаоса» [ibid., p. 21].

Невзирая на универсальность некоторых метафорических систем, переводчик сталкивается с трудностями при попытке передать реалии, отсутствующие в языке перевода. Следует отметить, что путь доместикации оказывается более предпочтительным, так как позволяет сохранить перлокутивный эффект оригинала благодаря опоре на привычные для аудитории метафорические сочетания. Прагматическая адаптация послания, выполненная в соответствии с нормами и узусом русского языка, не нарушает адекватности перевода. В русле данной стратегии при переводе метафорического сочетания без эквивалентных соответствий в русском языке приходится искать аналог в том же концептуальном поле, что и стало источником для порождения оригинальной метафоры; кроме того, в противовес калькированию предпочтение отдаётся описательному переводу. При следовании путём форенизации переводчику приходится сопровождать описание новых реалий поясняющими сносками и примечаниями, что препятствует бесперебойному восприятию текста, формируя ощущение его чуждости. Трудность для перевода составляет сочетание перекрёстных метафорических зна-

чений. Затруднения при выборе подходящего варианта можно разрешить, ориентируясь на контекст и коммуникативную интенцию автора оригинала.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
- Arutjunova, N.D.* Metafora i diskurs [Metaphor and discourse] // Teorija metafory: Sbornik: Per. s angl., fr., nem., isp., pol'sk. jaz. / Vstup. st. i sost. N.D. Arutjunovoj; obshch. red. N.D. Arutjunovoj i M.A. Zhurinskoj. M.: Progress, 1990. 512 s. (in Russian).
- Будаев Э.В.* Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. Вып. 1. Екатеринбург, 2007. С. 16–32.
- Budaev, Je.V.* Stanovlenie kognitivnoj teorii metafory [The establishment of cognitive theory of metaphor] // Lingvokul'turologija. Vyp. 1. Ekaterinburg, 2007. S. 16–32 (in Russian).
- Карасик В.И.* Эмблематика самопрезентации в рекламном дискурсе // Рекламный дискурс и рекламный текст: Коллективная монография. М.: ФЛИНТА, Наука, 2011. 296 с.
- Karasik, V.I.* Jemblematika samoprezentacii v reklamnom diskurse [Emblems of self-presentation in advertising discourse] // Reklamnyi diskurs i reklamnyi tekst: Kollektivnaja monografija. M.: FLINTA, Nauka, 2011. 296 s. (in Russian).
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живём. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.
- Lakoff, Dzh., Dzhonson, M.* Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. 256 s. (in Russian).
- Медведева Е.В.* Рекламная коммуникация. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 280 с.
- Medvedeva, E.V.* Reklamnaja kommunikacija [Advertising communication]. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. 280 s. (in Russian).
- Хазазеров Г.Г.* Политическая риторика. М.: Никколо-Медиа, 2002. 313 с.
- Hazagerov, G.G.* Politicheskaja ritorika [Political rhetoric]. M.: Nikkolo-Media, 2002. 313 s. (in Russian).
- Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. 238 с.
- Chudinov, A.P.* Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory [Russia in the mirror of metaphor: Cognitive study of political metaphor] (1991–2000): Monografija / Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2001. 238 s. (in Russian).
- Шлейермахер Ф.* О разных методах перевода [Электронный ресурс] / Ф. Шлейермахер. — Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/Schleiermacher.doc> (23.11.2015). 20 с.

Shlejermaher, F. O raznyh metodah perevoda [On the different methods of translating] [Jelektronnyj resurs] / F. Shlejermaher. — Rezhim dostupa: <http://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/Schleiermacher.doc> (23.11.2015). 20 s. (in Russian).

Graber, D. Political languages // Handbook of Political Communication. L.: Sage Publications, 1981. P. 195–224.

Источники

Economist. No. 8864, November 30th — December 6th 2013.

Economist. No. 8872, February 1st–7th 2014.

Economist. No. 8875, February 22nd–28th 2014.

Economist. No. 8876, March 1st–7th 2014.

Economist. No. 8877, March 8th–14th 2014.

Economist. No. 8879, March 22nd–28th 2014.

Economist. No. 8883, April 19th–25th 2014.

Economist. No. 8887, May 17th–23rd 2014.

Economist. No. 8899, August 9th–15th 2014.

Economist. No. 8902, August 30th — September 5th 2014.

Economist. No. 8903, September 6th–12th 2014.

Economist. No. 8904, September 13th–19th 2014.

М.А. Тарасова,

кандидат филологических наук, сотрудник Института языкознания РАН;
e-mail: masha.tarasova@mail.ru

**ПОТЕНЦИАЛЬНОСТЬ КАК ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ЧЕРТА
ЯЗЫКА ПЕРЕВОДНОЙ ПОЭЗИИ
(на материале русских переводов современных
англоязычных поэтических текстов)***

В статье рассматриваются потенциальные словообразовательные и грамматические явления, возникающие в русских переводах современных англоязычных поэтических текстов. Выявляется, что перевод поэзии в концентрированном виде отражает потенциальность принимающего языка. В статье последовательно обосновывается, что язык переводных поэтических текстов наиболее явно отражает потенциальность языковой системы, а также может выступать свидетельством активных процессов в общенациональном языке. Данные особенности определяют специфику перевода поэзии как особого типа межъязыкового взаимодействия.

Ключевые слова: перевод, современная англоязычная поэзия, потенциальность, межъязыковое взаимодействие.

Maria A. Tarasova,

Cand. Sc. (Philology), Fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; e-mail: masha.tarasova@mail.ru

**POTENTIALITY AS A TYPOLOGICAL FEATURE
OF TRANSLATED POETRY: A CASE STUDY
OF RUSSIAN TRANSLATIONS OF CONTEMPORARY
ENGLISH-LANGUAGE POETIC TEXTS**

The article focuses on potential derivative and grammatical phenomena, emerging in Russian translations of contemporary English-language poetic texts. The author came to a conclusion that poetic translation reflects the potentiality of the recipient language in concentrated form. It has been stated and proved that the language of poetic translations reflects the potentiality of a language system most evidently, and can witness active processes in a national language. These features determine the peculiarity of translation as a special type of cross-language interaction.

Key words: translation, contemporary English-language poetry, potentiality, cross-language interaction.

Потенциальность, являясь общей характеристикой системы языка, по-разному реализуется в его подсистемах. Поэтический

---

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

язык как подсистема общенационального языка [Ревзина, 1998] обладает рядом специфических свойств. «В прозе возможности языка “сдерживаются” модусом внеязыкового существования, в стихе модус собственно языкового существования высвобождает раскрытие языковых потенциалов» [там же, с. 22]. При этом «поэзия является той сферой языка, в которой общие тенденции его развития проявляют себя быстрее всего и наиболее явно» [Фатеева, 2006, с. 1]. Именно в языке поэзии потенциальность реализуется в полной мере.

В то же время переводные поэтические тексты, являясь как бы подсистемой внутри языка поэзии, не просто реализуют потенциальные возможности языка, а в концентрированном виде отражают потенциальность языковой системы, так как именно в переводах современных поэтических текстов создаются благоприятные условия для реализации потенциальности принимающего языка. Они определяются следующими факторами:

1) столкновение языков — переводчику требуется передать слово, форму или конструкцию, не свойственную принимающему языку;

2) стремление переводчика передать максимальное количество особенностей оригинала — языковых и формальных (ритм, длина строки и др.);

3) установка на коммуникативный успех — понятность для адресата, вследствие чего переводчик избегает окказиональных форм с высокой степенью аномальности и заимствований;

4) отношение поэта к языку как к системе возможностей.

Рассмотрим пример перевода текста Брайана Коффи, иллюстрирующий высокую концентрацию неузуальных форм в переводном поэтическом тексте:

*floating past like who
unarrested pace on*

*проплывая как те что
несхватчены и спешат*

*to an after stilled in body
from a before body filled*

*в после молчное в теле
из алчного полного тела до*

*Now all dust breeze cries
bird-shadow wheel-slur surge*
(B. Coffey)

*Всё пыль бриз крик
птицетень схлёб колеса взлёт волн*
[Коффи, пер. Н. Скандиаки]

В данном отрывке стихотворения реализуются потенциальные слова и грамматические формы, причём концентрация их высока: в шести стихотворных строчках реализуются 4 потенциальные формы в оригинале и 5 — в переводе.

Количество потенциальных слов и форм в переводе превышает их количество в оригинале, что обусловлено тем, что запущенный

механизм потенцирования проявляется в поиске потенциальных соответствий узуальным словам и формам оригинала. Соответственно, реализуются две модели:

1) *from a before body filled* → *из алчного полного тела до* (модель «потенциальное → потенциальное»);

2) *unarrested pace on* → *несхвачены и спешат* (модель «узуальное → потенциальное»).

В первом примере постпозитивное функционирование предлога *до* спровоцировано неконвенциональным синтаксическим построением в оригинале: для английского языка не совсем обычным будет препозитивное использование *before* — *a before body filled*. В переводе отсутствие объекта действия ведёт к ещё более радикальному решению — концептуализации предлога и появлению потенциальной конструкции с абсолютным предлогом.

Во втором примере обращает на себя внимание незузальная форма *несхвачен* как эквивалент узуального английского причастия *unarrested*.

Поскольку мы утверждаем, что в переводных поэтических текстах реализуется потенциальность принимающего языка, для нас является принципиальным разграничение потенциальных и окказиональных словоформ, которое мы осуществляли лингвопоэтическим методом, то есть «выявлением мотивированности языковых единиц всех уровней в их проекции на целый текст» [Азарова, 2010, с. 13]. Дополнительно все словоформы, рассмотренные в работе, проверялись по «Национальному корпусу русского языка» (НКРЯ) и поиском в Интернете с целью выявления количества употреблений каждой из них.

Потенциальные слова отсутствуют в словарях, обнаруживают нулевые или единичные вхождения в НКРЯ, но для них характерно значительное количество вхождений в Интернете. (Например, существительное *схлёб* не встречается ни в словарях, ни в НКРЯ, зато в Интернете насчитывает 110 вхождений.) Это служит доказательством того, что язык переводной поэзии не продуцирует аномалии, а отражает актуальное состояние языка, активные процессы, протекающие в нём.

В языке русской переводной поэзии отдаётся предпочтение потенциальным словам и формам по отношению к окказионализмам. Однако и в переводных поэтических текстах могут возникать окказиональные слова и формы, правда, это окказионализмы особого рода, с низкой степенью аномальности, не нарушающие критериев понятности и прозрачности внутренней формы. Такова,

например, словоформа *молчное* из приведённого выше текста: *to an after stilled in body — в после молчное в теле*.

Still может переводиться на русский язык как существительным (*тишина, безмолвие*), так и прилагательным (*бесшумный, тихий, безмолвный*) в зависимости от синтаксической функции. Соответственно, на первый взгляд может показаться, что создание в английском тексте потенциального прилагательного *stilled* семантически избыточно. Однако нам представляется, что здесь с помощью суффикса *-ed* автор создаёт прилагательное, обладающее значением максимальной выраженности признака. Русское субстантивированное прилагательное среднего рода *молчное* обладает даже большей семантической нагруженностью, чем английское *stilled*. Особое значение здесь приобретает род данного прилагательного: «средний род обладает не только семантикой обобщения, но и потенцией абстрагирования», «маркирует понятийность и отвлечённый характер семантики» [там же, с. 133–134]. Стоит также обратить внимание, что неузуальность *stilled* в английском языке оправдывает создание окказионального образования в русском переводе: часто потенциальные формы оригинала продуцируют формы с большей степенью грамматической аномальности в переводе.

В переводных поэтических текстах функционируют окказионализмы особого рода, созданные при помощи наложения потенциальных явлений в области словообразования и грамматики. Так, *молчное* отражает сразу два активных языковых процесса: образование потенциальных прилагательных и субстантивацию.

Сравнение употребления потенциальных и окказиональных форм в оригинальной русской и переводной поэзии одного и того же времени показало, что для переводных поэтических текстов характерна невысокая степень окказиональности форм, в то время как в оригинальной русской поэзии функционируют окказионализмы с высокой степенью аномальности, нарушающие критерий понятности. В языке оригинальной русской поэзии подобные окказионализмы преобладают над потенциальными формами, что объясняется разными стратегиями поэта и переводчика. Особый интерес представляет сравнение текстов тех авторов, которые выступают то как переводчики, то как оригинальные поэты. В их оригинальных текстах больше девиаций и меньше форм и конструкций, заданных системой языка, при этом в переводной поэзии те же самые авторы реализуют потенциальные возможности принимающего языка. В переводных поэтических текстах переводчик, с одной стороны, связан ограничениями, налагаемыми оригиналом, а с другой стороны, не может нарушить критерий по-

нятности для адресата, в то время как в оригинальном творчестве поэт ищет новые формы выражения, стремится расширить границы языковой нормы.

Хотя в языке оригинальной русской поэзии, безусловно, тоже реализуются потенциальные формы и конструкции, но всё-таки в текстах оригинальной поэзии окказиональное превалирует над потенциальным, в переводной поэзии — наоборот. Подробный анализ творчества Ники Скандиаки выявил 10 окказионализмов с низкой степенью аномальности в её переводах и примерно 40 потенциальных форм. В переводах не было обнаружено окказионализмов, нарушающих критерий понятности, в то время как в её оригинальных текстах количество окказиональных форм с высокой степенью аномальности в 3 раза больше, чем число потенциальных.

Вот ряд примеров окказиональных образований из оригинальных текстов Н. Скандиаки, образованных по непродуктивным словообразовательным моделям:

найдёнышем правды // артикульшем воды;

приходи теперь, время // грядунам;

место — общая возрыданница есть // и дерево всё в заговоре мести.

Такие образования, как *артикульши* и *грядун*, в переводных поэтических текстах вообще не встречаются. В аналогичных ситуациях в текстах переводной поэзии как Скандиаки, так и других авторов будет происходить образование потенциальных слов исключительно по продуктивным моделям (*опорожнитель*, *барахтальящик*, *спиральщик*): *this purger of conscience // arra for thee — опорожнитель сознания // уррра тебе* (J. Kerouac) [Керуак, пер. Д. Борисова]; *They did, our mid-century // helixeers — они и взобрались, спиральщики наши, // в середине века* (R. Hoffmann) [Хофман, пер. В. Фета].

Здесь также будет показательно привести данные НКРЯ и Интернета, которые подтверждают актуальность количественного критерия при определении окказионального или потенциального характера словоформы: *артикульши* — НКРЯ — 0; Интернет — 0, *грядун* — НКРЯ — 0; Интернет — 0, *возрыданница* — НКРЯ — 0; Интернет — 0, *опорожнитель* — НКРЯ — 0; Интернет — 450, *спиральщик* — НКРЯ — 0, Интернет — 400.

При этом для ряда словоформ путём соотнесения данных Интернета, полученных в мае 2014 г. и в мае 2015 г., можно проследить рост количества вхождений, что говорит о динамике употребления этих слов. Например, у потенциального существительного *спиральщик* в НКРЯ количество вхождений не изменилось (0 вхождений), а в Интернете за год увеличилось с 280 до 400.

Весьма интересно, что *опорожнитель* в значении лица, совершающего опорожнение чего-либо, упоминается в словаре В. Даля [Даль, 2007]. По мысли Л.В. Зубовой, слова, формы и грамматические конструкции, возникающие в языке современной русской поэзии, часто можно рассматривать как возможное отражение «свойств прошлых языковых состояний» [Зубова, 1989, с. 3]. Таким образом, новообразования, встречающиеся в переводных поэтических текстах, возникают только в рамках возможностей системы принимающего языка, нередко состоящих в реконструкции исторической формы.

В языке современной переводной поэзии действует сознательный механизм потенцирования, направленный на использование исключительно средств принимающего языка. Сравнительный анализ функционирования иноязычных морфем *-инг* и *-абельн-* в оригинальной русской поэзии и в переводной поэзии показал, что язык оригинальной русской поэзии часто прибегает к использованию средств других языков — заимствует слова, формы, морфемы: *Показывали блееры, вылазеры и плюеры, // сосисэджи, сарделинги, потаты и моркоуфели, // пластмассерные блюдинги, рисованные гномиксы...* (А. Левин).

В.П. Григорьев отмечал, что в современных поэтических текстах *-инг* сочетается с русскими основами, однако на первый план сейчас выходят его каламбурные потенции [Григорьев, 2006], а процессуальное значение этого суффикса игнорируется.

В языке оригинальной русской поэзии иноязычные форманты функционируют в качестве игрового элемента, в то время как в других дискурсивных практиках (например, в языке СМИ, рекламы) те же аффиксы, присоединяясь к русским основам, образуют слова одного класса, маркируя и заполняя лакуны в системе языка: *Зацепинг (прицепинг, он же транспортный сёрфинг, оупэн эйр райдинг или попросту зацеп) — метод езды на различной технике снаружи в не предназначенных для этого местах.*

В языке же переводной поэзии прямые заимствования формантов отсутствуют, а те же самые лакуны (в данном случае образование процессуальных существительных) заполняются по-иному, исключительно средствами принимающего языка. В переводе действует особый сознательный механизм потенцирования, направленный на избегание транслитерации:

*The compost heap is both — life, death — a slow
simmer,
a leisurely collapsing of
the thing
into its possibilities —*

(A. Hudgins)

Компост
— и жизнь, и смерть —
проваливание вещи
в бесформенность —
[Хаджинз, пер. Д. Веденяпина]

В то же время с исторической точки зрения в процессе перевода в целом (а не только поэтических текстов) находили отражение оба процесса — прямое заимствование и активизация ресурсов принимающего языка (калькирование): через перевод язык оригинала давал стимул к развитию потенциальных возможностей принимающего языка.

Такой вывод можно сделать на основе анализа ряда лингвистических работ по истории языка — Н.Н. Дурново (2000), М.М. Копыленко (1959, 1969, 1973), М.И. Чернышевой (1984, 1991), Е.С. Копорской (1988), К.А. Максимовича (2001) и др. Хотя эти работы не посвящены специально определению роли перевода в процессах межъязыкового взаимодействия, систематизация и рассмотрение их в таком аспекте позволяют определить статус перевода как одного из катализаторов развития русского языка с исторической точки зрения. В то же время в некоторых работах В.Н. Ярцевой (1980, 2000), Е.М. Верещагина (1971), В.К. Журавлёва (1982) отмечается возможность рассмотрения перевода с такой позиции. Показательно, что В.Н. Ярцева употребляет выражение «ускоритель развития языка» [Ярцева, 1980] применительно к переводу. Действительно, с исторической точки зрения переводные тексты могут быть рассмотрены как отражение этапов изменения русского языка и основных процессов, происходящих в нём, а воздействие, оказанное на русские тексты иностранными текстами в процессе перевода, выявляет потенциальность в системе русского языка.

В этом смысле важно подчеркнуть разницу между историей перевода и современностью. На современном этапе нельзя говорить о прямом влиянии языка оригинала на принимающий язык через перевод поэзии, но в то же время взаимодействие языка оригинала и языка перевода вызывает более концентрированное проявление активных процессов общенационального языка в переводных поэтических текстах.

В языке переводной поэзии нами были выявлены следующие активные процессы в области словообразования и грамматики:

1. Образование потенциальных форм множественного числа отвлечённых существительных: *The wispy soils go. And uncertain // Half-havings have they clarified to sures* — *И самым смутным полуобла-*

даньям // Даруют несомненность бытия (G. Brooks) [Брукс, пер. В. Британишского].

Как отмечает А.А. Зализняк, «singularia tantum — это слова с потенциально полной парадигмой, из которой нормально употребляется только половина словоформ» [Зализняк, 1967, с. 58]. По мысли О.Г. Ревзиной, поэтический текст нередко «обнаруживает потребность» в данных формах, легко их достраивая [Ревзина, 1988, с. 67]. Язык переводной поэзии в рамках данного процесса подчиняется общему свойству поэтического мышления. Именно по этой причине внутри класса потенциальных форм множественного числа абстрактных и процессуальных существительных, возникающих в языке поэзии, много поэтизмов (*любви, мерцания* и т.д.). Образование потенциальных форм множественного числа абстрактных и процессуальных существительных (*подразумевания, лжи, огромности* и др.) — системное явление внутри поэтического языка (англоязычной поэзии, русской оригинальной поэзии и переводной поэзии). В языке переводной поэзии изобилие неузуальных форм множественного числа абстрактных и процессуальных существительных объясняется совпадением внутрipoэтической традиции и активного языкового процесса на современном этапе.

2. Реализация новых форм отрицания и расширение класса отрицательных существительных: *and my unwords no less an acquaintanceship — a te не слова что я не скажу знакомы ему ничуть не менее* (G. Corso) [Корсо, пер. А. Касьяненко].

В переводе выявляется ряд активных процессов, связанных с отрицанием, находящихся в зоне потенциальности для современного русского языка: реализация моделей дефисного отрицания и двойного дефисного отрицания, встроенного отрицания, постановка отрицательного форманта в сильную позицию, расширение класса отрицательных существительных, причём количество отрицательных форм и элементов в переводе может превышать их число в оригинале.

3. Возникновение конструкций с послелогом: *a window and a door // the steps leading in // These glasses are mine, for example, // this question, the angle of a gaze — окно и дверь // шаги ведут в // Эти очки мои, например, // этот вопрос, угол созерцания* (M. Palmer) [Палмер, пер. А. Бабицкой]. При передаче моделей английского предложного управления ведущей является тенденция к калькированию конструкций оригинала (узуальных и неузуальных). Так, если в оригинале предложная конструкция *the steps leading in* нормативна, то в русском переводе отсутствие в тексте объекта действия ведёт к концептуализации предлога и появлению неузуальной конструкции с абсолютным предлогом *ведут в*.

В то же время при переводе английского узуального сочетания «глагол + предлог» находит отражение общая стратегия переводчиков, направленная на то, чтобы не ограничиваться передачей словарного значения данного сочетания как целого. Модель с послелогами нерегулярна для русского языка, поэтому она провоцирует переводчиков рассматривать такие сочетания не как идиоматические, а как свободные и заново устанавливать отношения между глаголом и предлогом. Эта трансформация характерна для текстов переводной поэзии: межъязыковое взаимодействие провоцирует переосмысление регулярной для одного языка модели другим языком, что ведёт к реализации потенциальности в последнем. Узуальному сочетанию «глагол + предлог» в оригинале соответствует потенциальный префиксальный глагол в переводе. Отсутствующее в русском языке грамматическое явление продуцирует проявление потенциальности в переводном поэтическом тексте: *Устану, усядусь средь улицы на паранет, // Все пробники **спробую** враз в магазинчике местном — I shall sit down on the pavement when I'm tired // And **gobble up** samples in shops and press alarm bells* (J. Joseph) [Джозеф, пер. Е. Тиновицкой]. Узуальная форма *to gobble up* переводится как *поглощать*, переводчик метафорически переосмысляет это сочетание и создаёт на его основе потенциальную словоформу *спробовать*.

4. Образование сложных слов и дефисных комплексов: *The beer I drink is good tonight, // almost **sweet, but cold** — Хорошее сегодня ночью пиво, // **сладко-холодное*** (B. Saenz) [Саэнс, пер. Д. Псурцева].

Дефисные комплексы и сложные слова, свёртывающие синтаксические конструкции оригинала, реализуют потенциальность системы принимающего языка в области образования новых понятий, соответствующих по ёмкости словосочетаниям и предложениям, стремление к языковой экономии. На уровне текста такие новообразования призваны сократить длину строки, что часто сопряжено с желанием переводчика передать ритм оригинала. Таким образом, стремление к структурному соответствию служит ещё одним стимулом к реализации потенциальности в переводной поэзии.

Также сложные слова и дефисные комплексы возникают в языке переводной поэзии как кальки английских сложных слов и дефисных образований. Стимулом для их появления становится стремление передать то равноправие понятий, которое содержится в английском дефисном комплексе, избежать подчинительной связи слов в словосочетании (*одеяние-мысль, жемчуг-сердцевина, отбеливание-отблеск*): *Is this a **Thought-Robe**? — Одеяние-мысль — это?* (M. Longley) [Лонгли, пер. Н. Скандиаки]; *Hey **bleach-blink, sheen-gaze, pearl-pith** — root of worlds — Эй, **отбеливание-отблеск, блеск-пристальный-взгляд,***

жемчуг-сердцевина — *корень миров* (К. Volkman) [Фолькман, пер. Г. Ермошиной]. В языке переводной поэзии находит отражение активный процесс, связанный с появлением аналитических тенденций в русском языке.

В то же время, как отмечают многие исследователи поэзии, например Г. Лич, в поэтическом тексте дефисные комплексы обладают потенциалом к свёртыванию и концептуализации информации, «силой концептообразования» — «the “concept-making” power» [Leech, 1977, p. 44]: *Healing // all my sickness — erasing all — not // even the shred of a “I-hope-you”* — *Лечим // все мои болезни — стирает всё даже // ни капли «Я-надеюсь-ты»* (J. Keouac) [Керуак, пер. М. Гунина]. Здесь дефисный комплекс свёртывается в понятие (концептуализируется) благодаря таким дополнительным средствам, как кавычки (в оригинале — кавычки и артикль).

5. Образование потенциальных отглагольных существительных на *-ние* с процессуальным значением и со значением деятеля с суффиксами *-щик* и *-тель*.

6. Образование потенциальных отглагольных прилагательных с семантикой возможности/невозможности: *as if to make it plain // hope's only as **renewable** as pain...* — *что надежда столь // же **восстанавливаема**, как боль* (M.J. Salter) [Солтер, пер. Л. Оборина].

Если язык СМИ, рекламный текст, устная речь могут прибегнуть к заимствованию форманта (образование прилагательных с суффиксом *-бельн-/-абельн-/-ибельн-*: *смотрябельный, носибельный, проезжабельный*), то язык переводной поэзии использует исключительно средства своего языка (образование отглагольных прилагательных на *-ем-/-им-* как коррелятов английских прилагательных на *-able*).

Показательно также использование потенциальных кратких форм подобных прилагательных при наличии узуальных полных форм. Именно при рассмотрении кратких форм наиболее очевидным становится процесс адъективации причастий на *-ем-/-им-*, их лексикализация в значении возможности/невозможности. Здесь имеет место уже не словообразовательный, а грамматический сдвиг: краткая форма *восстанавливаем(а)* признаётся нами потенциальной в связи с приобретением ею семантики возможности/невозможности, не характерной для полной формы. Таким образом, краткие формы на *-ем-/-им-* активно вырабатываются теми причастиями, полная форма которых не несёт модальной семантики. В связи с этим наблюдается рост количества кратких форм на *-ем-/-им-* в тех стилях речи, для которых не характерно их функционирование: в поэтическом тексте [Азарова, 2010], устной речи

и др. Например, прилагательное *восстанавливаем(а)* не встречается в НКРЯ, зато в Интернете отмечено 600 вхождений (все употребления реализуют семантику возможности/невозможности: *Но многие ли задумывались над тем, что красота не только восстанавливаема — она буквально рукотворна*). Таким образом, становится очевидным, что «прибавление» кратких форм наблюдается именно в последнее время (отсутствие примеров в НКРЯ), а также что сферой их употребления становится скорее устная речь, язык рекламы (приведённый пример), язык СМИ и т.д., то есть те стили речи, для которых ранее было не характерно использование кратких причастий на *-ем/-им-*, но которые нуждаются в выражении семантики возможности/невозможности посредством одного слова.

* * *

С одной стороны, потенциальные слова — это слова, образованные по продуктивным моделям, но ещё не зафиксированные в словарях; с другой стороны, активный языковой процесс подразумевает системное заполнение пустых клеток на одном из уровней языка. Следовательно, потенциальные слова — это всегда отражение активного процесса. Эту логику также можно применить к потенциальным грамматическим формам и конструкциям: потенциальные формы, системно заполняя лакуны, являются отражением активных языковых процессов. Таким образом, системная реализация потенциальных слов и форм в языке переводной поэзии маркирует активные процессы принимающего (русского) языка. Иными словами, если мы хотим увидеть в концентрированном виде активные процессы современного русского языка, то лучше всего для этого взять современный переводной поэтический текст.

Язык переводных поэтических текстов в наибольшей мере по сравнению с другими типами текста отражает потенциальность языковой системы, а также может выступать свидетельством активных процессов в общенациональном языке.

Список литературы

- Азарова Н.М.* Конвергенция философского и поэтического текстов XX–XXI веков: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 852 с.
- Azarova, N.M.* Konvergencija filosofskogo i pojetičeskogo tekstov XX–XXI vekov [Convergence of philosophical and poetical language of XX–XXI centuries]: Dis. ... d-ra filol. nauk. Moskva, 2010 (in Russian).
- Григорьев В.П.* Светлое будущее «инговых форм» в русском поэтическом языке // Художественный текст как динамическая система: Материалы международной научной конференции, посвящённой 80-летию В.П. Григорьева. М., 2006. С. 437–449.

- Grigor'ev, V.P.* Svetloe budushchee "ingovyh form" v russkom pojeticheskom jazyke [Bright future of *-ing* forms in Russian poetic language] // Hudozhestvennyj tekst kak dinamicheskaja sistema: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashchjonnej 80-letiju V.P. Grigor'eva. Moskva, 2006 (in Russian).
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Астрель, 2007.
- Dal', V.I.* Tolkovij slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: V 4 t. [Explanatory dictionary of Russian language]. Moskva: Astrel', 2007 (in Russian).
- Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 372 с.
- Zaliznjak, A.A.* Russkoe imennoe slovoizmenenie [Russian nominal inflexion]. Moskva: Nauka, 1967 (in Russian).
- Зубова Л.В.* Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. 264 с.
- Zubova, L.V.* Pojezija Mariny Cvetaevoj: Lingvisticheskiy aspekt [The poetry of Marina Tsvetaeva: The linguistic aspect]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1989 (in Russian).
- Ревзина О.Г.* Категория числа в поэтическом языке // Актуальные проблемы русской морфологии. М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. С. 66–79.
- Revzina, O.G.* Kategorija chisla v pojeticheskom jazyke [Category of number in poetic language] // Aktual'nye problemy russkoj morfologii. Moskva: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1988 (in Russian).
- Ревзина О.Г.* Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического диалекта: Дис. в форме науч. докл. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 86 с.
- Revzina, O.G.* Sistemno-funktional'nyj podhod v lingvisticheskoj pojetike i problemy opisaniya pojeticheskogo idiolekta [System-functional approach to the problem of linguistic poetics and poetic descriptions of idiolect]: Dis. v forme nauch. dokl. ... d-ra filol. nauk. Moskva, 1998 (in Russian).
- Фатеева Н.А.* Предисловие ко второму изданию // Г.О. Винокур. Маяковский — новатор языка. М.: УРСС, 2006.
- Fateeva, N.A.* Predislovie ko vtoromu izdaniyu [Preface to the second edition] // G.O. Vinokur. Majakovskij — novator jazyka [Mayakovsky — an innovator of language]. Moskva: URSS, 2006 (in Russian).
- Ярцева В.Н.* О роли перевода в истории литературных языков // Вестн. Ленинградского ун-та. 1980. № 20. С. 45–49.
- Jarceva, V.N.* O roli perevoda v istorii literaturnyh jazykov [On the role of translation in the history of literary languages] // Vestn. Leningradskogo un-ta. 1980. № 20 (in Russian).
- Leech, G.N.* A Linguistic Guide to English Poetry. L.: Longman, 1977. 240 p.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Б.Л. Бойко,

доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков
Военного университета МО РФ; e-mail: borisboiko@gmail.com

ФРОНТОВЫЕ РЕАЛИИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ПРИНИМАЮЩЕЙ КУЛЬТУРЫ

(на материале немецкого перевода романа Д. Гранина
«Мой лейтенант»)

Фронтальные реалии в данной статье — это объекты и явления, которые окружают человека на войне. Наименования фронтальных реалий включают военные термины и их речевые дублеты — профессионализмы и жаргонизмы. Фронтальные реалии — это и реалии окопного быта; их наименования относятся к сфере общенародного языка и обиходной речи. Сопоставительный анализ текста романа и его немецкого перевода выявляет способы передачи наименований отечественных фронтальных реалий на языке принимающей культуры.

Ключевые слова: фронтальные реалии, военные термины, профессионализмы, военный жаргон, реалии окопного быта, принимающая культура.

Boris L. Voiko,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Military University, Moscow, Russia;
e-mail: borisboiko@gmail.com

FRONT REALIA IN THE LANGUAGE WORLD PICTURE OF THE RECEIVING CULTURE: A CASE STUDY OF A GERMAN TRANSLATION OF DANIIL GRANIN'S NOVEL "MY LIEUTENANT"

Front realia in this article are objects and phenomena that surround a man at war. Their names include military terms and their speech doublets — professionalisms and slang words. Front realia embrace also the realia of life in entrenchments — their names belong to the sphere of public language and everyday speech. A comparative analysis between novel and its translation in German reveals ways of how to express the names of domestic front realia in the language of the receiving culture.

Key words: front realia, military terms, professionalisms, military slang, realia of trench warfare, receiving culture.

Под фронтальными реалиями мы понимаем совокупность наименований объектов и явлений реальной действительности, которые окружают человека на войне. Наименования принадлежат языку, соответствующие референты на концептуальном уровне — обще-

человеческой или этнической (национальной) культуре, менталитету носителей языка. Фронтовые реалии включают наименования местности и местных предметов, видов боевых действий и используемых боевых средств, инженерного оборудования местности, укрытий, окопов и траншей, наименования воинских формирований и участников боевых действий, предметов обмундирования и оснащения, деталей фронтового быта.

Наименования реалий закреплены в официальных документах — уставах и наставлениях, документах, регламентирующих всё разнообразие того, с чем человек сталкивается в условиях военной службы в целом и в условиях боевых действий в частности. Эти документально закреплённые наименования относятся к терминологии, в данном случае — военной. Они известны профессиональным военным и по мере вовлечения в войну невоенных людей в определённой степени усваиваются ими в ходе войны. В своей совокупности наименования фронтовых реалий входят составной частью в тематический ареал военной лексики и фразеологии.

В ходе межкультурных контактов иноязычных этносов осуществляется взаимное познание реалий экономики, политики, различных сфер деятельности, в том числе военной. Как следствие, в этнической (национальной) языковой картине мира значительное место занимают наименования реалий военного дела вероятного союзника или противника. Их среда бытования — оригинальные тексты иноязычного этноса, вторичные тексты контактирующего этноса — энциклопедии и справочные издания, не в последнюю очередь — переводные тексты о войне и армии.

Извлечение знаний из иноязычных текстов в процессе их научной обработки, например реферативной, и перевода делает необходимым вторичное означивание реалий. Переозначивание сходных реалий не составляет труда: они имеются в языковых картинах мира контактирующих этносов, доступны в форме общих знаний, выраженных на разных языках в параллельных текстах, закреплены в двуязычных словарях. Трудность представляет переименование тех реалий, какие отсутствуют в опыте «познающей» культуры и воспринимаются ею как этнически чуждые.

По мере речевого освоения «чужие» реалии теряют меру своей «чужести», находят место в той части языковой картины мира принимающей культуры, которая отведена для описания иноязычной культуры. Безусловно «чужими» остаются те реалии, что несут на себе печать этнонациональной принадлежности: «фрицы» и «иваны» — яркий пример этнически маркированных этнонимов, принадлежащих к периодам вооружённого противостояния немецкого и русского этносов в годы Первой и Второй мировых войн.

Всякий текст обращён к читателю и несёт на себе черты непосредственного или разнесённого во времени и пространстве общения между автором и читателем. Общение в среде специалистов опосредовано текстами, насыщенными терминологией, единицы которой однозначно именуют реалии военного дела. Параллельно с терминологическими единицами, отвечая потребностям повседневного общения в профессиональной среде, образуются их разговорные дублеты — профессионализмы. Таковы инициальные аббревиатуры типа *КП* — командный пункт, *ПНШ* — помощник начальника штаба, *ГСМ* — горюче-смазочные материалы, *б/у* — бывший в употреблении, *х/б* — хлопчатобумажный. Таковы аббревиатуры-усечения или включающие в свой состав усечения: *комбат* — командир батальона, *комполка* — командир полка, *комбриг* — командир бригады, *штрафбат* — штрафной батальон и др.

Военные термины, профессионализмы и даже единицы военного жаргона частично усваиваются общенародным языком и используются в текстах публицистики и художественной литературы. В обыденном общении военная лексика пополняется стилистически сниженными единицами. Во фронтовом лексиконе появляются коллоквиализмы типа *нейтралка* — нейтральная полоса, *передок* — передний край, *взводный* — командир взвода, «*ястребок*» — самолёт-истребитель Як-3. Самостоятельный раздел стилистически сниженной лексики занимает военный жаргон: *старлей* — старший лейтенант, *сорокапятка* (она же «*Прощай, Родина!*») — противотанковая пушка калибра 45 мм, *ручник* — ручной пулемёт, «*блондинка*» — пшённая каша, *кубать* — квадрат, *шпала* — прямоугольник (квадрат и прямоугольник — знаки различия воинских званий в Красной армии до января 1943 г.).

В состав фронтовых входят реалии окопного быта — *землянка*, *окоп*, *котелок*, *вошебойка*, *валенки*, *телогрейка*, *махорка*, *самокрутка* и им подобные. Подавляющая часть реалий фронтового быта отличается национально-культурной спецификой и не имеет готовых эквивалентов в языковой картине мира принимающей культуры. Сопоставительный анализ исходного и переводного текстов позволяет судить не только о степени успешности переводческих решений, но и о наличии общего и различного в языковых картинах мира контактирующих этносов, культур и субкультур, в частности тех фрагментов языковых картин мира, которые относятся к теме войны и фронтового быта. Сопоставление исходного и переводного текстов обнаруживает свидетельства освоения «чужого» в военной картине мира принимающей культуры.

Лексический материал, использованный для описания картины мира исходного языка, имеется в текстах принимающей культуры,

отражающих контакты культур и языков: в энциклопедиях, специальной научной литературе, в переводных словарях и в текстах переводов. В процессе перевода используется уже имеющийся материал и подыскиваются средства для воспроизведения тех фрагментов инокультурной языковой картины мира, которые не описаны ранее. Возможен и тот случай, когда переводчика не удовлетворяют ранее найденные средства для именования инокультурных реалий, и тогда он предлагает новые решения. Столь же возможен и тот случай, когда переводчик, не имея времени на предварительную подготовку, осваивает имеющийся в языке перевода материал непосредственно в процессе перевода и решает с различной степенью успешности те переводческие проблемы, которые были решены до него.

Незначительная часть наименований отечественных военных реалий освоена немецкими лексикографическими изданиями. Например, в Duden online находим подтверждение тому, что немецкой культурой усвоен ряд отечественных реалий, среди них и те, которые употребляет в своём романе Д. Гранин: *махорка, начальник, каша* — **Machorka, Natschalnik, Kascha**.

— **махорка** — **Machorka**. В словаре: Substantiv, maskulin — grob geschnittener russischer Bauerntabak (http://www.duden.de/rechtschreibung/Machorka_Tabak); Substantiv, feminin — Zigarette aus Machorka (http://www.duden.de/rechtschreibung/Machorka_Zigarette).

Солдат закрутил **махру** в длинную сигарку, поджёг, блаженно затанулся... С. 50.

Der Soldat drehte sich aus **Machorka** eine lange Zigarette, zündete sie an, zog genüsslich daran... S. 46.

— **начальник** — **Natschalnik**. В словаре: Substantiv, maskulin — russische Bezeichnung für: Chef, Vorgesetzter, Leiter (<http://www.duden.de/suchen/dudenonline/natschalnik>).

Наше дело солдатское — держись поближе к кухне, подальше от **начальства**... С. 61.

Wir waren nur Soldaten, das hieß: Halt dich in der Nähe der Küche und weit weg von **Natschalniks**... S. 59.

— **каша** — **Kascha**. Сетевой источник wissen.de поясняет: Kascha — russ. Buchweizengrütze, aus russ. *Kascha* „Grütze“, unverwandt mit litau. *Koshti* „Geseihtes“, zu litau. *Koschiu* „sehen“ (<http://www.wissen.de/wortherkunft/kascha>).

Не жрали у себя в штабах **кашу** с осколками и шрапнелью... С. 250.

In ihren Stäben hatten sie keine **Kascha** mit Splittern und Schrapneln gefressen... S. 287.

Несколько иначе обстоит дело со словом *старшина*, не имеющим аналога в системе воинских званий Германии. Аналогию можно

провести с воинским званием послевоенного времени *прапорщик*, которое передаётся как *Praportschtschik*¹.

– **старшина** — **Starschina**

Я тащил на телегу ящик с патронами, когда меня остановил **старшина** из штаба, приказал бежать на КП первой роты. С. 50.

Ich zerrte gerade einen Patronenkasten auf den Wagen. Als mich ein **Starschina** aus Stab aufhielt und mir befahl, zum Kommandopunkt der ersten Kompanie zu laufen. S. 50.

Отечественные реалии **махорка** (в тексте романа использован разг. вариант — *махра*), **начальник**, **каша** воспроизведены в немецком переводе посредством транскрипции и тем самым адаптированы к звуковой и графической системам немецкого языка. Иной путь передачи наименований отечественных фронтовых реалий в процессе перевода на немецкий язык — использование наименований сопоставимых реалий, имеющих в немецкой военной субкультуре и языке того же исторического отрезка времени или за его пределами: пилотка — Schiffchen, сапоги — Stiefel, котелок — Kochgeschirr, скатка — gerollter Soldatenmantel, винтовка — Gewehr, бинокль — Feldstecher, полк — Regiment, рота — Kompanie, взвод — Zug, солдат — Soldat, ефрейтор — Gefreiter, офицер — Offizier, лейтенант — Leutnant, капитан — Hauptmann, генерал — General, снаряд — Geschoss, пуля — Kugel, пушка — Kanone, пулёмёт — Maschinengewehr и др. Перевод наименований таких реалий сводится к воспроизведению эквивалентных единиц, содержащихся в двуязычных словарях.

К разряду лексических единиц, различающихся по своей национально-культурной специфике, относятся наименования реалий, сходных по функции. Исключительно отечественными следует признать такие реалии, как *землянка* и *коптылка*. Слово *землянка* вошло в отечественное национальное сознание как обозначение укрытия на поле боя и нетерминологически используется вместо слова *блиндаж*. В отличие от блиндажа землянка располагается в тыловой зоне и служит как для размещения личного состава, так и для различных хозяйственных нужд (см.: <http://www.saper.etel.ru/fort/zemlanka.html>). Землянка — привычное понятие, связанное с размещением личного состава партизанских отрядов, и в этом значении землянка известна как *Erdhütte* [Sowjetische Partisanen in Weißrußland, 2004, s. 71]. В тексте романа *землянка* используется

---

¹ Точно так же — с помощью методов транскрипции и транслитерации — передаются на русском языке немецкие воинские звания: *Hauptgefreiter* — хаупт-ефрейтор, *Obergefreiter* — обер-ефрейтор, *Unteroffizier* — унтер-офицер и др.

в значении *блиндаж*, соответственно в переводе предлагается в качестве эквивалента слово *Unterstand*.

– **землянка — Unterstand**

Стоишь на посту по колено в ледяном крошеве, сменишься в **землянку** — тоже вода хлюпает, ляжешь на нары — сверху сквозь брёвна наката сочится, капает, сука, пробивает ушанку. С. 190.

Als Wachposten stand man bis zu den Knien in Eisstücken, kam man danach in den **Unterstand**, gluckste dort ebenfalls auch Wasser; legte man sich auf die Pritsche, sickerte die Sauerei von oben durch die Deckenbalken, tropfte auf einen herab und drang durch die Mütze. S. 214.

Для освещения в блиндажах и землянках использовалось простейшее осветительное устройство с говорящей внутренней формой слова — *коптилка*. Во фронтовых условиях коптилки изготавливались из сплюснутых гильз от снарядов 45-мм калибра, наполненных горючим веществом (по тексту романа в качестве такового использовалось веретённое масло). Фитиль — кусок шнура или ткани — одним концом погружался в горючее вещество, другой его конец был зажат между сплюснутыми краями гильзы. Фитиль поджигался и освещал помещение (см.: <http://www.hobbyt.biz/t581-topic>). В тексте романа о коптилке повествуется дважды, в одном случае переводчик неточно именует коптилку керосиновой лампой, чему противоречит пояснение: «...eine Petroleumlampe, die mit Maschinenöl brannte», в обратном переводе — «керосиновая лампа, в которой в качестве горючего вещества использовалось машинное масло».

– **коптилка — Petroleumlampe**

У Володи Лаврентьева работы не счесть. Он лучше **коптилку** будет мастерить и приспособливать к веретённому маслу, чем стрелять. С. 155.

Wolodja Lawrentjew hatte unendlich viel Arbeit. Er baute lieber eine **Petroleumlampe**, die mit Maschinenöl brannte, als zu schießen. S. 172.

В другом фрагменте русского текста используется словосочетание *масляная коптилка*, и переводчик теперь уже с полным основанием предлагает однозначный эквивалент **Öllampe**.

– **масляная коптилка — Öllampe**

Старое веретённое масло мы с Володей Лаврентьевым пустили на освещение. Вместо телефонных шнуров. Заместо фитилей. Они коптели, воняли и давали мало света. Для **масляной коптилки** придумал фитиль. С. 199.

Wolodja Lawrentjew und ich führten ein, dass man altes Maschinenöl für die Beleuchtung verwendete. Anstelle von Zündschnüren, die rußten, stanken und wenig Licht gaben, erfand ich für die **Öllampe** einen Docht. S. 225.

Этническое и национально-культурное своеобразие реалий включает наличие однозначных эквивалентов в языках сопоставляемых культур. Субкультурные синонимы военных терминов (профессионализмы и жаргонизмы) имеют собственную среду бытования — ситуации повседневного общения со сниженным социальным контролем. В своей семантике они отражают непосредственность внутригрупповых отношений, общность эмоциональных переживаний и оценки окружающей действительности. В качестве примеров назовём стилистически отмеченные единицы военно-профессиональной и военно-жаргонной речи типа *нейтральная*, *нейтралка* — нейтральная полоса, *ротный* — командир роты, *взводный* — командир взвода. Этим и подобным словам нет эквивалентных профессионализмов в языке перевода:

— **ротный** — командир роты — **Kompaniechef**

Мы пробежали почти километр. **Ротный** пытался остановить нас, матерился, размахивал гранатой. С. 51.

Wir waren fast einen Kilometer gerannt. Unser **Kompaniechef** hatte versucht, uns aufzuhalten, hatte Mutterflüche gebrüllt, mit einer Handgranate herumgefuchelt. S. 47.

— **взводный** — командир взвода — **Zugführer**

Взводный приказал очистить окопы и ходы сообщения. Работать надо было малыми лопатками. С. 113.

Der Zugführer hatte befohlen, den Schnee aus den Schützen- und Verbindungsgräben zu schaufeln. Wir hatten nur Feldspaten. S. 123.

Солдаты всех армий имеют свой язык, его лексика и фразеология отмечены не только стилистически. Отличаясь этническим и национально-культурным своеобразием, они не находят места в фрагменте картины мира языка перевода, где располагается лексика повседневного неформального общения военнослужащих принимающей культуры. Военные специалисты (страноведы и переводчики) создают и непрерывно пополняют отдельный фрагмент языковой картины мира, предназначенный для описания военных реалий и языка военнослужащих «чужого» этноса. Отличительная черта лексики такого фрагмента, если брать в качестве примера фрагмент немецкой языковой картины мира, отведённый для отечественных военных реалий, — наличие в нём:

— транскрипций и транслитераций — см. упомянутые выше **Starschina**, **Machorka**, **Natschalnik**, **Kascha**;

— кáлек типа **Volkswehrsoldat** для *ополченец*, **Rotarmist** для *красноармеец*, **Politabteilung** для *политотдел*, **Rotarmisten-Ausweis** для *красноармейская книжка*:

Он расспросил про нашу группу, про полк. Потребовал **красноармейские книжки**. Узнав, что с Путиловского завода, где делают КВ, подобрел, посадил за стол. С. 74.

Er befragte uns nach unserer Gruppe und dem Regiment. Er verlangte, unsere **Rotarmisten-Ausweise** zu sehen. Als er erfuhr, dass wir aus dem Putilow-Werk kamen, wo die Kliment-Woroschilow-Panzer hergestellt werden, wurde er freundlicher und hat uns an den Tisch. S. 75.

— замен ближайшими по смыслу словами — см. упомянутые выше варианты передачи слова *коптылка* — **Petroleumlampe** и **Öllampe**, *вошебойка* — **Entlausung**:

Знал, куда упадёт мина, когда лучше стрелять из пулемёта, прожаривал бельё, не дожидаясь **вошебойки**. С. 191.

Ich wusste, wohin die Wurfgranate fallen wird, wann man besser mit dem MG schoss, ich erhitzte meine Wäsche, ohne auf die **Entlausung** zu warten. S. 215.

В этом же фрагменте языковой картины мира располагаются лексические единицы литературного языка, в нём практически нет эквивалентных средств разговорного языка и военного жаргона, в силу того что потенциальные эквиваленты отличаются национально-культурной спецификой. Слишком непохожи друг на друга своей внутренней формой такие единицы разговорной речи. Именно поэтому в тексте перевода единицам разговорной речи в качестве эквивалентов предлагаются единицы нормированного языка: *окопники* — Soldaten im Schützengraben, *буржуйка* — Kanonenofen, *подхарчиться* — etwas essen.

Для нас, **окопников**, это очевидно, но я не мог засвидетельствовать его смерти, и они, хоть и штабные люди, понимали это. С. 57.

Für uns **Soldaten im Schützengraben** war das klar, doch ich vermochte seinen Tod nicht zu bezeugen, und obwohl sie vom Stab waren, hatten sie das begriffen. S. 54–55.

К полудню показалась деревня. Приказано было свернуть к ней, там **подхарчиться**, передохнуть. С. 61.

Gegen Mittag kam ein Dorf in Sicht. Es wurde befohlen, dorthin abzubiegen, zu **essen** und zu verschnaufen. S. 59.

Откуда-то появился топор, сучья рубить для **буржуйки**. С. 155.

Von irgendwoher tauchte eine Axt auf, um Äste für den kleinen **Kanonenofen** zu schlagen. S. 173.

Возвращаясь к теме аббревиатур как составной части разговорной стихии в военно-профессиональной среде, отметим проникновение значительной части аббревиатур в нормированную литературную речь. Основная часть аббревиатур, остающаяся в составе военно-профессиональной речи, поясняется автором в тексте романа. В немецком переводном тексте эквивалентами практически

всех аббревиатур исходного текста служат единицы нормированной литературной речи, хотя и они в отдельных местах подаются с минимальным лингвострановедческим комментарием. Аббревиатуры, используемые автором в тексте романа, в основном двух типов — буквенные и слоговые.

В ряду буквенных сокращений с точки зрения частотности обращает на себя внимание сокращение инициального типа: **КП** — командный пункт. В тексте перевода этой аббревиатуре военно-профессиональной речи в качестве эквивалентов предлагаются **Gefechtsstelle**, **Kommandostelle** и **Gefechtstand**, вошедшие в общий лексический фонд немецкого языка и включённые в словник упоминавшегося выше немецкого толкового словаря Duden online:

— **КП** — командный пункт — **Kommandopunkt**, **Kommandostelle**, **Gefechtstand**

Я тащил на телегу ящик с патронами, когда меня остановил старшина из штаба, приказал бежать на **КП** первой роты. С. 50.

Ich zerrte gerade einen Patronenkasten auf den Wagen. Als mich ein Starschina aus Stab aufhielt und mir befahl, zum **Kommandopunkt** der ersten Kompanie zu laufen. S. 50.

Видя бойцов, которые толпились возле **КП**, он считал, что они отсиживаются, гнал всех на «передок», набросился на какую-то команду, которая сидела на траве, курила. С. 94.

Als er Soldaten sah, die sich um die **Kommandostelle** herum sammelte, schien ihm, sie würden bloß sitzen, und er jagte alle an die Front, dann stürzte er sich auf irgendeine Gruppe, die im Graß saß und rauchte. S. 98.

Он сидел на **КП** у рации и пытался связаться с командиром дивизии. С. 172.

Er saß im **Gefechtsstand** am Funkgerät und wartete auf eine Verbindung mit dem Divisionskommandeur. S. 193.

Отдельные аббревиатуры военно-профессиональной речи, не принадлежащие к общему языку, поясняются автором (по Р.О. Якобсону, подвергаются внутриязыковому переводу [Якобсон, 1978, с. 17]), и уже эти замены разговорного на литературное использованы в переводе. Таковы **ПНШ** — помощник начальника штаба, **ПТР** — противотанковое ружьё, **ГСМ** — горюче-смазочные материалы.

Аббревиатура **ПНШ** в тексте романа встречается в вариантах **ПНШ-1** и **ПНШ-2**. Различий между носителями соответствующих функций автор не поясняет, не решает эту задачу и переводчик, ограничиваясь расшифровкой инициальных букв:

— **ПНШ** — помощник начальника штаба — **Gehilfe des Stabschefs**

...в батальоне, где Левашов был **ПНШ-2**, то есть помощник начальника штаба. С. 86.

...im Bataillon..., wo Lewaschow **Gehilfe des Stabschefs** war. S. 89.

Он спустился в погреб, холодный дымный, представился пожилому капитану, то был ПНШ-1 (помощник начальника штаба). Тот обрадовался, сразу определил командиром в **дот** такой-то. С. 103.

Er stieg in den kalten verrauchten Keller hinab und stellte sich einem älteren Hauptmann vor, der **Gehilfe des Stabschefs** war. Dieser war erfreut und setzte ihn sogar als Kommandeur eines **Geschützbunkers** ein. S. 109.

Во втором примере находим не расшифрованную автором (следовательно, понимаемую им как общепонятную) субстантивированную аббревиатуру инициального типа: **дот** — *долговременная огневая точка* — **Geschützbunker**. В общепонятности этой лексической единицы можно усомниться уже потому, что «Большой толковый словарь русского языка» сопровождает эту вокабулу пометой *Воен.* [БТС, 1998].

Среди аббревиатур, получивших авторскую расшифровку, находим **б/у** и **х/б**. В тексте перевода они передаются эквивалентными словосочетаниями:

— **б/у** — **бывший в употреблении** — **gebraucht**, **х/б** — **хлопчатобумажный** — **baumwollen**

Я не шёл ни в какое сравнение с ними: гимнастёрка **б/у**, **х/б** (бывшая в употреблении, хлопчатобумажная), на ногах — стоптанные кем-то ботинки, обмотки и в завершение — синие диагоналевые галифе кавалерийского образца. Так нарядили нас, ополченцев. С. 29–30.

Ich konnte mich mit ihnen in keiner Weise messen. Eine **gebrauchte baumwollene** Militärbluse, an den Füßen ausgetretene Schuhe, Fußlappen und als Krönung blaue, nach unten schmal zulaufende Reithose der Kavallerie. So hatte man uns Volkswehrsoldaten ausstaffiert. S. 22.

В приведённом фрагменте текста упоминаются ещё две реалии — *обмотки* и *портянки*, которым предлагается в качестве эквивалента *Fußlappen*. На самом деле для слова *обмотки* (носились с ботинками и выполняли функцию голенищ; ср. гражданское слово *гамаши*) существует эквивалент *Beinwickel*. Для слова *портянки* (выполняли функцию носков и носились как с солдатскими ботинками, так и, главным образом, с сапогами) эквивалентом действительно служит слово *Fußlappen*.

Слоговых аббревиатур, означающих фронтовые реалии или реалии военной службы, в тексте романа много, комментариями (внутриязыковым переводом) эти аббревиатуры не сопровождаются, хотя, возможно, и не все они в достаточной степени освоены общенародным языком. Например, если стяжения *комбат* и *штрафбат*, в силу освоенности общенародным языком, имеют частотность 1 190 000 и 426 000 словоупотреблений соответственно, то *комдив* и *начарт*, будучи ограничены военно-профессиональной

речью, характеризуются заметно меньшей частотностью: *комдив* (командир дивизии) — 260 000, *начарт* (начальник артиллерии подразделения, части) — всего 3 700 (по данным Интернета на 5.08.2015).

– **комбат — командир батальона — Bataillonskommandeur**

Сапёры толковали о новом **комбате**, прибыл вчера ночью. Старший лейтенант, артиллерист, кадровик... С. 103.

Die Pioniere sprachen über den neuen **Bataillonskommandeur**, der gestern in der Nacht angekommen war. Ein Oberleutnant von der Artillerie, ein Berufsoffizier... S. 108.

– **комдив — командир дивизии — Divisionskommandeur**

Голубцов тоскливо смотрел на мигающую лампочку. **Комдив** говорил ему то же самое, что сам Голубцов только что говорил командиру первой роты. С. 173.

Golubzow schaute traurig auf das blinkende Lämpchen. Der **Divisionskommandeur** sagte zu ihm dasselbe, was Golubzow selbst gerade zum Kommandeur der ersten Kompanie gesagt hatte. S. 194.

– **начарт — начальник артиллерии — Kommandeur der Artillerie**

Прибыл связной, потому что до нас нельзя было дозвониться. Он повёл меня в штаб, там **начарт** Карпенко набросился на меня: «Кто приказал стрелять?! Зачем демаскируете себя?! Надо стрелять в цель, а у вас была цель?!» С. 112.

Ein Verbindungsmann traf ein, weil man telefonisch nicht zu uns durchkam. Er führte mich zum Stab. Dort stürzte sich der **Kommandeur der Artillerie** Karpenko auf mich. „Wer hat Ihnen befohlen zu schießen?! Wozu haben Sie sich enttarnt?! Man muss auf ein Ziel schießen, aber wo war Ihr Ziel?!“ S. 121–122.

В ряду аббревиатур военно-профессиональной речи, частично усвоенных общенародным языком, необходимо упомянуть те, что входят в состав наименований отдельных единиц вооружения и боевой техники. В частности, это танки КВ и ИС, пистолет ТТ. Эти наименования, как правило, не поясняются в исходном тексте на русском языке, миссию лингвострановедческого комментария берёт на себя переводчик:

– **танк КВ — Kliment-Woroschilow-Panzer**

Две первые атаки мы отразили и отошли к Пушкину. При нас остались **два танка КВ** из приданных нам. С. 83.

Die ersten zwei Angriffe wehrten wir ab und zogen uns nach Puschkin zurück. Uns waren von unserer Ausrüstung **zwei Kliment-Woroschilow-Panzer** geblieben. S. 85.

– **тяжёлые танки «ИС» — schwere Stalin-Panzer**

На роту мою, тяжёлых танков «ИС», возлагалась задача выйти на левый фланг... С. 215.

Meiner Kompanie **schwerer Stalin-Panzer** war die Aufgabe übertragen worden, in die linke Flanke vorzustoßen... S. 245.

– [пистолет] «ТТ» — **Tulaer Tokarew-Pistole**

Кожаная чёрная куртка, кожаные штаны, танкист. Шлем. Запасные портянки. Это в мешке. «ТТ» — в кармане. Положено было сдать, но как бы не так. Безоружным? Отвык. С. 213.

Als Panzerkommandant trug ich eine schwarze Lederjacke und Lederhose. Helm und Wäsche zum Wechseln befanden sich im Rucksack. Die **Tulaer Tokarew-Pistole** steckte in der Hosentasche. Ich hätte die ТТ eigentlich abgeben müssen, aber wie sollte das gehen — unbewaffnet sein? Das war ich nicht gewohnt. S. 243.

По степени сниженности относительно нормы литературного языка отдельную нишу занимают коллоквиализмы и единицы военного жаргона. В тексте литературного произведения они оформляются как вкрапления, часть из них даётся в кавычках. Эти наиболее яркие единицы военно-профессионального просторечия охватывают наименования реалий из тематических групп «вооружение и боевая техника», «воинские звания», «предметы обмундирования», «продовольствие». Поясним на примерах усвоение принимающей культурой упомянутых в начале статьи лексических единиц: *сорокапятка* (она же — «*Прощай, Родина!*») — противотанковая пушка калибра 45 мм, «*ястребок*» — самолёт-истребитель Як-3, «*блондинка*» — пшённая каша и др.

– «ястребок» — самолёт-истребитель Як-3 — **Jagdflugzeug**

...Густав, светский человек, достал из бумажника свою фотографию 41-го года. Молоденький щеголеватый офицер военно-воздушных сил стоит, опираясь на тросточку, среди горелых «**ястребков**». С. 281.

...doch Gustav war ein weltgewandter Mann und holte ein Foto von 1941 aus der Brieftasche. Ein junger eleganter Offizier in der Uniform der Luftwaffe steht, auf einen Stock gestützt, zwischen ausgebrannten **Jagdflugzeugen**. S. 324.

– **кубарь** — **квадрат** — **Rechteck**

...оба имели лейтенантское звание, полученное в университетские годы, красные **кубари** блестяли в петличках новеньких гимнастёрк. С. 29.

...beide hatten den Rang eines Leutnants aus ihrer Studienzeit an der Universität. Die roten **Rechtsecke** glänzten am Kragenspiegel der neuen Militärblusen. S. 22.

– **шпала** — **прямоугольник** — **Balken**

В петлицах у него была **шпала** — старший политрук. <...> ...белый полушубок, бурки, это вам не б/у. С. 124.

...hatte er einen **Balken** auf den Kragenspiegeln, das hieß, er war Oberster Politleiter. <...> ...in weißem Halbpelz und Filzstiefeln mit Ledersohle <...> das waren keine gebrauchten Sachen mehr. S. 136.

— «**блондинка**» — **пшённая каша**

Кормили пшённой кашей, той самой «**блондинкой**», которая осточертела, и ещё шпротами, почему-то склады были полны плоских коробок шпрот. Проблема брюха на фронте стала занимать всё больше места. С. 113.

Sie ernährten uns mit **Kascha**, die einem schon zum Halse rausging, und mit Sprotten, da die Lager aus irgendeinem Grunde voll von flachen Konservendosen mit Sprotten waren. Das Ernährungsproblem gewann an der Front immer größere Bedeutung. S. 123.

Названным единицам не находится просторечных эквивалентов в языке принимающей культуры и субкультуры. Этот стилистически низший слой военного просторечия практически целиком принадлежит социальной группе отечественных фронтовиков, служит маркером принадлежности к периоду Великой Отечественной войны. Благодаря военной публицистике, мемуарной и художественной литературе эти единицы повседневного общения в «своей» среде во многом усвоены общенародным языком, и только отдельные локально ограниченные слова поясняются авторами соответствующих текстов.

Перевод этих и им подобных единиц военно-профессионального просторечия эквивалентными средствами невозможен не только в силу их социально-групповой принадлежности и, значит, уникальности в исходном языке, но и по стилистическим причинам. Убедиться в этом нетрудно, открыв любой двуязычный словарь разговорной речи или военного жаргона, где для названных единиц предлагаются не эквиваленты, а интерпретации, порой многословные. Вынужденный отказ от поиска стилистически одноуровневых средств в языке перевода получает обоснование в теории языка и перевода. В силу объективной межъязыковой асимметрии в сопоставляемых языках может не найтись одноуровневых стилистических средств, и тогда переводчик прибегает к приёму стилистической эквиваленции, который направлен не на сохранение стилистического значения, а на его нейтрализацию. Межъязыковая асимметрия «особенно отчётливо проявляется в тех случаях, когда исходное высказывание построено с использованием просторечных, стилистически сниженных элементов» [Гарбовский, 2004, с. 414]. Приведём примеры поиска стилистической эквиваленции:

— **нейтральная, нейтралка** — **нейтральная полоса** — **Niemandsland**

Нейтральная была заминирована нашими ещё осенью, потом её минировали немцы, потом снова наши. С. 132.

Das Niemandsland war von uns im Herbst vermint worden, danach hatten die Deutschen dort alles vermint, dann wieder Unsere. S. 146.

Снег прикрыл всю грязь **нейтралки**, воронки, разбитую по-лоторку. С. 113.

Der Schnee verbarg den ganzen Dreck **des Niemandslandes**, die Granattrichter und den zerstörten Anderthalbtonner. S. 123.

– **штрафбат** — **штрафной батальон** — **Strafbataillon**

Впрочем, мне плевать, после фронта всё нипочём. В **штрафбат** не пошлёте. С. 214.

Außerdem konnten sie mich alle mal, nach der Front waren das alles Kinkerlitzchen. Ins **Strafbataillon** werden könnten sie mich nicht schicken. S. 243.

– **ванька-взводный** — **командир взвода**

...Имей в виду, милый мой, — ласково сказал начальник штаба, — не обеспечишь — разжалуем, **ванькой взводным** пойдёшь. <...> Я тебе приказываю с ходу прорываться. Понятно? На полном ходу. С. 175.

„Dir werd ich’s zeigen, von wegen, da bleibt man stecken! Vergiss nicht, mein Lieber“, sagte der Stabschef sanft, „wenn du das nicht hinkriegst, wirst du degradiert, dann marschierst du als **gemeiner Soldat im Zug**. <...> Ich befehle dir, in voller Fahrt durchzuschlagen. Verstanden? In voller Fahrt“.

Поясним некоторую неточность в переводе. *Ванька-взводный* — это не «рядовой солдат во взводе» — *gemeiner Soldat im Zug*, как интерпретирует это понятие переводчик, а командир взвода. В описываемом эпизоде начальник штаба армии в случае невыполнения задачи грозит командиру батальона майору Голубцову разжаловать его из старших офицеров в младшие и назначить на низшую офицерскую должность, какой в иерархии строевых подразделений пехоты была должность командира взвода.

В другом месте романа переводчик прочитывает эту единицу военного жаргона правильно, предлагает в качестве эквивалента пояснение — *ein einfacher Zugführer* («обычный командир взвода»), затем уточняет — *kein hohes Tier* («невелика птица»):

– А он тебе кто?	„Was bedeutet er dir?“
– Да никто, командир взвода он в моей роте был.	„So viel nun auch wieder nicht, er war Zugführer in meiner Kompanie.“
– Ванька-взводный, да это невелика птица... С. 241.	„Ein einfacher Zugführer, das ist kein hohes Tier...“ S. 276.

И всё же приём стилистической эквиваленции не исключает возможности поиска эквивалентов в сопоставимых стилистических пластах. Например, для словоформы «сорокапятки» в тексте перевода находится эквивалент, по своей форме принадлежащий к разговорной речи:

– «сорокапятки» — противотанковые пушки калибра 45 мм

Несмотря на строжайшие приказы, к весне 1942 года мы съели всех лошадей... <...> Кониная даже маленькими кусочками делала нашу супокашу роскошным блюдом. Но заменить лошадей не могли, даже «сорокапятки» с трудом перемещали вручную на новые позиции. С. 180.

Ungeachtet strenger Verbote hatten wir bis zum Frühjahr 1942 alle Pferde verspeist, zuerst die der Artillerie, danach die der Nachschubabteilung oder wie sie sich nannte. <...> Bereits kleine Stückchen Pferdefleisch machten unsere wässrige Kascha zu einer Luxusspeise. Aber für die Pferde gab es keinen Ersatz, sogar **die 45er-Geschütze** mussten wir mühsam selbst zu den neuen Positionen schleppen. S. 201–202.

Те же противотанковые пушки калибра 45 мм (и 76 мм, как свидетельствует автор) имели и другое говорящее название — «Прощай, Родина!»:

...они кое-как справлялись с пушечками 45 и 76 мм — «**Прощай, Родина!**». С. 111.

...sie waren gerade mal so mit 45- und 76-mm-Kanonen zurechtkommen, die wir „**Heimat, leb wohl!**“ nannten. S. 121.

В тексте перевода романа на немецкий язык, если оценивать его с позиций отражения контактов на уровне культур и субкультур, можно отметить немногочисленные неточности воспроизведения наименований реалий, однако судить по ним о степени освоенности инокультурных элементов в языке перевода нельзя. Любая неточность в переводе субъективна, и только сопоставление оригинальных текстов и текстов переводов, энциклопедических материалов и переводных словарей может обеспечить наиболее полное воспроизведение иноязычной картины мира в принимающей культуре.

Наши рассуждения о том, как отечественные фронтовые реалии находят место в языковой картине мира принимающей культуры в процессе перевода на немецкий язык, ограничены материалом одного романа и работой одного переводчика. Дальнейшие исследования в этом направлении могут быть продолжены на материале переводов других романов о войне, военной публицистики, научных исследований немецких военных историков, энциклопедических и лексикографических изданий.

Список литературы

БТС: Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

BTS: Bolshoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language] / Sost i gl. red. S.A. Kusnezov. SPb.: Norint, 2000 (in Russian).

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
- Garbovsky, Nikolay.* Teorija perevoda [Theory of translation]: Uchebnik. М.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004 (in Russian).
- Опарина Е.О.* Реалия // Основные понятия переводоведения (отечественный опыт): Терминологический словарь-справочник / Отд. языкознания. Отв. ред. М.Б. Раренко. М., 2010. (Сер.: Теория и история языкознания). С. 166–170.
- Oparina, Jelena.* Realiya [Culture-specific concept] // Osnovnye ponyatiya perevodovedeniya (otechestvennyi opyt): Terminologicheskij slovar'-spravochnik / Otd. yazykoznanija. Otv. red. M.B. Rarenko. M., 2010. (Ser.: Teoriya i istoriya yazykoznanija). S. 166–170 (in Russian).
- Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978.
- Jakobson, Roman.* O lingvisticheskikh aspektah perevoda [Linguistic aspects of translation] // Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike. М.: Mezh-dunarodnye otnosheniya, 1978 (in Russian).
- BT-Baureihe (schnelle Panzer). URL: <http://zweiter-weltkrieg-lexikon.de/sowjetunion/150-panzer-und-gepanzerte-fahrzeuge-der-sowjetunion/1068-bt-baureihe-schnelle-panzer>
- Duden online. URL: <http://www.duden.de/woerterbuch>
- Sowjetische Partisanen in Weißrußland: Innenansicht aus dem Gebiet Baranowiči, 1941–1944: Eine Dokumentation / Hrsg. von Bogdan Musial. München: R. Oldenburg, 2004. 71 s.

Источники

- Гранин Д.* Мой лейтенант; Зубр: Романы. М.: Эксмо, 2014. 672 с. (Библиотека всемирной литературы).
- Granin, Daniil.* Mein Leutnant: Roman. Aus dem Russischen von Jekatherina Lebedewa. Mit einem Vorwort von Bundeskanzler a.D. Helmut Schmidt. Berlin: Aufbau Verlag, 2015. 329 s.

Чжоу Цзиньхуэй,

старший преподаватель Школы иностранных языков Дацинского педагогического университета, г. Дацин, провинция Хэйлуцзян, Китай;
e-mail: zhoujinhuiyuyu@163.com

ПЕРЕВОД ТЕРМИНОВ С СУФФИКСОМ *-ИЗМ* С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ

В статье рассматривается вопрос перевода терминов с суффиксом *-изм* с русского языка на китайский. На основе статистических данных и трёх моделей словообразования терминов с суффиксом *-изм* исследуются варианты таких терминов путём анализа многочисленных примеров. В статье обсуждаются принципы перевода терминов с суффиксом *-изм* с русского языка на китайский.

Ключевые слова: термины с суффиксом *-изм*, перевод с русского языка на китайский, словообразование, варианты перевода, принципы перевода.

Zhou Jin-hui,

Lecturer, working in Department of Russia, School of Foreign Languages, Daqing Normal University, Heilongjiang, China; e-mail: zhoujinhuiyuyu@163.com

RUSSIAN-TO-CHINESE TRANSLATION OF TERMS WITH THE *-ISM* SUFFIX

Russian-to-Chinese translation of terminology with the *-ism* suffix is the focus of this paper. Large amounts of statistical data analysis demonstrate that the Russian suffix *-ism* has various meanings and can be ambiguous. Basically, there are 3 word-forming models of the Russian terminology with the *-ism* suffix, namely: noun + *-ism*, adjective + *-ism*, and verb + *-ism*. On this basis, the author proposes some translation methods concerning the suffix *-ism* and concludes that there are six translation principles in translating it, viz. the principle of accuracy, the principle of specialization, the principle of understandable Chinese, the principle of convention, the principle of context, and the principle of illustration.

Key words: terminology with the *-ism* suffix, Russian-to-Chinese translation, word formation, translation methods, translation principles.

Настоящая статья посвящена изучению структурно-морфологической организации имён существительных в китайском и русском языках. При этом рассматриваются их семантические и когнитивные свойства на материале словообразовательной категории суффиксальных существительных.

В русском языке имеется много терминов с суффиксом *-изм*. В «Обратный словарь русского языка» (М., 1974) включено 675 таких терминов, а в онлайн-словарь Wiki-словарь — 847. Они встречаются почти во всех областях общественных и естественных наук. В раз-

ных областях и контекстах они имеют разные значения: одни отражают аспекты национальной культуры, в других отражаются черты эпохи. Однако при переводе с русского языка на китайский суффикс *-изм* часто механически переводят как 主义 (чжуи).

Мы справились в «Большом русско-китайском словаре» (БРС) под редакцией лингвистов Хэйлунцзянского университета (1985 и 2001 гг.) и обнаружили, что в этих двух редакциях кроме 主义 (чжуи) суффикс *-изм* ещё обозначает 论 (лунь), 派 (пай), 教 (цзяо), 说 (шо), 制度 (чжиду), 运动 (юаньдун), 词语 (цыюй), 崇拜 (чунбай), 歧视 (циши) и т.д.¹

Таблица 1

Перевод суффикса *-изм* в «Большом русско-китайском словаре» (БРС) 1985 г.

Перевод	主义 чжуи	论 лунь	派 пай	词语 цыюй	制度 чжиду	教 цзяо	说 шо	运动 юань- дун	方法 фан- фа	性 син	崇拜 чун- бай	其它 дру- гие
Число	215	65	31	30	28	23	21	18	12	12	8	273
Частотность (%)	29,2	8,8	4,2	4,1	3,8	3,1	2,6	2,4	1,6	1,6	1,1	37,1

Таблица 2

Перевод суффикса *-изм* в «Большом русско-китайском словаре» (БРС) 2001 г.

Перевод	主义 чжуи	论 лунь	派 пай	词语 цыюй	制度 чжиду	教 цзяо	说 шо	运动 юань- дун	方法 фан- фа	性 син	崇拜 чун- бай	其它 дру- гие
Число	230	66	30	30	24	24	19	20	12	13	7	320
Частотность (%)	28,9	8,3	3,8	3,8	3,0	3,0	2,4	2,5	1,5	1,6	0,9	40,3

Из анализа табл. 1 и 2 следует, что только примерно в 30% случаев суффикс *-изм* обозначает 主义 (чжуи). Известно, что с распространением учения марксизма в конце XIX — начале XX в. в Китае, особенно после Октябрьской революции 1917 г., в китайском языке появилось много терминов с суффиксом 主义 (чжуи), таких как 马克思主义 (марксизм), 列宁主义 (ленинизм), 社会主义

¹ Статистические подсчёты частотности названных суффиксов мы осуществили в 2005 г.

(социализм), 共产主义 (коммунизм), 布尔什维克主义 (большевизм), 自由主义 (либерализм), 帝国主义 (империализм). И примерно с этого времени многие рассматривают 主义 (чжуи) как эквивалентный перевод суффикса *-изм*.

В китайском языке многие иероглифы образуются по модели «часть, обозначающая форму иероглифа, и часть, обозначающая её произношение». Приведём примеры:

王 (часть, обозначающая форму иероглифа) + 里 (часть, обозначающая произношение иероглифа) → 理 (ли);

忄 (часть, обозначающая форму иероглифа) + 青 (часть, обозначающая произношение иероглифа) → 情 (цин);

讠 (часть, обозначающая форму иероглифа) + 平 (часть, обозначающая произношение иероглифа) → 评 (пин).

Под влиянием такой модели словообразования китайской иероглифики некоторые переводчики, особенно китайские, при передаче терминов с суффиксом *-изм* с русского языка на китайский соединяют значение корней русских слов и морфемы 主义 (чжуи). Например:

Пифагор 毕达哥拉斯 + *-изм* → пифагореизм 毕达哥拉斯主义 (перевод в БРС, 1985) (правильный перевод: 毕达哥拉斯学派);

эвдемон/ия 幸福 + *-изм* → эвдемонизм² 幸福主义 (перевод в БРС, 1985) (правильный перевод: 幸福论);

центр 中间 + *-изм* → центризм 中派主义 (перевод в БРС, 1985) (правильный перевод: 中派);

Байрон 拜伦 + *-изм* → байронизм 拜伦主义 (правильный перевод: 拜伦风格);

канцеляр/ский 公文的 + *-изм* → канцеляризм 公文主义 (правильный перевод: 公文用语, 公文腔).

Известны случаи терминообразования с суффиксом *-изм*, когда значение терминов действительно слагается из значения корней слов вместе с суффиксом 主义 (чжуи), например:

символ 象征 + *-изм* → символизм 象征主义;

капитал 资本 + *-изм* → капитализм 资本主义;

Маркс 马克思 + *-изм* → марксизм 马克思主义;

реал/ьный 现实的 + *-изм* → реализм 现实主义.

Суффикс *-изм* происходит из греческого и латинского языков, является продуктивным суффиксом в словообразовании специальной терминологии в научном и газетно-публицистическом стилях речи. Согласно словообразованию термины с суффиксом *-изм* мо-

² Эвдемонизм (от греч. *eudaimonia* — счастье) — философско-этическая традиция и жизненная установка, согласно которым единственным или высшим (более предпочтительным, чем все остальные) человеческим благом является счастье [Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2004].

гут быть представлены через три способа моделирования: корень имени существительного с суффиксом *-изм*; корень имени прилагательного с суффиксом *-изм*; корень глагола с суффиксом *-изм*. Приведём примеры:

идеал + *-изм* → идеализм;
Прудон + *-изм* → прудонизм³;
католик + *-изм* → католицизм;
бандит + *-изм* → бандитизм;
алкоголь + *-изм* → алкоголизм;
идиот + *-изм* → идиотизм;
арха/ический + *-изм* → архаизм;
лир/ический + *-изм* → лиризм;
отозвать (отзов/ут/) + *-изм* → отзовизм⁴.

От суффикса *-изм* производится суффикс *-онизм*, который может сочетаться с корнями имён существительных и образовывать новые имена существительные, например:

абстракции/я/ + *-онизм* → абстракционизм⁵;
экспресси/я/ + *-онизм* → экспрессионизм⁶;
экспанси/я/ + *-онизм* → экспансионизм.

Суффикс *-изм* может соединяться с корнями имён существительных и образовывать новые имена существительные, которые можно представить шестью моделями. Все модели отличаются друг от друга разнообразием переводческих стратегий.

Имена существительные, которые называют направления, системы, связанные с предметом или явлением (символизм, экономизм, объективизм, субъективизм, натурализм и др.), обычно переводят на китайский язык как 主义 (чжуи) и 派 (пай). Проанализируем следующие микротексты:

---

³ Разновидность мелкобуржуазного социализма, основу которой составляют философские и социологические взгляды П.Ж. Прудона; мелкобуржуазное социальное реформаторство, не затрагивающее основ капитализма [Большая советская энциклопедия. М., 1969–1978].

⁴ Возникшее после революции 1905–1907 гг. оппортунистическое течение в РСДРП, требовавшее отзыва социал-демократических депутатов из Государственной думы, отказа от легальных форм массовой партийной работы и фактически проводившее политику изоляции партии от рабочего класса [Малый академический словарь. М.: Институт русского языка Академии наук СССР, 1957–1984].

⁵ Абстракционизм (лат. *abstractio* — отвлечение) — направление в искусстве XX в., прежде всего живописи, отказавшейся от изображения форм реальной действительности. Эстетическое кредо абстракционизма было изложено В. Кандинским [Большой толковый словарь по культурологии. М., 2003].

⁶ Экспрессионизм (лат. *expressio* — выражение) — направление в литературе и искусстве 1-й четв. XX в., провозгласившее единственной реальностью субъективный духовный мир человека, а его выражение — главной целью искусства [Большой толковый словарь по культурологии].

(1) Марксизм возник в конце XIX в. в Европе. Это материалистическое учение было разработано в Англии немецкими учёными Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Основой марксизма является многотомный труд Карла Маркса «Капитал», стержнем которого является учение о прибавочной стоимости [http://investments.academic.ru/1135].

Перевод: 马克思主义 19 世纪末产生于欧洲。这种唯物主义学说由德国学者卡尔·马克思和弗里德里希·恩格斯在英国创立。马克思主义学说的基础是卡尔·马克思创作的核心内容为剩余价值学说的多卷本“资本论” (перевод мой. — Ч.Ц.).

(2) Перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический — результат действия внутренних закономерностей капитализма [http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/80834].

Перевод: 垄断资本主义发展成为国家垄断资本主义是资本主义内在规律作用的结果 (перевод мой. — Ч.Ц.).

(3) Примитивизм — это направление в искусстве, использующее формы первобытных, ранних или примитивных стилей [http://tolkslovar.ru/p19385.html].

Перевод: 原始派是一种艺术流派，他们（在作品中）主要采用原始的、自然天成的艺术形式 (перевод мой. — Ч.Ц.).

Подчёркнутые слова в русском и китайском тексте мы считаем полными эквивалентами. В микротекстах (1) и (2) суффикс *-изм* переводится как 主义 (чжуи), а в микротексте (3) он передаётся как 派 (пай).

Имена существительные, которые представляют собой названия политических, научных и эстетических направлений, связанные с именами собственными, часто переводят на китайский язык как 主义 (чжуи), 学说 (сюешо), 精神 (цзин шэнь), 风格 (фэнгэ). Приведём некоторые примеры: бакунизм, махизм, троцкизм, фрейдизм, дарвинизм, гамлетизм, байронизм. Проанализируем следующие микротексты:

(4) В число политических требований они не включили всеобщее избирательное право. В этом сказывалось пренебрежение к представительным учреждениям, наваянное бакунизмом [Пономарёв, 1982, с. 86].

Перевод: 他们所提出的政治要求不包括普选权、这说明他们象巴枯宁主义所鼓吹的那样藐视代议机关 [中央编译局译, 1975 年, 102 页 (Бюро переводов при ЦК КПК, 1975, с. 102)].

(5) Основное в дарвинизме — это учение об естественном и искусственном отборе [Лысенко, 1952, с. 396].

Перевод: 达尔文学说最基本的是关于自然选择和人工选择的理论 [傅子祯译, 1956 年, 437 页 (Фу Цзычжэнь, 1956, с. 437)].

(6) Байронизм — это литературно-общественное течение первой трети XIX в., характеризующееся романтическим индивидуализмом, идеей национального освобождения и политическим протестом против феодально-монархического режима [<http://enc-dic.com/lit/Baronizm-479>].

Перевод: 拜伦风格是 19 世纪 30—40 年代的一种文学流派, 他们推崇浪漫社会主义, 主张民族解放, 以政治抗议的形式发对封建君主专制制度 (перевод мой. — Ч.Ц.).

(7) В 1830-е годы гамлетизм трактовался как «горе от ума», в 1840—1860-е годы понятие гамлетизма связывается с возникшим на русской почве образом «лишнего человека». Хотя в новом Гамлете ещё отмечаются положительные черты, но, в целом, он жалок и даже отталкивающе неприятен [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Kablukov_Hamlet].

Перевод: 19 世纪 30 年代哈姆雷特精神被认为是一种“聪明误”, 40—60 年代人们常把哈姆雷特精神跟产生在俄罗斯大地上的“多余人”形象联系在一起。虽然在新的“哈姆雷特”身上有一些正面的特征, 但总的来说他都是可怜的, 甚至令人讨厌的 (перевод мой. — Ч.Ц.).

Подчёркнутые слова в русском и китайском тексте выражаются как полные эквиваленты. В микротексте (4) суффикс *-изм* переводят как 主义 (чжуи); в микротексте (5) он обозначает 学说 (сюешо); в микротексте (6) он передаётся как 风格 (фэнгэ); в микротексте (7) он имеет значение 精神 (цзиншэнь).

Имена существительные, называющие религии, всегда переводят на китайский язык как 教 (цзяо), например буддизм, ламаизм, иудаизм, друидизм⁷, шаманизм⁸. Проанализируем следующие микротексты:

(8) Сейчас есть люди, называющие себя друидами (по названию кельтских жрецов). Одни из них пытаются реконструировать веру древних кельтов. Другие работают непосредственно в культурно-природных местах, чтобы создать новый друидизм [<http://www.celt.newmail.ru/druids.htm>].

Перевод: 现在有人称自己为德洛伊 (凯尔特人的祭师)。他们中的一部分人试图重建古凯尔特人的信仰, 而另一部分人则直接在半文明的社会准备建立新的德洛伊教 (перевод мой. — Ч.Ц.).

---

⁷ Учение и религия друидов, состоявшие в обожествлении звёзд, которые соотносились с определёнными божествами кельтского пантеона, каждому из которых было посвящено определённое дерево [Толковый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. М., 2000].

⁸ Ранняя форма религии. Основывается на представлении о сверхъестественном общении служителя культа — шамана с духами во время ритуала камлания (сопровождается пением и ударами в бубен). Основная форма шаманизма — лечение больных [Большой толковый словарь по культурологии].

(9) Буддизм является древнейшей религией в Китае. Буддизм был объединён с даосизмом и народной религией [http://www.chinahighlights.ru/culture/buddhism.htm].

Перевод: 佛教是中国最古老的宗教。它融合了道教和其它一些民间宗教的思想 (перевод мой. — Ч.Ц.).

Подчёркнутые слова в русском и китайском тексте — полные эквиваленты. В этих двух примерах суффикс *-изм* переводится как *цзяо*).

Имена существительные, которые называют качества, направления, системы, связанные с человеком, часто переводят на китайский язык как 主义 (чжуи), 行为 (синвэй), 制度 (чжиду): большевизм, нацизм, терроризм, радикализм⁹, героизм, патриотизм, царизм, фордизм¹⁰ и др. Проанализируем следующие микротексты:

(10) Не большевизм, а худшая политическая карикатура на него, которую только мог бы придумать злейший его политический противник [Ленин, 1972, с. 328].

Перевод: 不是布尔什维主义而是糟糕的政治漫画在丑化他, 这些政治漫画只有他那些恶毒的政治对手才会想出来 [中央编译局译, 1988年, 389页 (Бюро переводов при ЦК КПК, 1988, с. 389)].

(11) Представитель армии Саудовской Аравии Ахмед Асири во вторник заявил, что саудовская армия и вооружённые силы союзников приняли решение прекратить авиаудары по Йемену и с 22 числа начнут операцию под кодовым названием «Возрождение надежды». Основными задачами операции станут борьба с терроризмом и поиск политического пути урегулирования кризиса [«Жэньминь жибао онлайн» на русском языке от 23 апреля 2015 г.].

Перевод: 沙特军方发言人艾哈迈德·阿西里周二宣布, 沙特军队和盟军决定停止空中打击也门, 从 22 号起开始“恢复希望”行动。这次行动的任务是打击恐怖主义和寻求解决危机的政治途径 [人民日报 2015 年 4 月 23 日 («Жэньминь жибао онлайн» на китайском языке от 23 апреля 2015 г.)].

(12) Субъектом бандитизма является вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие в составе банды преступления, ответственность за которые предусмотрена с 14-летнего возраста, отвечают по соответствующим статьям УК РФ [УК РФ, статья 209].

⁹ Радикализм (от позднелат. *radicalis* — коренной, лат. *radix* — корень) — буквально бескомпромиссное стремление идти до конца, добиваться коренных изменений и наиболее полных результатов в любой преобразовательной деятельности [Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под ред. В.С. Стёпина. М.: Мысль, 2001].

¹⁰ Система организации массово-поточного производства, возникшая в США в 1-й четверти XX в. Названа по имени американского инженера и промышленника Г. Форда (H. Ford, 1863–1947), который впервые ввёл её на своих автомобильных заводах в г. Ривер-Руж и Дирборн (США) [Большая советская энциклопедия].

Перевод: 土匪行为的犯罪主体是年满 16 周岁具有刑事责任能力的人。14–16 岁参与土匪犯罪的参照俄罗斯联邦刑法关于 14 岁以上人员犯罪的相关条款认定责任 [黄道秀译, 2008 年, 俄罗斯联邦刑法法典 209 条 (Хуан Даосю, 2008, статья 209 УК РФ)].

(13) В Англии, как и в других странах Европы, развивался феодализм. Королевство было единым только по названию, а на самом деле распалось на ряд почти независимых областей [Косминский, 1963, с. 4].

Перевод: 在英国也象在欧洲的其它国家一样, 封建制度发展起来了。王国曾只是徒有其名, 而实际上在一系列独立部门都已经分崩离析 [何清译, 1991 年, 7 页 (Хэ Цин, 1991, с. 7)].

Подчёркнутые слова в русском и китайском тексте выражаются здесь как полные эквиваленты. В микротекстах (10) и (11) суффикс *-изм* переводят как 主义 (чжуи), в микротексте (12) он передаётся как 行为 (синвэй), а в микротексте (13) — как 制度 (чжиду).

Имена существительные, которые обозначают склонность человека к чему-либо, а также виды спорта, обычно переводят на китайский язык как 癮 (инь), 癖 (пи), 狂 (куан), 运动 (юаньдун), например морфинизм, алкоголизм, эксгибиционизм, садизм, альпинизм, планеризм. Проанализируем следующие микротексты:

(14) В 1874 г. появился термин «морфинизм», а врачи стали думать, чем лечить морфиновую зависимость. На этот раз отличился отец психоанализа Зигмунд Фрейд: он одним из первых предложил давать морфинистам «безвредный» кокаин — препарат из листьев заокеанской коки [http://narcolog.com.ua/drug/treatment/zapad_davno_ot_82.html].

Перевод: 1874 年首次出现了“吗啡癮”这一术语, 医生们也开始思考用什么方法可以治疗吗啡依赖症。在这方面研究脱颖而出的是心理分析之父弗洛伊德。他是最先提出从国外进口的可可树叶中提取“无毒”可卡因治疗吗啡癮的人之一 (перевод мой. — Ч.Ц.).

(15) Впервые о сализме¹¹ мир узнал из сочинений французского писателя маркиза де Сада, а в научном обиходе этот термин появился в монографии Крафт-Эбинга, изданной в 1886 г. [http://womanadvice.ru/sadizm].

Перевод: 世人最初是从法国作家萨德侯爵的小说中知道施虐癖这一词, 而在科学语体中这一术语是在克拉夫特·伊宾 1886 年出版的专著中出现 (перевод мой. — Ч.Ц.).

---

¹¹ Стрость к жестокости, наслаждение чужими страданиями. Распространённым проявлением С. является названное по имени французского писателя маркиза де Сада (1740–1814) половое извращение, при котором лицо удовлетворяется, причиняя боль и мучения партнёру [Большой юридический словарь / А.Я. Сухарев, В.Е. Крутских, А.Я. Сухарева. М.: Инфра-М, 2003].

(16) Прыжки с парашютом называют «парашютизм» — это весьма молодой и популярный вид спорта во всём мире; несмотря на то, что парашютизм связан с огромным риском для жизни, а во многом и благодаря этому он привлекает к себе всё больше людей по всему миру [<http://www.borovik.com/index.php?stata=216>].

Перевод: 背着降落伞从飞机上跳下来就叫做跳伞运动, 这是一项新兴的在全世界都很时髦的运动。虽然跳伞运动有很大的风险, 但很大程度上正因为如此才吸引了越来越多的人参与 (перевод мой. — Ч.Ц.).

Подчёркнутые слова в русском и китайском тексте выражаются как полные эквиваленты. В микротексте (14) суффикс *-изм* переводят как 癮 (инь), в микротексте (15) он передаётся как 癖 (пи), в микротексте (16) — как 运动 (юаньдун).

Имена существительные, которые называют преклонение перед кем- или чем-либо, нередко переводят на китайский язык как 崇拜 (чунбай): тотемизм¹², митраизм, сатанизм, русицизм, фетишизм. Проанализируем следующие микротексты:

(17) Избранный вид животных будет покровителем группы, за это его нельзя убивать, надо заботиться о его пропитании и безопасности и благодарить за помощь поклонением и дарами. Так возникает первобытная форма религии, называемая «тотемизм» [Никольский, 1983, с. 46].

Перевод: 选出来的那种动物将成为这个群体的保护人, 因此不能被杀死, 应当照料好它的饮食和保障它的安全, 并且为了感谢它的帮助, 人们必须对它表示尊敬并且送给它礼物, 这样就产生了原始意义上的宗教, 这叫做图腾崇拜 [何士超译, 2000 年, 65 页 (Хэ Шичао, 2000, с. 65)].

(18) Общество в средних веках было составлено из обломков тысячи других обществ. Римская цивилизация и паганизм в нём оставили свои следы, христианская религия несла ему своё учение и торжества [<http://gallicismes.academic.ru/27686>].

Перевод: 中世纪社会是由千百个小社会构成的, 罗马文明和偶像崇拜在中世纪社会中留下了痕迹, 而基督教则带给它自己的教义 (перевод мой. — Ч.Ц.).

Подчёркнутые слова в русском и китайском тексте выражаются как полные эквиваленты. В этих двух примерах суффикс *-изм* переводят как 崇拜 (чунбай).

Суффикс *-изм* также может соединяться с корнями имён прилагательных и образовывать имена существительные, которые можно представить в двух моделях:

---

¹² Одна из ранних форм религии, суть которой составляет вера в существование особого рода мистической связи между какой-либо группой людей (род, племя) и определённым видом животных или растений (реже — явлениями природы и неодушевлёнными предметами) [Новая философская энциклопедия].

1. Имена существительные, имеющие отношение к языку, речи или стилю произведений, например: русизм, латинизм, англицизм, диалектизм, архаизм, канцеляризм, переводят на китайский язык как 词语 (цзыюй), 语风 (юйфэн). Проанализируем следующие микротексты:

(19) Эпоха Ренессанса принесла с собой и сюда (в португальский язык), как всюду, латинизмы, латинизацию орфографии, как попытку грамматически разобраться в португальском на основе латыни [Шишмарёв, 1941, с. 315].

Перевод: 文艺复兴时期葡萄牙语中到处可见拉丁词语和拉丁式的拼写法, 似乎试图在拉丁语的基础上来探究葡萄牙语法 (перевод мой. — Ч.Ц.).

(20) В обществе Жюли, как и во многих обществах Москвы, было положено говорить только по-русски, и те, которые ошибались, говоря французские слова, платили штраф в пользу комитета пожертвований.

— Другой штраф за галлицизм, — сказал русский писатель... [Л. Толстой, 1987, с. 184].

Перевод: 在尤丽的交际圈, 就象在很多莫斯科的交际圈一样, 一度曾只准说俄语, 那些犯错说了法语的, 将被处以罚款交给捐款委员会。“另一种罚款是因为使用了法语语风。”一个俄罗斯作家说 [草婴译, 1992年, 215页 (Цао Ин, 1992, с. 215)].

Подчёркнутые слова в русском и китайском тексте выражаются как полные эквиваленты. В микротексте (19) суффикс *-изм* переводят как 词语 (цзыюй), а в микротексте (20) он передаётся как 语风 (юйфэн).

2. Имена существительные, которые называют общественно-политические, научные, эстетические направления, переводят на китайский язык как 主义 (чжуи), 风格 (фэнгэ), например позитивизм, кубизм, импрессионизм, бытовизм, универсализм. Проанализируем следующие микротексты:

(21) Содержание (произведения) так тесно связано с формой, что пренебрежение к нему быстро влечёт за собою сначала утрату красоты, а потом и полное уродство формы. Для примера опять укажу на декадентство и футуризм¹³ в литературе и ещё, пожалуй, на кубизм в живописи [Плеханов, 1918, с. 7–8].

---

¹³ Футуризм (лат. *futurum* — будущее; букв. «будетлянство» — термин В. Хлебникова), художественное течение в европейском искусстве (поэзии и живописи) начала XX в. Идеолог и основатель футуристского движения, возникшего в 1909 г., — итальянский поэт Ф.Т. Маринетти. Футуризм — разновидность поэтического авангардизма в литературе модернизма. Основную задачу нового искусства футуристы видели в отказе от всех традиций, в разрыве с идеологией и этическими взглядами, выраженными в творчестве всех литературных предшественников [Литература и язык: Современная иллюстрированная энциклопедия / Под ред. А.П. Горкина. М., 2006].

Перевод: 作品的内容是如此紧密的联系形式,以至于人们忽视了作品本身,而首先吸引自己的则是作品的残缺美,然后才是整个外形的怪异,比如说文学上的颓废主义和未来主义以及绘画上的立体主义 [孙静工译, 1990年, 12页 (Сунь Цзингун, 1990, с. 12)].

(22) Но лиризм всё-таки ещё остаётся общим элементом поэзии, потому что он есть общий элемент человеческого духа [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/5788].

Перевод: 抒情(风格)终究是诗歌的共有成分,因为它是人类精神的共同成分 (перевод мой. — Ч.Ц.).

Подчёркнутые слова в русском и китайском тексте выражаются как полные эквиваленты. В микротексте (21) суффикс *-изм* переводят как 主义 (чжуи), а в микротексте (22) он передаётся как 风格 (фэнгэ).

Суффикс *-изм* также может соединяться с корнями глаголов и образовывать имена существительные, которые называют идеи, политические направления и тенденции (например, отзовизм). Их переводят на китайский язык как 主义 (чжуи). Их употребление связано с разговорным стилем речи.

От суффикса *-изм* происходит суффикс *-онизм*. Существительные с суффиксом *-онизм* называют общественно-политические и научные системы, качества, склонности и т.д., например: абстракционизм, протекционизм, экспрессионизм, экспансионизм, изоляционизм Их часто переводят на китайский язык как 主义 (чжуи). Проанализируем следующие микротексты:

(23) Английское правительство уже во времена Адама Смита мало чем, кроме протекционизма, грешило против свободы частной экономической деятельности [<http://gallicismes.academic.ru/31648>].

Перевод: 英国政府还是在亚当·斯密 时期就推行保护主义政策, 禁止私有经济活动 (перевод мой. — Ч.Ц.).

(24) Изоляционизм США и разобщённость Европы обостряют ситуацию на Украине? [<http://tehnovar.ru/7362-izolyacionizm-ssha-i-razobschennost-evropy-obostryayut-situaciyu-na-ukraine-atlantico-franciya.html>].

Перевод: 美国的孤立主义和欧洲的隔离政策加剧了乌克兰的紧张局势吗? (перевод мой. — Ч.Ц.).

Подчёркнутые слова в русском и китайском тексте выражаются как полные эквиваленты. В этих двух примерах суффикс *-изм* переводят как 主义 (чжуи).

По мере развития общества в языке появляется ряд слов с суффиксом *-изм*, имеющих значение «дискриминация»; их переводят на китайский язык как 歧视 (циши). Проанализируем следующие микротексты:

(25) Не мне вам объяснять, что такое расизм и по какому принципу Гитлер отбирал тех, кого убивать, и тех, кому повелевать миром [Успенская, 1953, с. 18].

Перевод: 不必我来解释什么是种族歧视,也不必我来说明希特勒根据什么原则选择杀死一些人,而让另外一些人来统治世界 [王丽欣译, 2001年, 27页 (Ван Лисинь, 2001, с. 27)].

(26) Сексизм так глубоко укоренён в культуре, в обществе, в сознании людей, что его часто просто не замечают. Воспитание в духе сексизма идёт с раннего детства. Если не родители, то, по крайней мере, окружающая среда, общество и традиции приучают мальчиков играть с машинками, а девочек — в куклы. Далее, юноши должны быть сильными и смелыми, а девушки обязаны следить за фигурой, и, наконец, мужчины должны содержать семью экономически, а женщины — следить за порядком в доме [http://www.genon.ru/GetAnswer.aspx?qid=03601264-cf90-4343-996a-7d656efbdd3].

Перевод: 性别歧视是如此深地扎根于我们的文化、社会乃至我们的意识中,因此人们常常没有意识到它。我们从小在脑子里就形成了性别歧视。即使不是父母,至少也是周围的环境、社会或者传统使男孩子们习惯了玩玩具车,而小姑娘则玩洋娃娃。再后来,小伙子们则应该强壮、勇敢,而姑娘们则要注意自己的身材。最后,男人应该养家,而女人则应该遵守家规 (перевод мой. — Ч.Ц.).

Подчёркнутые слова в русском и китайском тексте выражаются как полные эквиваленты. В этих двух примерах суффикс *-изм* переводится как 歧视 (циши).

Таких слов довольно много в английском языке. Приведём несколько примеров: *ageism*¹⁴, *heightism*¹⁵, *lookism*¹⁶, *fattism*¹⁷, *heterosexism*¹⁸, *classism*¹⁹, *speciesism*²⁰, *ableism*²¹. Рассмотрим следующий пример:

(27) Speciesism is the disparate treatment of individual beings, based solely on their species. It is frequently compared to racism or sexism [http://animalrights.about.com/od/animalrights101/a/BasicTenets.htm].

Перевод: 物种歧视指的是仅仅因为不同的物种而区别对待个体。它经常用来与种族歧视、性别歧视相提并论 (перевод мой. — Ч.Ц.).

---

¹⁴ Дискриминация по возрасту.

¹⁵ Дискриминация по росту, особенно дискриминация по отношению к женщинам высокого роста и мужчинам низкого роста.

¹⁶ Дискриминация по внешности.

¹⁷ Дискриминация по отношению к толстым людям.

¹⁸ Дискриминация по отношению к гомосексуалистам.

¹⁹ Классовая дискриминация.

²⁰ Дискриминация по отношению к каким-то видам животных.

²¹ Дискриминация по физической силе, особенно по отношению к инвалидам.

Перевод терминов, с одной стороны, может обогащать родной язык. С другой стороны, неправильный перевод (особенно неправильный перевод некоторых важных терминов) будет разрушать чистоту и нормализацию нашего языка. Так говорил профессор Губ Чжэнкунь (辜正坤), известный китайский лингвист. Таким образом, чтобы правильно перевести термины с суффиксом *-изм*, следует соблюдать ряд принципов.

Верность. Переводчик должен понимать значение каждого слова оригинала и передавать не только смысл, но и дух оригинала (с сохранением нюансов и оттенков высказывания).

Специализация. Перевод должен соответствовать особенностям языка той или иной отрасли. В этой связи требуется, чтобы переводчик овладел отраслевыми терминами. Приведём в качестве примера термин «травматизм». В БРС 1985 г. этот термин переведён как 外伤病 (вайшанбин), а в новой редакции (2001 г.) перевод исправлен на 外伤 (вайшан), поскольку, согласно «Китайской медицинской энциклопедии», выражение 外伤病 (вайшанбин) не употребляется в такой форме.

Соответствие норме китайского языка. Перевод должен соответствовать норме и узусу китайского языка. Кроме того, надо придерживаться принципа «лаконизм китайского языка», стараться выразить значение оригинала как можно короче. Возьмём, к примеру, термин «онтологизм». Этот термин переводили как 本体论主义 (бэньтилунь чжуи). Согласно грамматике китайского языка 论 (лунь) и 主义 (чжуи) не могут сочетаться, потому что в китайском языке 论 (лунь) и 主义 (чжуи) имеют одно и то же значение и их сочетание даёт семантический повтор.

Общепринятость. Перевод должен быть общепринят. В частности, перевод термина «онтологизм» имеет несколько вариантов: 本体论 (бэньтилунь), 本体论主义 (бэньтилунь чжуи), 存在论 (цуньцзайлунь), 万有论 (ваньюлунь), 凡是论 (фаньшилунь), 是论 (шилунь). В китайском языке формулировка 本体论 (бэньтилунь) встречается чаще, чем другие, поэтому при передаче с русского языка на китайский термин «онтологизм» надо перевести как 本体论 (бэньтилунь).

Контекстуализация. Многие термины с суффиксом *-изм* не однозначны, поэтому при передаче с русского языка на китайский следует переводить их на основе контекста. Сравним следующие два примера:

(28) Стоицизм — одна из школ древнегреческой философии, основателем которой был Зенон из Китиона (город на острове Кипр), живший в конце IV — начале III в. до н.э. [http://enc-dic.com/new_philosophy/Stoicizm-1168].

Перевод: 斯多葛学派是古希腊哲学流派之一，它的创立者是生活于公元前4世纪末到3世纪初、来自季蒂昂（塞浦路斯岛上的城市）的芝诺（перевод мой. — Ч.Ц.).

(29) Я думаю, что русскими учёными, их жизнью и работой в годы интервенции и блокады дан миру великолепный урок стоицизма [М. Горький, письмо С.Ф. Ольденбургу, 22 авг. 1925].

Перевод: 我认为俄国学者以他们在外国干涉和封锁年代的生活和工作给世界做出了坚忍不拔的光辉榜样（перевод мой. — Ч.Ц.).

Подчёркнутые слова в русском и китайском тексте мы считаем полными эквивалентами. Как мы видим, слово «стоицизм» в примере (28) обозначает философское учение, а в примере (29) оно говорит о характере человека, и поэтому в данном случае суффикс *-изм* переводится по-разному.

Интерпретация. При переводе иногда нужна сноска или примечание. Возьмём, к примеру, термин «концентризм». Его переводят на китайский язык как 圆周制 (юаньчжоучжи). Наверное, понятие 圆周制 (юаньчжоучжи) недоступно для многих, так что здесь необходимо дальнейшее объяснение термина²².

Термины с суффиксом *-изм* очень активны в русском языке и обладают чертой собственной области, поэтому суффикс *-изм* многозначен, нельзя бессознательно переводить его на китайский язык как 主义 (чжуи), не учитывая особенности разных областей и контекста. В целях достижения правильного перевода суффикса *-изм* на китайский язык нам следует использовать правильные варианты, придерживаясь принципов перевода. В этом случае перевод будет соответствовать оригиналу в полном смысле.

Итак, мы установили различные лексико-тематические группы имён существительных в китайском и русском языках, в морфологической структуре которых присутствует суффикс *-изм* (в русском языке) и незамкнутая система морфем (в китайском языке). При этом мы учитывали когнитивные свойства лексических единиц двух языков, одному из которых (китайскому) присуща динамическая незамкнутая система средств словообразования.

По нашему мнению, только такой подход позволяет проводить сопоставительные когнитивные исследования на материале двух и более языков.

---

²² Термин «концентризм» употребляется в сфере образования. Это система преподавания, при которой один и тот же раздел учебной программы как часть учебного материала повторяется с разной степенью углубления (изучается на нескольких ступенях обучения). (圆周制是教育领域术语, 指的是同一教学科目在不同年级重复教授、逐步深化的一种教学体系。)

Список литературы

- Корытова О.М.* Когнитивное пространство словосращения (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь: ТГУ, 2008. 19 с.
- Korytova, O.M.* Kognitivnoe prostranstvo slovosrashcheniya (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Cognitive Space of Compound Word Formation (on the material of Russian and English)]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Abstract of dissertation ... of Candidate of Philological Sciences]. Tver': TGU, 2008. 19 s. (in Russian).
- Косминский Е.А.* Историография средних веков. М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. 430 с.
- Kosminsky, E.A.* Istoriografiya srednih vekov [The Historiography of the Middle Ages]. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1963. 430 s. (in Russian).
- Ленин В.И.* Полное собрание сочинений (5-е изд.). Т. 15. М.: Политиздат, 1972. 328 с.
- Lenin, V.I.* Polnoe sobranie sochineniy (5-e izd.) [Lenin's Complete Works (the fifth edition)]. T. 15. M.: Politizdat, 1972. 328 s. (in Russian).
- Лысенко Т.Д.* Агробиология. М.: Сельхозгиз, 1952. 396 с.
- Lysenko, T.D.* Agrobiologiya [Agrobiology]. M.: Selhozgiz, 1952. 396 s. (in Russian).
- Никольский Н.М.* История русской церкви. М.: Политиздат, 1983. 448 с.
- Nikol'sky, N.M.* Istoriya russkoy tserkvi [The History of Russian Church]. M.: Politizdat, 1983. 448 s. (in Russian).
- Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли. Пг., 1918. С. 7–8.
- Plehanov, G.V.* Istoriya russkoy obshchestvennoy mysli [The History of Russian Social Ideas]. Petrograd, 1918. S. 7–8 (in Russian).
- Пономарёв Б.Н.* История Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1976. 781 с.
- Ponomaryov, B.N.* Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz [The History of the Communist Party of the Soviet Union]. M.: Politizdat, 1976. 781 s. (in Russian).
- Толстой Л.Н.* Война и мир. Т. 3. М.: Правда, 1987. 184 с.
- Tolstoy, L.N.* Voyna i mir [War and Peace]. T. 3. M.: Pravda, 1987. 184 s. (in Russian).
- Успенская Е.* Наше лето. М.: Молодая гвардия, 1953. 308 с.
- Uspenskaya, E.* Nashe leto [Our Summer]. M.: Molodaya gvardiya, 1953. 308 s. (in Russian).
- Шведова Н.Ю.* Грамматика русского языка. М.: Наука, 1980.
- Shvedova, N.Yu.* Grammatika russkogo yazyka [Russian Grammar]. M.: Nauka, 1980 (in Russian).
- Шишмарёв В.Ф.* Очерки по истории языков Испании. М.: Академия наук СССР, 1941. 315 с.
- Shishmaryov, V.F.* Ocherki po istorii yazykov Ispanii [Essays on the History of Languages of Spain]. M.: Akademiya nauk SSSR, 1941. 315 s. (in Russian).

- 黑龙江大学俄语语言学问研究中心辞书研究所编. 大俄汉词典 (修订本) [M]. 北京: 商务印书馆, 1985. (Институт лексикографии Хэйлунцзянского университета. Большой русско-китайский словарь. Пекин: Коммерческое издательство, 1985.)
- 黑龙江大学俄语语言学问研究中心辞书研究所编. 大俄汉词典 (修订本) [M]. 北京: 商务印书馆, 2001. (Институт лексикографии Хэйлунцзянского университета. Большой русско-китайский словарь. Пекин: Коммерческое издательство, 2001.)
- 许家金. Individualism ≠ individual (个人) + *-ism* (主义) [J]. 中国科技翻译, 2001(3). (*Сюй Цзяцзинь*. Индивидуализм ≠ индивидуал + *-изм* // Научно-технический перевод Китая. Пекин, 2001(3). С. 58–59.)
- 赵伟礼. 英语后缀“-ism”的新义与翻译 [J]. 上海科技翻译, 2002(1), 37–41. (*Чжао Вэйли*. Новые значения суффикса английского языка *-ism* и его перевод // Шанхайский научно-технический перевод. Шанхай, 2002(1). С. 37–41.)

РЕЦЕНЗИИ

«МОСКВА ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ» / A TRANSLATOR'S MOSCOW (Н. Гарбовский, О. Костикова)

«Москва переводческая» / A Translator's Moscow (авторы Н. Гарбовский, О. Костикова) представляет собой уникальное двуязычное издание с параллельными текстами на русском и английском языках, посвящённое памятным местам Москвы, связанным с деятельностью переводчиков.

Это — своеобразный путеводитель, где кратко описываются объекты в Москве, так или иначе связанные с переводческой деятельностью, с историей перевода и с сегодняшним днём московских переводчиков.

В книге описывается местоположение и приводятся адреса основных объектов города, в которых в разные периоды происходили важные события, связанные с развитием русской словесности и переводом. При этом авторы никоим образом не претендуют на то, чтобы дать исчерпывающие сведения об истории перевода в Москве и сегодняшней деятельности переводчиков.

Издание снабжено иллюстрациями, отражающими историческое прошлое и настоящее московского перевода.

Книга представляет интерес для широкого круга российских и зарубежных читателей.

При работе над книгой использованы отдельные иллюстративные и текстовые материалы, подготовленные студентами и преподавателями Высшей школы перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, в частности доцентом Е.Г. Торсуковым, Г. Полещуком, а также студентами А. Воюцкой, К. Гуськовой, Д. Зигмантович, А. Зубаревой, А. Радько, Д. Скребцовой, в рамках семинара по теории, истории и методологии перевода.

Переводы текстов на английский язык осуществлялись выпускниками Высшей школы перевода и преподавателями А.Р. Алевич, А.С. Сериковой, С.Е. Серковой, М.О. Тобис под руководством К.В. Матакова и под редакцией профессора К. Роусон-Джонса.

“A Translator's Moscow” by Nikolai Garbovsky and Olga Kostikova is a unique bilingual edition with parallel texts in Russian and English, devoted to unforgettable places in Moscow that are connected with the activities of translators.

It is, in a way, a guidebook, which briefly describes places of Moscow related in this or that way to translation activity, the history of translation and the contemporary work of Moscow translators and interpreters.

The book gives the addresses and describes the location of the main sites where important events connected with the development of Russian philology and translation took place in various periods of time. However, the authors do not claim that the data on the history of translation in Moscow and current translation activity is exhaustive.

The edition contains artwork illustrating the historical past and present of translation in Moscow.

The book is of interest for a wide range of Russian and foreign readers.

The materials used in the book have been prepared by students and teachers of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University: associate professor Evgeniy Torsukov, Aleksandra Voyutskaya, Kseniya Gus'kova, Anastasiya Rad'ko, and Daria Zigmantovitch — within the framework of a seminar on the theory, history and methodology of translation.

Photos were taken by Grigorii Poleschuk, Aleksandra Zubareva, Daria Skrebtsova, etc.

English translation: Kirill Matakov (head of the translation team), Anissa Alevich, Anastasiya Serikova, Stanislava Serkova and Maria Tobis.

Editing: professor Keith Rawson-Jones.

The authors express their gratitude to everybody who contributed to this project's implementation.

Журнал публикует предисловие к книге «Москва переводческая»

Москву называют Третьим Римом. И если *Первый Рим* — это аллегория Запада, а *Второй*, Константинополь, — Востока, то Москве — Третьему Риму, видимо, история уготовила миссию посредника между Востоком и Западом.

Находясь на перекрёстке торговых путей, Москва издревле оказывалась центром международного общения, где многоязычие и культурное разнообразие способствовали культурному и духовному обогащению жителей будущего мегаполиса. Черпая знания из сокровищницы мировой культуры на начальном этапе становления государства российского, молодая Москва постепенно превращалась в мировой центр науки и культуры. Спустя столетия Москва щедро делится духовными ценностями, созданными на этой земле. И тогда, и теперь основную роль в передаче культурного наследия играют переводчики.

Где жила и трудилась эта братия в нашем городе, где создавала шедевры переводного литературного искусства, где помогала раз-

решать непростые международные, межкультурные и межконфессиональные политические и идеологические разногласия, где готовила себе молодую смену?

Предлагаемая читателям книга построена по топографическому принципу: авторы предлагают виртуальное путешествие по историческим районам Москвы, где работают сегодня или работали в разные исторические периоды переводчики, где переводили и издавали книги, где обучались своему непростому искусству.

Как и первые два Рима, Москва расположена на семи холмах. По загадочному и счастливому совпадению маршруты к местам, важным в истории перевода в нашем городе, нередко выводят нас к московским холмам — Боровицкому, Тверскому, Лефортовскому, Таганскому, Воробьёвым горам...

Авторы предлагают читателям семь виртуальных прогулок по Москве: от исторического центра Москвы — Кремля на Боровицком холме и Китай-города — восточный маршрут ведёт в исторические районы Заяузья и Таганки и далее в Лефортово, южный — в Замоскворечье, юго-западный и западный — в Хамовники и на Воробьёвы горы, северный — к исторической Алексеевской слободе, где останавливались на отдых русские цари по пути в Троице-Сергиеву лавру.

В книге «Москва переводческая» история перевода в Москве тесно переплетается с современностью, равно как и в сегодняшнем облике Москвы исторические постройки соседствуют с современными зданиями. Разумеется, Москва — динамично развивающийся город, переживший многие пожары, войны, революции, смены идеологий и режимов и другие социальные потрясения, которые не могли не отразиться на её облике. Поэтому многие исторические памятники, значимые для истории перевода в русской столице, можно лишь представить в своём воображении. Нет уже домов переводчиков, живших в XVI в. на улицах Татарской и Толмацкой слобод в Замоскворечье. Не сохранились дома переводчиков Петровской эпохи ни в Немецкой слободе, ни в Лефортове. Но память о них сохранена в топонимике Москвы.

Книга охватывает практически все сферы переводческой деятельности: политическую и дипломатическую, научную, техническую и военную, художественную и сакральную, информационную, организаторскую и образовательную.

«Переводчики — почтовые лошади просвещения», — написал А.С. Пушкин в одной из своих записок. Эта крылатая фраза стала лозунгом российских переводчиков, как нельзя лучше характеризующим великую цивилизаторскую миссию переводческой братии.

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10–15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текст в программе Word.

Требования к статье:

— необходимо предоставить 2 рецензии: от доктора наук и кандидата наук или от двух докторов наук;

— текст отправляется по электронной почте на адрес: vestnik22@mail.ru;

— данные *об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, должность, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

— необходима *аннотация* (5–10 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо дополнительно представить в формате PDF или JPG;

— *примечания* в виде подстраничных сносок. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [ibid., p. 123] для иноязычных источников;

— *список литературы* (TNR 11, слова «Список литературы» TNR 11, полужирный курсив) сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов (сначала российские авторы и переводные издания, затем зарубежные авторы). Библиографическое описание даётся в следующем порядке: фамилии и инициалы авторов, полное название монографии, место издания, издательство, год издания, страницы; для периодических изданий — фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала, год выпуска, том, номер, страницы. Все русскоязычные публикации в списке литературы должны иметь транслитерацию (рекомендуем пользоваться ресурсом <http://www.translit.ru>) и перевод их названий на английский язык. Необходимо выполнить следующие действия: после каждой русскоязычной ссылки строкой ниже набрать фамилии и инициалы авторов на латинице, транслитерацию названия публикации, в квадратных скобках перевод названия на английский язык, транслитерацию выходных данных, в скобках (in Russian). Ссылки на иностранных языках остаются только в оригинальном варианте.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу электронной почты: vestnik22@mail.ru. Тел.: 8 (495) 932 80 72.

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

При принятии решения о публикации редакционная коллегия руководствуется исключительно научной значимостью рассматриваемой работы и её соответствием научному направлению журнала. Рукописи, полученные для рецензирования, рассматриваются как конфиденциальный материал, не подлежащий использованию в личных целях или передаче третьим лицам.